Библіотека ... МИХАЙЛОВСКАГО
Шкафъ XIV полка 4 № 11

G.B.U.S.
8 R 2 8

Т-46

ПЕРВЫЙ ЦАРЬ МОСКОВСКІЙ

ІОАННЪ IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ.

8598

СОСТАВИЛЪ

Е. ТИХОМІРОВЪ.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

956
Б.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА В. В. ЛЕПЕХИНА.
1888.

VI. 7.

9Н-Т

Типографія П. Вощинской, Спб. Фурштадская ул., д. № 5.

2838

БИБЛІОТЕКА
О-въ для доступ. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

Пед. Муз. 9Н-Т
МУЗЕЙНАЯ БИБЛІОТЕКА
им. Горького

Г-46

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Предисловіе. Стран.

I. Незаконный разводъ 1
II. Новый противозаконный бракъ 8
III. Рожденіе Іоанна и раннее дѣтство его до смерти отца 13
IV. Смерть великаго князя Василія III. 19
V. Правленіе великой княгини Елены 33
VI. Правленіе бояръ (разнобоярщина) 51
VII. Дѣтство и юность Іоанна 72
VIII. Вѣнчаніе на царство 78
IX. Женитьба Іоанна 85
X. Великій Московскій пожаръ 94
XI. Сильвестръ и Адашевъ 101
XII. Всенародное покаяніе Іоанна. 108
XIII. Соборы 1547 и 1549 годовъ. 111
XIV. Изданіе судебника. 115
XV. Стоглавъ 128
XVI. Домострой 150
XVII. Славное покореніе Казани. 172
XVIII. Видѣнія и предсказанія о паденіи Казани . . 248
XIX. Память въ народѣ о покореніи Казани . . . 255
XX. Покореніе Астраханскаго царства 258
XXI. Отношенія къ народамъ прикавказскимъ и къ Крыму. 263

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пятидесятилѣтнее царствованіе Іоанна Грознаго—одна изъ интереснѣйшихъ страницъ нашей исторіи; да и самъ Грозный царь представляетъ собою выдающуюся, крупную личность, притомъ личность загадочную, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ еще не вполнѣ разгаданную, судя по разнорѣчивымъ до крайности взглядамъ на нее. Только о другой личности въ нашей исторіи существуютъ такіе же разнорѣчивые взгляды, именно—о Петрѣ Великомъ, который во многихъ отношеніяхъ сближается съ Іоанномъ Грознымъ.

Царствованіе Іоанна Грознаго обильно и славными дѣлами, и темными дѣяніями: на первыхъ, обезсмертившихъ имя этого царя, останавливаешься съ чувствомъ отрады и утѣшенія; послѣднія обезславившія его имя, вызываютъ чувство боли за человѣка и подчасъ чувство содраганія.

При составленіи этой книги мы руководствовались историческими трудами: Карамзина, Соловьева, Бестужева-Рюмина, Забѣлина, Устрялова, Костомарова, Сиповскаго и митрополита Макарія.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро,—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.

I.

Незаконный разводъ.

Женившись самъ (вторымъ бракомъ) на греческой царевнѣ Софіи Палеологъ, затѣмъ женивъ старшаго сына своего Іоанна (умершаго при жизни отцовской), на дочери молдавскаго воеводы и господаря и выдавъ дочь свою Елену за великаго князя литовскаго Александра (сдѣлавшагося впослѣдствіи и королемъ польскимъ), великій князь Московскій Іоаннъ III Васильевичъ много хлопоталъ о томъ, чтобы найти невѣсту и для своего сына и наслѣдника престола Василія среди европейскихъ дворовъ. Поиски его, однако, не увѣнчались успѣхомъ. Оставалось покориться необходимости и выбирать невѣсту для будущаго государя изъ подданныхъ. Великій князь выбралъ невѣсту для своего наслѣдника изъ 1500 дѣвицъ, вызванныхъ въ Москву на смотрины отъ служилыхъ людей всей земли русской. Выборъ палъ на Соломонпду Сабурову, дочь незнатнаго

тельнаго дворянина Юрія Константиновича Сабурова *).

4-го сентября 1505 года была отпразднована свадьба. Но великая княгиня Соломонида, или Соломонія, была безплодна. Тщетно несчастная княгиня употребляла всѣ средства, которыя ей предписывались знахарями и знахарками того времени. Чрезъ посредство своего брата Ивана Юрьевича Сабурова она безпрестанно отыскивала себѣ «и жонокъ, и мужиковъ», чтобы какими-нибудь чародѣйственными средствами привлечь къ себѣ любовь мужа. Одна такая жонка-знахарка изъ Рязани, по имени Стефанида, осмотрѣвши Соломонію, рѣшила, что у ней дѣтей не будетъ, но дала ей наговорную воду, велѣла ею умываться и дотрогиваться мокрою рукою до бѣлья великаго князя. Другая, какая-то безносая черница, давала ей наговорнаго масла или меда, велѣла натираться имъ и увѣряла, что не только великій князь полюбитъ ее, но она будетъ имѣть и дѣтей.

Протекло, однако, уже двадцать лѣтъ супружеской жизни, а дѣтей у Соломоніи все не было; исчезала и любовь мужа.

У великаго князя Василія Іоанновича было въ обы-

*) Такой общенародный выборъ невѣсты сдѣланъ былъ по совѣту великокняжескаго казначея—грека Юрія Траханіота, который, помня очень хорошо византійскую старину, выставилъ готовый и вполнѣ достойный образецъ для подражанія Московскому государю, это—древній обычай Византійской имперіи, гдѣ для молодыхъ императоровъ точно также невѣсты избирались со всей земли. Такъ, напр., императрица Ирина выбрала невѣсту для сына своего Константина. Подробный разсказъ объ этомъ событіи находимъ въ житіи св. Филарета Милостиваго, внучка котораго Марія и сдѣлалась супругою молодаго императора.

чаѣ путешествовать по своимъ владѣніямъ въ сопровожденіи бояръ и вооруженнаго отряда дѣтей боярскихъ. Это называлось на тогдашнемъ языкѣ *объѣздомъ*. Въ одинъ изъ такихъ объѣздовъ Василій, ѣдучи, какъ говоритъ лѣтописецъ, въ *позолоченной колесницѣ*, увидѣлъ на деревѣ птичье гнѣздо, залился слезами и началъ горько жаловаться на свою судьбу. «Горе мнѣ! говорилъ онъ: на кого я похожъ? И на птицъ небесныхъ не похожъ, потому что и онѣ плодовиты; и на звѣрей земныхъ не похожъ; потому что и они плодовиты; и на воды не похожъ, потому что и воды плодовиты: волны ихъ утѣшаютъ, рыбы веселятъ». Взглянувши на землю онъ сказалъ: «Господи! не похожъ и на землю, потому что и земля приноситъ плоды свои во всякое время, и благословляютъ они Тебя, Господи»; Вернувшись изъ объѣзда въ Москву великій князь началъ совѣтоваться съ боярами и говоритъ имъ съ плачемъ: «Кому по мнѣ царствовать на Русской землѣ и во всѣхъ городахъ моихъ и предѣлахъ?—Братьямъ отдать?—но они и своихъ удѣловъ строить не умѣютъ». На этотъ вопросъ послышался отвѣтъ между боярами: «Государь великій князь! неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ винограда». Высказывавшіе это, намѣкали на необходимость развода. Бояре, зная слабость государевыхъ братьевъ и страшась за будущность отечества, могли, въ видахъ государственной пользы, дать такой совѣтъ. Но не боярамъ предлежало рѣшить этотъ вопросъ, а власти церковной. Сохранилось преданіе, что великій князь, по совѣту митропо-

лита Даніила, посылалъ грамоту ко всѣмъ четыремъ восточнымъ патріархамъ, прося у нихъ разрѣшенія развестись съ неплодною женою и вступить въ новый бракъ; но всѣ патріархи отвѣчали великому князю рѣшительнымъ отказомъ. Какъ бы то ни было, первосвятитель Русской Церкви, вопреки ясному ученію Евангелія и въ противность церковнымъ правиламъ, дозволилъ государю разводъ съ его женою за одно только ея неплодство.

Но были люди, смотрѣвшіе на дѣло иначе. Главнымъ противникомъ развода былъ инокъ Вассіанъ Косой, бывшій князь Василій Патрикѣевъ. Великій князь оказывалъ ему большое уваженіе, за умъ и образованность и позволялъ ему имѣть сильное вліяніе на дѣла церковныя. Но теперь, когда возникъ важный вопросъ о разводѣ, Вассіанъ вооружился противъ него всѣмъ своимъ значеніемъ, какъ старецъ опытный въ дѣлахъ церковныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ вооружился противъ развода, какъ противъ дѣла беззаконнаго и безсовѣстнаго, князь Семенъ Ѳеодоровичъ Курбскій, почтенный благочестивый старецъ, нѣкогда славный воинъ, покоритель Перми и Югры. Мнѣніе Вассіана и Курбскаго поддерживалъ и знаменитый Святогорецъ Максимъ Грекъ [1]).

Несмотря, однако, на сопротивленіе, въ ноябрѣ 1525 года былъ объявленъ разводъ великаго князя съ Соломоніею, которая была насильно пострижена въ монашество. Иностранецъ Герберштейнъ, бывшій посломъ въ Москвѣ, отъ германскаго императора, пере-

[1]) Объ немъ будетъ рѣчь впереди.

даетъ въ такомъ видѣ обстоятельства этого постриженія.

Когда великой княгинѣ начали стричь волосы, она голосила и плакала. Митрополитъ поднесъ ей монашескій кукуль (шапочку). Она вырвала его изъ рукъ его, бросила на землю и стала топтать ногами.

Стоявшій тутъ, близкій совѣтникъ Василія Іоанновича, Иванъ Шигона, ударилъ ее плетью и сказалъ:

— «Такъ ты еще смѣешь противиться волѣ государя и не слушать его повелѣній?»

— А ты,—сказала Соломонія,—по какому праву смѣешь бить меня?

— «По приказанію государя!» отвѣтилъ Шигона.

— Свидѣтельствуюсь передъ всѣми,—громко сказала тогда Соломонія, — что не желаю постриженія и на меня насильно надѣваютъ кукуль. Пусть Богъ отмститъ за такое оскорбленіе!

Постриженіе произошло 28-го ноября 1525 года, въ Москвѣ, въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Постригалъ Соломонію никольскій игуменъ Давидъ, вѣроятно, въ присутствіи митрополита. Изъ Москвы бывшую великую княгиню Соломонію, въ монашествѣ Софію, отправили въ Покровскій Суздальскій монастырь [1]).

---

[1]) Проживъ въ монастырѣ 17 лѣтъ, Соломонія—Софія погребена была подъ соборною монастырскою церковію въ усыпальницѣ. На гробницѣ ея изображена слѣдующая надпись:

«Въ 1525 году благовѣрный великій князь Василій Іоанновичъ всея Россіи, супругу свою, благовѣрную великую княгиню Соломонію Юрьевну, жившп съ нею въ супружествѣ двадесять

Въ противоположность Герберштейнову разсказу о постриженіи великой княгини Соломоніи приведемъ разсказъ, находящійся въ лѣтописи, служащей продол-

---

лѣтъ и два мѣсяца, безчадства ради и немощи, по совѣту ея, постриже ю въ монашество въ ономъ монастырѣ и нарече имя ей Софія, которая пожившн въ томъ монастырѣ въ иноческомъ чинѣ благодарно и богоугодно семнадцать лѣтъ и полтора мѣсяца, преставися въ 1543 году декабря въ 15 день и погребена бысть въ томъ Покровскомъ монастырѣ подъ церковію Покрова Богородицы. Мощи сея преподобныя лежатъ въ рацѣ подъ спудомъ; а надъ мощами ея на гробницѣ, на покровѣ вышитъ образъ преподобныя княгини Софіи, и отъ гроба ея многія чудеса и исцѣленія бываютъ въ разныхъ скорбѣхъ съ вѣрою приходящимъ и донынѣ. Изъ нихъ же примѣчанія достойно слѣдующее: въ 1609 году приходилъ во градъ Суждаль панъ Лисовскій съ товарищи на раззореніе града Суждаля и обителей. Тогда преподобная княгиня Софія градъ Суждаль и обитель сію отъ нашествія и плѣненія того пана избави грознымъ явленіемъ, еже бѣ сице: егда той панъ пріиде къ Покровской обители, въ то время внезапу явися ему преподобная Софія во образѣ своемъ иноческомъ, съ горящею свѣщею и нача его жещи и палити; въ томъ часѣ оный панъ впаде въ недугъ велій и рука правая отъяся у него, и отъ того видѣнія онъ ужасеся и отыде отъ Покровской обители, повѣдая товарищамъ своимъ такія дивныя чудеса, и клятву положи на себе—града Суждаля и обителей не раззоряти; и отыде восвояси».

Изъ *поручной записи* Вязниковскихъ посадскихъ людей по иконописцѣ Пономаревѣ, состоявшейся въ 1674 году, касательно написанія мѣстныхъ иконъ въ иконостасѣ соборной монастырской церкви, видно, что съ изображеніями Суздальскихъ святыхъ написанъ былъ образъ и преподобной княгини Софіи. На одномъ изъ образовъ княгини Софіи, находящемся въ Покровскомъ монастырѣ, вычеканена на вѣнцѣ надпись: «Святая Княгиня Софія новая Суждальская чудотворица.»

женіемъ Нестору (стр. 383): «Благовѣрпая великая княгпня Соломонпда, впдя неплодство изъ чрева своего, яко-же и древняя оная Сарра, начатъ молити государя великаго князя Василія Ивановича всея Руссіп, да повелитъ ей облещпся во пшческій образъ. Царь же, государь всея Руссіи нача глаголати сице: како могу бракъ раззорпти, а вторымъ совокупитися,—паче же государь благочестивъ и совершитель заповѣдемъ Господпимъ и законпому повелѣнію? Христолюбпвая же великая княгпня съ прплежаніемъ и со слезами начатъ молити государя, да повелитъ ей сотворпти тако, якоже хощетъ. Царь же ни слышати сего не восхотѣ, и прпходящихъ отъ нея вельможъ отрѣвая съ злобою. Великая же княгпня, видя непреклонна государя на моленіе ея, начатъ молити Данила Митрополита, да умолитъ о семъ государя, дабы сотворилъ волю ея быти». Великій князь послушался митрополита.

Однако это извѣстіе, очевидно, ложное, внесено въ лѣтопись пзъ страха разгнѣвать великаго князя. Всѣ другія современныя пзвѣстія едпногласпо говорятъ, что Соломонія была пострижена насильно.

Вскорѣ послѣ пострижепія Соломоніи, въ Москвѣ разнесся слухъ, что она беременна и скоро разрѣшится. Этотъ слухъ подтверждали двѣ боярыпи, жены близкихъ къ государю людей, именно, вдова казначея Юрія Траханіота (Варвара) и жена постельничаго Якова Мансурова. Онѣ говорили, что слышали отъ самой Соломоніи о ея беременности и близкихъ родахъ. Велпкій князь очень смутился этою молвою, удалилъ изъ дворца обѣпхъ боярынь, а вдову Траханіота приказалъ даже

высѣчь за то, что она раньше не донесла ему объ этомъ. Онъ послалъ въ монастырь къ Соломоніи, разузнать дѣло на мѣстѣ своихъ дьяковъ: Третьяка Ракова и Меньшого Путятина. Чѣмъ окончилось изслѣдованіе, намъ неизвѣстно. Герберштейнъ говоритъ, что въ бытность его въ Москвѣ, выдавали за истину, что Соломонія родила сына, именемъ Юрія (Георгія), и никому его не показывала. Когда къ ней явились посланные, узнать истину, то она сказала имъ: «Вы недостойны того, чтобы глаза ваши видѣли ребенка. А вотъ когда онъ облечется въ свое величіе (станетъ царемъ), то отомститъ за оскорбленіе матери». Но нѣкоторые рѣшительно не вѣрили, что Соломонія дѣйствительно родила. И такимъ образомъ этотъ слухъ остался сомнительнымъ.

Преданіе о томъ, что у Соломоніи былъ ребенокъ, живо до сихъ поръ въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ [1]).

II.

Новый противозаконный бракъ.

Ровно чрезъ два мѣсяца послѣ постриженія несчастной Соломоніи, 28-го января 1526 года, великій князь Василій Іоанновичъ женился на Еленѣ Васильевнѣ Глинской, дочери Василія Глинскаго, литовскаго вы-

[1]) *М. И. Семевскій*, Суздальскій Покровскій монастырь. «Русскій вѣстникъ», 1861 г.

ходца. Митрополитъ Даніилъ, опять вопреки церковныхъ правилъ, благословилъ великаго князя, вступить въ новый бракъ и даже самъ обвѣнчалъ его.

Никакого выбора невѣстъ, въ этомъ случаѣ не было. Это показываетъ, что великій князь уже прежде рѣшился жениться на Еленѣ и потому развелся съ прежнею женою.

Сохранилось описаніе свадьбы великаго князя Василія съ Еленою, любопытное въ томъ отношеніи, что представляетъ картину тогдашнихъ обрядовъ.

О свадебницахъ (такъ назывался въ народѣ рождественскій мясоѣдъ), 28-го января, Василій обвѣнчался съ новою супругою, «оженися, яко лѣто бѣ царемъ женитися», то есть съ подобающимъ царскому сану торжествомъ и веселіемъ.

Въ средней царской палатѣ устроено было возвышенное мѣсто, обтянутое бархатомъ и камками, съ широкими изголовьями, на которыхъ положено было по сороку соболей. Передъ мѣстомъ поставленъ былъ столъ, накрытый скатертью, съ калачами и солью. У жениха и невѣсты былъ у каждаго свой свадебный поѣздъ: у великаго князя такъ называемый *свадебный тысячскій* съ боярами (тысячскимъ былъ братъ Василія, Андрей) и дружка со своими боярами; у княжны Елены—жена тысячскаго, дружка, свахи и боярыни. Невѣсту одѣвали въ ея покояхъ. По присланному приказу великаго князя, невѣста съ своими боярынями отправилась въ среднюю палату. Передъ нею несли свѣчи жениха и невѣсты и каравай, на которомъ лежали золотыя монеты. Княжну посадили на приготов-

ленное мѣсто, а близъ нея, на мѣстѣ, которое долженъ былъ потомъ занять великій князь, посадили ея меньшую сестру Анастасію. Всѣ боярыни сѣли на лавкахъ; а на лѣвой сторонѣ отъ невѣсты стали несшія свѣчи и каравай. Вслѣдъ затѣмъ, по приказанію великаго князя, вошелъ въ палату братъ его Юрій Ивановичъ съ боярами и дѣтьми боярскими, разсажалъ ихъ по мѣстамъ, а самъ сѣлъ на такъ называемомъ *большомъ мѣстѣ*, и послалъ звать великаго князя, ожидавшаго въ брусяной столовой избѣ. Великій князь вошелъ съ тысячскимъ и своими свадебными боярами, поклонился образамъ, а потомъ приподнялъ съ мѣста сестру невѣсты и сѣлъ на мѣсто ея возлѣ невѣсты. Священникъ прочиталъ молитву; свѣчи съ обручами, перевязанныя соболями, были зажжены боголявленской свѣчей. Жена тысячскаго расчесала волосы жениху и невѣстѣ и возложила на голову невѣстѣ *кику* съ навѣшаннымъ на ней покровомъ, а потомъ осыпала великаго князя хмѣлемъ изъ большой золотой мисы, въ которой, кромѣ хмѣля, положены были въ трехъ мѣстахъ соболи и шелковые платки въ знаменательномъ числѣ трижды девять. Дружка великаго князя рѣзалъ *перепечю* и сыръ, ставилъ передъ новобрачными и разсылалъ присутствующимъ, а дружка невѣсты раздавалъ ширинки.

Посидѣвши немного великій князь отправился въ церковь къ вѣнчанію со всѣми своими боярами, а на мѣстѣ, на которомъ онъ передъ тѣмъ сидѣлъ, положилъ сорокъ соболей. За нимъ вслѣдъ отправилась Елена со всѣми своими поѣзжанами въ саняхъ, а пе-

редъ ея санями несли свѣчи и каравай. Вѣнчаніе совершалъ самъ митрополитъ Даніилъ. Когда послѣ вѣнчанія новобрачнымъ дали пить вино, великій князь бросилъ опорожненную стклянницу на землю и растопталь ее ногами. Никто не смѣлъ послѣ того ступить ногою на эти стеклянные осколки. Послѣ вѣнчанія, митрополитъ, а за нимъ бояре поздравляли новобрачныхъ. Они возвращались тѣмъ же порядкомъ порознь. Свѣчи и каравай унесены были къ постели и поставлены у изголовья въ кадь съ пшеницею. Комната, гдѣ приготовлялась постель на тридевяти снопахъ, называлась «сѣнникъ», облѣкалась тканями и по четыремъ угламъ втыкались стрѣлы съ сорока соболями на каждой, а подъ ними на лавкахъ ставился пивной медъ. Великій князь съ своимъ поѣздомъ, на возвратномъ пути изъ церкви, объѣзжалъ монастыри, а потомъ посылалъ звать великую княгиню со всѣмъ ея поѣздомъ къ столу. Конь, на которомъ ѣздилъ по монастырямъ великій князь, передавался конюшему. Послѣдній долженъ былъ въ продолженіе всего стола и всей ночи ѣздить вокругъ спальни съ обнаженною саблею. Важную должность свадебнаго конюшаго исполнялъ князь Ѳедоръ Васильевичъ Овчина - Телепневъ - Оболенскій, отецъ Ивана, бывшаго потомъ любимцемъ Елены, который и самъ участвовалъ въ свадебномъ чинѣ: онъ находился въ числѣ дѣтей боярскихъ четвертымъ у брачной постели, вмѣстѣ съ дворовыми боярынями вдовами ближнихъ бояръ Челяднинныхъ, Еленою и Аграфеною. Во время стола ставили передъ новобрачными жареную курицу. Дружка обвертывалъ ее скатертью и

уносилъ въ спальню. Это служило знакомъ, что великой княгинѣ съ поѣзжанами слѣдуетъ идти въ спальню. За нею шелъ великій князь и несли иконы. У постели жена тысячскаго, одѣвши на себя двѣ шубы, верхнюю шерстью вверхъ, осыпала новобрачныхъ. На другой день великій князь съ особыми обрядами ходилъ въ мыльню. Для этого, по свадебному чину, наряжены были знатныя особы, и въ числѣ ихъ молодой Иванъ Телепневъ-Оболенскій, которому было назначено «колпакъ держите у великаго князя и спати у постели и въ мыльнѣ мытися съ великимъ княземъ», что̀ обыкновенно поручалось самымъ приближеннымъ, такъ сказать, домашнимъ, комнатнымъ людямъ. Такимъ образомъ сердечная связь Елены съ Иваномъ Оболенскимъ объясняется давнишнею близостью его семейства къ государевой комнатѣ, и особенно черезъ Аграфену Челяднину, его сестру, которая была замужемъ за Васильемъ Андреевичемъ Челядниным, государевымъ дворецкимъ, братомъ государева конюшаго Ивана Челяднина и сыномъ тоже государева конюшаго, Андрея Челяднина, бывшаго въ этомъ чинѣ еще при отцѣ великаго князя Василія.

Новая супруга великаго князя не походила на тогдашнихъ русскихъ женщинъ. Отецъ ея и особенно дядя, живавшій въ Италіи и Германіи, были люди образованные. И Елена, безъ сомнѣнія, усвоила отъ родныхъ иноземныя понятія и обычаи. Женившись на ней Василій Іоанновичъ тоже какъ будто сталъ склоняться къ сближенію съ другими европейскими государствами. Въ угоду молодой женѣ онъ сбрилъ даже

себѣ бороду; а это, по тогдашнимъ понятіямъ русскихъ, считалось не только дѣломъ непристойнымъ, но даже тяжкимъ грѣхомъ: православные считали бороду необходимою принадлежностью благочестиваго человѣка. На иконахъ, представлявшихъ страшный судъ. по правую сторону Спасителя изображались праведники съ бородами, а по лѣвую—басурманы и еретики, обритые, съ одними только усами, «аки коты и псы», какъ говорили набожные люди.

Несмотря на такой господствующій взглядъ, въ Москвѣ являлись тогда записные щеголи, которые старались уподобиться женщинамъ и даже выщипывали у себя волосы на лицѣ, рядились въ роскошныя одежды, нацѣпляли на свои кафтаны пуговицы, надѣвали ожерелья, множество перстней, натирались разными благовонными мазями, ходили особенной мелкой поступью. Благочестивые люди сильно вооружались противъ этихъ щеголей, да ничего подѣлать съ ними не могли.

Женившись на Еленѣ Васильевнѣ Глинской, сталъ щеголять великій и князь Василій Іанновичъ.

III.

Рожденіе Іоанна и раннее дѣтство его, до смерти отца.

Вступивъ во второй бракъ съ политическою цѣлью—дать государству наслѣдника, Василій Іанновичъ освятилъ этотъ бракъ въ самомъ началѣ молитвою о чадоро-

діи. Чрезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, назначая въ Новгородъ архіепископомъ своего любимца, архимандрита Можайскаго монастыря Макарія, великій князь поручилъ ему, какъ пріѣдетъ на паству, «въ октеньяхъ молити Бога и Пречистую Богоматерь и чудотворцевъ о себѣ и о своей княгинѣ Еленѣ, чтобы Господь Богъ далъ имъ плодъ чрева ихъ», о чемъ дѣйствительно и молились по всей епархіи въ церквахъ и монастыряхъ.

Въ концѣ года великій князь совершилъ богомольный походъ въ Тихвинъ, къ Тихвинской Богоматери, куда пріѣхалъ вмѣстѣ съ Новгородскимъ владыкою Макаріемъ 24-го декабря, въ навечеріе праздника Рождества Христова, пробылъ тамъ три дня и три ночи, молился «о здравіи и о спасеніи и чтобы ему Господь Богъ даровалъ плодъ чрева... великую вѣру и умильное моленіе показалъ ко Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородицѣ и къ Ихъ угодникамъ; показалъ многую милость къ печальнымъ людямъ, которые въ его государевой опалѣ были, монастыри милостынями удоволилъ».

Но прошло и еще почти два года, а Господь не благословлялъ дѣтьми и этого брака. Осенью 1528 года великій князь, проживъ до Филипповскихъ заговѣнъ въ Новой Александровой слободѣ, предпринялъ оттуда новый богомольный походъ по монастырямъ къ чудотворцамъ, вмѣстѣ съ великою княгинею: былъ въ монастыряхъ Переяславскихъ, Ростовскихъ, Ярославскихъ, на Бѣломъ озерѣ въ Кирилловѣ монастырѣ, на Кубенскомъ озерѣ въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, вездѣ милостыню великую давалъ и потѣшеніе по мо-

настырямъ и въ городѣ попамъ, прося молиться о чадородіи, «чтобъ далъ Богъ *отрода* у него былъ». Въ Переяславлѣ основывалъ тогда свой монастырь преподобный Даніилъ, ученикъ Пафнутія Боровскаго. Посѣтивъ св. старца, великій князь завѣщалъ поставить въ монастырѣ каменную церковь во имя св. Троицы, для чего и запасъ къ церковному строенію послалъ, прося преподобнаго молить Бога о дарованіи ему чада. По словамъ Макарія, любимца великаго князя, послѣдній «не умалялъ подвига въ молитвѣ, не сомнѣвался отъ долгаго времени своего безчадства, не унывалъ съ прилежаніемъ просить, не переставалъ расточать богатство нищимъ, путешествуя по монастырямъ, воздвигая церкви, украшая св. иконы, монаховъ любезно успокоивая. всѣхъ на молитву подвизая, совершая богомольные походы по дальчайшимъ пустынямъ, даже пѣшкомъ, вмѣстѣ съ великою княгинею и съ боярами; всегда на Бога упованіе возлагая, вѣрою утверждаясь, надеждою веселясь... желаше бо попремногу отъ плода чрева его посадити на своемъ престолѣ въ наслѣдіе роду своему» [1]).

Такимъ образомъ четыре съ половиною года протекли въ непрестанныхъ моленіяхъ, въ непрестанныхъ подвигахъ, благочестія и милосердія. Въ послѣднее время супруги съ особенною вѣрою прибѣгали къ преподобному Пафнутію Боровскому. Наконецъ молитва ихъ была услышана: Господь внялъ стенаніямъ и слезамъ супруговъ и «разверзе союзъ неплодства ихъ». 25-го августа 1530 года была великая неизреченная

---

[1]) Степенная книга II, 205.

радость великому князю и великой княгинѣ и всему Московскому государству: въ этотъ день Богъ даровалъ государю сына Іоанна—*молитвенный плодъ*, столько времени и съ такою горячностью ожидаемый родителями. Въ 1584 году рязанскій епископъ Леонидъ свидѣтельствовалъ предъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ какъ о дѣлѣ всѣмъ извѣстномъ, что «по прошенію и по моленію преподобнаго Пафнутія чудотворца далъ Богъ наслѣдника царству и многожеланнаго сына отцу». Это подтверждается еще и тѣмъ, что воспріемниками новорожденнаго первенца Василіева отъ купели были избраны ученики преп. Пафнутія — Даніилъ Переяславскій и Кассіанъ, прозванный Босымъ. Крещеніе новорожденнаго совершено было въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ игуменомъ Іоасафомъ Скрипицынымъ, у мощей преп. Сергія. Здѣсь Даніилъ своими руками носилъ младенца во время литургіи и къ причастію св. Таинъ. Разсказывали, что великая княгиня во время своей беременности, «яко бысть близъ рожденія», вопросила одного юродиваго, Дементія, кого она родитъ. Онъ, юродствуя, отвѣчалъ: «родится Титъ — широкій умъ». Она еще больше стала молиться, чтобы исполнилась ея надежда. За девять дней до рожденія въ Успенскій постъ, іереи служили обѣдню, вовсе не вѣдая, что великая княгиня уже непраздна. Когда на ектеніи, среди обычныхъ моленій о великомъ князѣ и о великой княгинѣ, слѣдовало произнести: *о еже подати имъ плодъ чрева*, одинъ клирикъ внезапно, яко сномъ объятъ, возгласилъ: *и о благородномъ чадѣ ихъ* и въ изумленіи оглядывалъ другихъ служащихъ, желая

знать объ имени царственнаго младенца. Богодарованному отроку наречено имя: *Іоаннъ*, «еже есть Усѣкновеніе Честныя Главы», сказано въ лѣтописи. Въ мамы къ новорожденному малюткѣ была избрана Аграфена Челядника, сестра будущаго наперсника Елены, князя Ивана Өедоровича Овчины-Телепнева-Оболенскаго.

Ни одному царскому рожденію не придавали такого великаго значенія и особеннаго смысла, какъ этому рожденію будущаго грознаго царя. Лѣтописцы записали, что будто бы въ часъ его рожденія по всей Русской землѣ внезапно былъ страшный громъ, блистала молнія, какъ бы основаніе земли поколебалось. Послѣ узнали, что въ этотъ часъ родился государь Іоаннъ Васильевичъ.

Великій князь не зналъ, какъ выразить свою радость и свою благодарность Богу: сыпалъ золото въ казны церковныя и на бѣдныхъ, велѣлъ отворить всѣ темницы и снялъ опалу со многихъ знатныхъ людей, бывшихъ у него подъ гнѣвомъ: съ князя Өедора Мстиславскаго, женатаго на племянницѣ государевой и ясно уличеннаго въ намѣреніи бѣжать къ польскому королю, съ князей: Щенятева, Суздальскаго-Горбатаго, Плещеева, Морозова, Лятцкаго, Шигоны и другихъ, подозрѣваемыхъ въ недоброжелательствѣ къ Еленѣ. Съ утра до вечера великокняжескій дворецъ наполнялся усердными поздравителями—не только москвичами, но и жителями самыхъ отдаленныхъ городовъ. Пустынники, отшельники приходили благословить державнаго младенца въ пеленахъ и были угощаемы за великокня-

8398

Лен. НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького

жескою трапезою. Въ знакъ признательности къ угодникамъ Божіимъ, покровителямъ Москвы — святымъ митрополитамъ Петру и Алексію, великій князь устроилъ для мощей ихъ богатыя раки: для перваго золотую, для втораго—серебряную.

Понятно послѣ этого, какъ велика была любовь Василія къ своему первенцу и какъ сильна заботливость объ немъ. Уѣзжая изъ Москвы онъ писалъ Еленѣ въ отвѣтъ на ея письма: «Говоришь ты, что у сына на шеѣ показался вередъ. Ты мнѣ прежде объ этомъ зачѣмъ не писала? И ты бы мнѣ теперь дала знать, какъ Ивана сына Богъ милуетъ, и что́ у него такое на шеѣ явилось, и какъ явилось, и давно-ли, и лучше ли теперь? Да поговори съ княгинями и боярынями, что́ это такое у Ивана сына явилось, и бываетъ ли это у дѣтей малыхъ? Если бываетъ, то отъ чего бываетъ: съ роду или отъ чего иного? Ты-бъ и впередъ о своемъ здоровьи и о здоровьи сына Ивана не держала меня безъ вѣсти. Да и о кушаньи сына впередъ ко мнѣ отписывай: что Иванъ сынъ покушаетъ, чтобъ мнѣ было вѣдомо».

Чрезъ два года съ небольшимъ послѣ Іоанна, 30-го октября 1532 года, у Елены родился другой сынъ — Юрій (Георгій), воспріемникомъ котораго былъ тоже Даніилъ Переяславскій. Крещеніе его совершено было тѣмъ же Троицкимъ игуменомъ Іоасафомъ Скрипициным.

IV.

Смерть великаго князя Василія III.

Это было въ концѣ 1533 года. Великій князь Василій Іоанновичъ отправился съ женою и дѣтьми въ Троицкій монастырь праздновать день святаго Сергія, угостилъ тамъ братію и поѣхалъ оттуда на охоту въ Волокъ-Ламскій «тѣшитися». На пути, въ селѣ его Озерцкомъ, у него оказалось на лѣвой ногѣ «знамя болѣзненности» — болячка съ булавочную головку, багровая, но безъ верху. Онъ однако продолжалъ путь. Праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы Василій отпраздновалъ въ селѣ Покровскомъ, въ Фуниковѣ, и провелъ тамъ два дня. Болѣзнь начинала безпокоить его, но онъ перемогался. На третій день, въ воскресенье, онъ пріѣхалъ въ Волокъ и былъ на пиру у любимца своего, дворецкаго Тверскаго и Волоцкаго, Шигоны. Боль увеличивалась, и лѣкарства не помогали. Въ понедѣльникъ онъ ходилъ въ баню, а за столомъ сидѣлъ въ постельныхъ хоромахъ съ великою нуждою. Поутру во вторникъ погода случилась весьма удобная для охоты: онъ велѣлъ позвать ловчихъ Нагого и Дятлова и «не унявся» поѣхалъ въ село свое Колпь. До села того ѣдучи, мало было потѣхи. Изъ Колпи, великій князь послалъ за братомъ Андреемъ въ Старицу—звать его на охоту. Черезъ силу выѣхалъ онъ въ поле съ собаками, но съ третьей версты воротился назадъ: бо-

лѣзнь его одолѣла, онъ слегъ въ постель, не вставая къ столу. Тогда онъ послалъ за княземъ Михаиломъ Глинскимъ (дядею великой княгини) и врачами своими, Ѳеофиломъ и Люевымъ (Буловымъ). Прикладывали къ болячкѣ пшеничную муку съ прѣснымъ медомъ и печеный лукъ, отчего она стала рдѣться и гноиться. Въ Колпи великій князь пробылъ двѣ недѣли. Возвращаться на конѣ въ Волокъ онъ уже не могъ: дѣти боярскіе и княжата понесли его на носилкахъ. Стали прикладывать мазь, и гною пошло по полутазу и даже тазу. Велика была тягость «въ грудѣхъ»; и взяли горшки-сѣмянники, которые оказали свое дѣйствіе. Но облегченія никакого не было: «и отъ того часа порушился ему ѣства (то-есть, пропалъ аппетитъ), не начасти,—и уразумѣ князь великій болѣзнь свою смертную».—Тогда послалъ онъ въ Москву своего стрянчаго и дьяка за духовными грамотами дѣда и отца, не веля о томъ сказывать никому. Мансуровъ и Путятинъ привезли грамоты тайно отъ всѣхъ людей — отъ княгини и братьевъ, митрополита и бояръ.

Наканунѣ дня памяти Варлама Хутынскаго, [1]) ночью вышло изъ больнаго мѣста гноя больше таза и стержень въ полторы пяди, но не весь. Больной обрадовался, надѣясь на облегченія, но напрасно. Становилось часъ-отъ-часу хуже и хуже. Онъ послалъ тогда за бояриномъ своимъ Михаиломъ Юрьевичемъ Захарьинымъ и любимымъ старцемъ Мисаиломъ Сукинымъ. Они пріѣхали. «Я хочу постричься,—сказалъ онъ имъ и ду-

[1]) Память преп. Варлама Хутынскаго празднуется 6-го ноября.

ховнику своему, протопопу Алексѣю, — чтобъ платье чернеческое было у васъ готово: смотрите, не положите меня въ бѣломъ». Открылся совѣтъ съ прочими, какъ ему ѣхать въ Москву. На совѣтѣ рѣшено побывать прежде въ Іосифовѣ монастырѣ, у Пречистой помолиться. Съ великимъ трудомъ отправился великій князь въ путь и взялъ заговѣйное въ селѣ своемъ на Буѣ-Городѣ, вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ. Повели его подъ-руки въ церковь. Великая княгиня съ дѣтьми, пріѣхавшая изъ Москвы, слѣдовала за ними. Дьяконъ отъ слезъ не могъ промолвить ектеніи о здравіи государя; игуменъ, братія, бояре и всѣ люди плакали. Когда началась обѣдня, великій князь, не имѣя силъ стоять, былъ вынесенъ на паперть церковную и положенъ на одръ, на которомъ и лежалъ во все продолженіе службы.

Когда кончилась обѣдня, его отнесли въ келью. Игуменъ сталъ умолять его покушать. Великій князь немного поѣлъ черезъ силу и велѣлъ своему брату съ боярами идти въ монастырскую трапезу. Переночевавъ въ Іосифовомъ монастырѣ онъ поѣхалъ въ Москву. Дорогою часто останавливались и отдыхали. Василій совѣтовался съ боярями, какъ бы въѣхать въ городъ не явно, потому что на Москвѣ въ то время были иноземные послы. Наконецъ рѣшили остановиться на Воробьевыхъ горахъ. Здѣсь больной пробылъ два дня. Сюда пріѣзжали къ нему изъ Москвы: митрополитъ Даніилъ, епископы, архимандриты, бояре. Подъ селомъ Воробьевымъ, по его приказанію, стали строить мостъ на Москвѣ рѣкѣ. Это было въ ноябрѣ; ледъ сталъ

еще не очень крѣпко; его рубили, съ поспѣхомъ колотили сваи, а на нихъ мостили доски. На третій день великій князь отправился въ Москву. Въ каптану, поставленную на саняхъ, впряжены были четыре коня; едва, спустившись съ горы, стали они взбираться на мостъ, какъ мостъ подломился: дѣти боярскіе успѣли удержать каптану и поспѣшно обрѣзали гужи у коней. Великій князь принужденъ былъ вернуться. Онъ посердился на городничихъ, смотрѣвшихъ за постройкою, но не положилъ на нихъ опалы. Онъ въѣхалъ въ Москву другимъ путемъ—на поромѣ подъ Дорогомиловымъ въ Боровицкія ворота. Его внесли въ постельныя хоромы.

Первою заботою великаго князя по пріѣздѣ въ Кремль и успокоеніи въ постельныхъ хоромахъ было—написать духовную. Онъ чувствовалъ себя очень дурно. Около него находились постоянно митрополитъ, коломенскій святитель, любимый старецъ Мисаилъ Сукинъ и духовникъ. Онъ совѣтовался съ ними о постриженіи. «Я знаю,—сказалъ онъ первосвятителю,—никто не хочетъ, чтобъ я сдѣлался монахомъ; но ты, отче, не смотри ни на кого и сотвори по волѣ Божіей инока мя быти, хоть я и грѣшенъ». Онъ велѣлъ тайно служить обѣдню у Благовѣщенія, въ предѣлѣ Василія Великаго, и принялъ Божественные Дары, поднесенные ему коломенскимъ владыкою Вассіаномъ. Въ среду, противъ четверга, также тайно, въ присутствіи только довѣренныхъ духовныхъ лицъ, онъ освящался масломъ, и на воскресенье—въ другой разъ явственно. Въ воскресенье же велѣлъ служить у Рож-

дества и принести къ себѣ святое причастіе. Онъ не могъ двигаться и ему къ постели придвинули кресло; но какъ увидѣлъ святое причастіе то всталъ самъ съ постели, и только немного пособилъ ему усѣсться на креслѣ, боярин Михаилъ Юрьевичъ. Протопопъ Алексѣй поднесъ святые дары, а попъ Григорій—дору (антидоръ). Онъ всталъ на ноги и съ великимъ благоговѣніемъ и слезами пріобщился пречистаго Тѣла и Крови Христовой; потомъ откушалъ мало освященнаго хлѣба, дору, укропу, кутіи и просфоры. Отдохнувъ онъ призвалъ митрополита, братьевъ, Юрія и Андрея, и бояръ. Узнавъ о болѣзни великаго князя они всѣ съѣхались изъ своихъ отчинъ, братья же еще прежде. Великій князь сказалъ имъ: «Приказываю (отдаю на руки) сына своего Ивана Богу и Пречистой Богородицѣ, и святымъ чудотворцамъ, и тебѣ, отцу своему, Даніилу митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой, князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси. И вы бы, мои братія, князь Юрій и князь Андрей, стояли крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ крестъ цѣловали мы между собою—о земскомъ строеніи, о ратныхъ дѣлахъ; противъ недруговъ сына моего и своихъ стояли дружно, чтобъ рука православныхъ христіанъ была высока надъ басурманами и латынами. Вы же, бояре и боярскіе дѣти, и княжата, вѣдаете сами, что наше государство Владимірское, Новгородское и Московское ведется отъ великаго князя Владиміра Кіевскаго. Мы вамъ—государи прироженные, а вы намъ—извѣчные бояре: стойте крѣпко чтобъ мой сынъ учинился на

государствѣ—государь и чтобъ была на землѣ правда.

Отпустилъ затѣмъ отъ себя всѣхъ и оставивъ только Димитрія Бѣльскаго съ братьею да князей Шуйскихъ, Горбатыхъ и Михаила Глинскаго, онъ обратился къ первымъ съ такими словами: «Поручаю вамъ Михаила Львовича Глинскаго. Человѣкъ онъ пріѣзжій; и вы бы того не говорили, что онъ пріѣзжій: держите его за здѣшняго уроженца, потому что онъ мнѣ вѣрный слуга.» Обратившись же къ Глинскому онъ сказалъ ему: «А ты, князь Михаилъ, за моего сына Ивана и за жену мою Елену долженъ охотно пролить всю кровь свою и дать тѣло свое на раздробленіе».

Болѣзнь усилпвалась, отъ раны пошелъ духъ—«нежидъ смертный». Великій князь обратился къ доктору Люеву: «Братъ Николай! пришелъ ты ко мнѣ изъ своей земли и видѣлъ мое великое жалованье къ себѣ: можно ли тебѣ, чтобъ было облегченіе болѣзни моей?» Николай отвѣчалъ: Жилъ я, государь, въ своей землѣ и прослышалъ о твоемъ великомъ жалованьѣ и ласкѣ; я оставилъ отца и мать, и землю свою, и пріѣхалъ къ тебѣ, государь, видѣть твое великое жалованье до себя и хлѣбъ-соль. Готовъ бы я хоть тѣло мое раздробить для тебя, государь. А мощно ли мнѣ мертваго живымъ сотворити? Я не Богъ.

«Слышите?» сказалъ Василій дѣтямъ боярскимъ и своимъ стряпчимъ,—«Николай надо мною позналъ, что я уже не вашъ». Стряпчіе и дѣти боярскіе сдерживали слезы, и вышедъ вонъ заплакали горько.

На воскресенье противъ той ночи, какъ причаститься святыхъ Таинъ, великій князь притихнулъ и

началъ во снѣ порывистымъ голосомъ пѣть: «Аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ Боже!» Потомъ проснулся и сказалъ: «Какъ Богу угодно, такъ и будетъ. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка». Пришелъ къ нему игуменъ Троицкаго монастыря Іоасафъ, и сказалъ ему великій князь: «Помолись, отче, о земскомъ строеніи, о сынѣ моемъ Иванѣ и о моихъ прегрѣшеніяхъ. Я крестилъ его у чудотворца, и далъ его чудотворцу, и на раку его клалъ. Молите Бога объ Иванѣ сынѣ моемъ и о моей женѣ». Игумену не велѣлъ выѣзжать изъ города. Въ среду великій князь пріобщился еще запасными дарами, но съ постели встать не могъ: его приподнимали подъ плеча. По пріобщеніи вкусилъ не много взвару. Потомъ призвалъ онъ бояръ своихъ—князей Шуйскихъ и другихъ, которые оставались у него отъ 3-го часа до 7-го, и разсуждалъ съ ними о томъ, какъ править послѣ него государствомъ. А Глинскій, Захарьинъ и Шигона оставались у него до самой ночи. Онъ наказывалъ имъ о своей великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть и какъ боярамъ къ ней ходить. Пришли братья Юрій и Андрей, и начали притужать его, чтобъ вкусилъ чего-нибудь хотя мало. Больной отвѣдалъ миндальной каши, едва поднеся къ губамъ. Братья ушли; но онъ велѣлъ воротить Андрея. Были у него Глинскій, Захарьинъ и Шигона. «Вижу самъ,—сказалъ онъ,—что животъ мой къ смерти приближается. Пошлю за сыномъ Иваномъ: я благословлю его крестомъ Петра митрополита. Пошлю и за женою: хочу проститься съ нею». И потомъ вдругъ передумалъ: «Нѣтъ, не надо приносить сына: я стра-

шенъ, — какъ бы младенецъ не испугался». А братъ Андрей и бояре совѣтовали: «Пошли за сыномъ и благослови его; пошли и за княгинею». Тогда великій князь послалъ за женою, но прежде велѣлъ принести сына, плача ради великія княгини, и положилъ на себя крестъ Петра митрополита. Князь Михаилъ Глинскій принесъ на рукахъ младенца Іоанна, вмѣстѣ съ боярыней Аграфеной, его мамкой. Ему было только три года и три мѣсяца. Василій приподнялся. Слезы потекли у него изъ глазъ ручьями. Онъ снялъ съ себя крестъ Петра чудотворца, приложилъ ко кресту сына и благословивъ надѣлъ на него и сказалъ: «Буди на тебѣ милость Божія. Какъ Петръ чудотворецъ благословилъ симъ святымъ и животворящимъ крестомъ прародителя нашего, князя Ивана Даниловича, и весь родъ нашъ даже и до нынѣ, до насъ, такъ и я благословляю тебя, сына своего старѣйшаго: да будетъ тебѣ сей святый крестъ на прогнаніе враговъ и борителей нашихъ. Многіе иновѣрные покушались на православіе и на нашу державу, Богомъ порученную намъ, разорити хотяще, но не возмогли одолѣть крестной силы. Есть бо намъ вѣрнымъ забрало крестъ честный и святыхъ молитвы. Буди же на тебѣ его благословеніе, на твоихъ дѣтяхъ и на внучатахъ отъ рода въ родъ, буди и мое благословеніе на тебѣ, на твоихъ дѣтяхъ и на внучатахъ отъ рода въ родъ. Еще благословляю тебя, благословеніемъ нашего прародителя, великаго князя, Володимеровымъ Мономашимъ честнымъ крестомъ. Къ сему же пріими и вѣнецъ царскій Мономашъ, и жезлъ, и прочую утварь царскую Мономашу, имиже мы, вели-

кіе князи, вѣнчаемся на великое самодержство Русскаго царства. Тако-жъ вручаю тебѣ сей скипетръ, великія Россіи державу — великое княженіе Владимірское, Московское, и Новгородское, и всея Руси великое государство».

Такъ благословилъ онъ своего сына, цѣлуя его, со слезами.

— «А ты, Аграфена», сказалъ онъ, обратясь къ мамѣ, боярынѣ Челядниной,--«чтобы отъ сына моего Ивана ни пяди никогда не отступала».

Пришла великая княгиня, поддерживаемая съ одной стороны братомъ, княземъ Андреемъ, а съ другой боярынями. Обливаясь горькими слезами она прочитала умильныя рѣчи,—всѣ плакали. Великій князь утѣшалъ ее: «Перестань, мнѣ легче, ничего не болитъ, благодарю Бога».—На кого ты меня оставляешь, кому дѣтей приказываешь? — воскликнула она, немного успокоясь.—Великій князь отвѣчалъ: «Я благословилъ сына Ивана государствомъ, великимъ княжествомъ, а тебѣ написалъ въ духовной, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ по достоянію, согласно грамотамъ отцовъ нашихъ прародителей, что слѣдуетъ». Тогда Елена начала бить челомъ о меньшемъ сынѣ, князѣ Юрьѣ, прося благословить и его. Принесли Юрья: онъ былъ одного года. Великій князь возложилъ на него крестъ Паисеинскій и потомъ взялъ къ себѣ, веля, по-преставленіи своемъ, отнести тотъ крестъ боярину своему Михаилу Юрьевичу. Сына Юрья пожаловалъ тогда же отчиною: завѣщалъ ему Углече-Поле съ прочими городами.

Завѣщавъ правленіе Еленѣ до совершеннолѣтія (до 15-ти-лѣтняго возраста) сына, великій князь простился съ нею и велѣлъ идти къ дѣтямъ, а самъ послалъ за владыкою коломенскимъ Вассіаномъ и старцемъ Мисаиломъ Сукинымъ, также за Троицкимъ игуменомъ Іоасафомъ и велѣлъ ему стоять передъ собою, а стряпчему Ѳедору Кучецкому стать съ нимъ рядомъ, потому что этотъ стряпчій былъ свидѣтелемъ кончины отца Василіева, великаго князя Іоанна. Затѣмъ велѣлъ дьяку крестовому Даніилу пѣть канонъ великомученицѣ Екатеринѣ и канонъ на исходъ души. Прп началѣ канона онъ забылся и потомъ вдругъ проснулся, какъ будто что-то увидѣлъ во снѣ, проговорилъ: *Государыня великая Екатерина! пора царствовать*, благоговѣйно приложился къ образу Великомученицы и коснулся его правою рукою, которая у него болѣла. Принесены были къ нему и мощи ея. Онъ велѣлъ принести также образъ Пречистой и Николая чудотворца. Тогда онъ послалъ Шигону за духовнымъ отцомъ, протопопомъ Алексѣемъ, чтобъ онъ принесъ запасные дары, и велѣлъ спросить его, видалъ ли онъ когда, какъ душа разстается съ тѣломъ. Тотъ отвѣчалъ, что ему рѣдко случалось видѣть это. Старецъ Мисаилъ Сукинъ принесъ иноческое одѣяніе. Сошлись митрополитъ Даніилъ, братья Васильевы, всѣ бояре и дѣти боярскіе. Митрополитъ и владыка Вассіанъ присовѣтовали послать за образомъ Владимірской, что писалъ Лука Евангелистъ, и Николы Гостунскаго. Много и другихъ чудотворныхъ образовъ снесено было въ спальню великаго князя, и между прочими—образъ великомученицы Екатерины, на кото-

рый онъ смотрѣлъ безпрестанно. Подозвавъ къ себѣ боярина Михаила Семеновича Воронцова онъ поцѣловался и простился съ нимъ. Оборотившись сказалъ брату Юрію: «Помнишь, какъ отца нашего, великаго князя Ивана, не стало на завтрее Дмитріева дня, въ понедѣльникъ... Вотъ и ко мнѣ смертный часъ и конецъ приближается»...

Прошелъ часъ. Великій князь позвалъ митрополита и владыку Васcіана и сказалъ имъ: «изнемогаю, — постригите меня, какъ я желалъ всегда». Митрополитъ Даніилъ и бояринъ Михаилъ Юрьевичъ похвалили его доброе намѣреніе; но братъ его, князь Андрей, Воронцовъ и Шигона не соглашались съ ними, говоря: «Князь Владиміръ Кіевскій умеръ не чернецомъ, а сподобился праведнаго покоя; многіе другіе великіе князья также»,—и начался между ними великій споръ. Великій князь повторялъ: «Постричься хочу, — чего мнѣ долежати!»

Онъ велѣлъ принести святое причастіе и держать близъ него, началъ креститься и говорить: «Аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже!» Потомъ прошепталъ нѣкоторыя слова изъ акаѳиста и наконецъ промолвилъ: «Ублажаемъ тя, преподобне отче Сергіе»... Языкъ у него отнимался: онъ знаками просилъ постриженія, указывалъ на иноческое одѣяніе, цѣловалъ простыню. Произошло замедленіе. Онъ смотрѣлъ направо, на образъ Пречистой Богородицы, что висѣлъ предъ нимъ на стѣнѣ, хотѣлъ креститься, но правая рука не могла уже приподняться, и бояринъ Захарьинъ поднималъ ее. Митрополитъ велѣлъ принести черническое одѣяніе.

а эпитрахиль была съ нимъ. Отрицаніе иноческое великій князь исповѣдалъ еще въ воскресенье, передъ Николинымъ днемъ, пріобщившись святыхъ Таинъ, и тогда же приказывалъ положить на себя чернеческое платье на мертваго, если не дадутъ постричь его.

Пришелъ съ чернеческимъ платьемъ старецъ Мисаилъ, а великій князь уже кончался. Митрополитъ подалъ чрезъ него эпитрахиль игумену Іоасафу. Князь Андрей Ивановичъ и бояринъ Воронцовъ не давали священнодѣйствовать. Митрополитъ Даніилъ закричалъ на князя Андрея: Не благословляю тебя ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій! Его ты не отнимешь у меня: добръ сосудъ серебряный, а позлащенный лучше». Великій князь отходилъ. Митрополитъ спѣшилъ кончить обрядъ, назвалъ Василія *Варлаамомъ*, возложилъ на него парамантію [1]) и ряску, а мантіи не оказалось: ее второпяхъ выронили, когда несли монашеское одѣяніе къ великому князю. Троицкій келарь Серапіонъ отдалъ свою мантію. Въ комнатѣ было много иноковъ, съ которыми великій князь мудрствовалъ прежде о душѣ своей. На грудь его они положили Евангеліе и схиму ангельскую. Конецъ приходилъ: оставалось, кажется, одно

---

[1]) Парамантія, перемонатка, правильнѣе *парамандъ* (поверхъ мантіи, прибавленіе къ мантіи)—четвероугольный платъ съ изображеніемъ креста, носимый на персяхъ или на раменахъ. Шнурами, пришитыми къ угламъ его, парамандъ объемлетъ плечи монаха и обвиваетъ и стягиваетъ одежду. Парамандъ дается иноку во всегдашнее воспоминаніе ему взятія на себя благаго ига Христова и въ обузданіе и связаніе похотей и плотскихъ желаній.

мгновеніе жизни. Духовникъ не спускаетъ глазъ съ него, смотритъ вонзившись взорами. Вотъ наступаетъ послѣдній вздохъ, чуть раскрылись уста, — и отецъ Алексѣй вливаетъ святое причастіе. Великій князь скончался. «И видѣ Шигона духъ его отшедшь аки дымецъ малъ». И просіяло какъ будто лице его, по увѣренію предстоявшихъ. Раздался плачь и вопль. Бояре унимали стенавшихъ, чтобъ не услышала великая княгиня, еще не знавшая о кончинѣ. Это было 4-го декабря, на память великомученицы Варвары, съ среды на четвергъ, въ 10-мъ часу ночи.

Митрополитъ, намочивъ хлопчатой бумаги, самъ обтеръ тѣло усопшаго отъ пояса. Потомъ отвелъ братьевъ, князей Юрія и Андрея, въ переднюю избу и привелъ ихъ къ присягѣ служить великому князю Ивану Васильевичу, какъ отцу его и дѣду, равно матери его, великой княгинѣ Еленѣ, а жить въ своихъ удѣлахъ и государства подъ ними не хотѣть, людей къ себѣ не отзывать, а противъ недруговъ, латинства и бесерменства, стояти за одно. Къ присягѣ были приведены тогда же и всѣ бояре, боярскіе дѣти и дворяне.

Тогда митрополитъ пошелъ къ великой княгинѣ, которая, лишь только увидѣла его, какъ, понявъ его появленіе, упала въ обморокъ и около двухъ часовъ лежала какъ мертвая. Между тѣмъ тронцкій игуменъ Іоасафъ и иноки Іоасафова монастыря, къ которому особенно благоволилъ покойный, убирали тѣло, отославъ княжескихъ стряпчихъ, расчесали бороду, подостлали подъ него черную тафтяную постель и по-

ложили на одръ отъ Чудова монастыря, какъ подобаетъ по чернеческому чину; потомъ отслужили заутреню крестовые дьяки съ протопопомъ, часы, каноны и канонъ погребенія. Наутро пришелъ прощаться народъ, боярскіе дѣти, княжата, гости, стряпчіе, погребные и прочіе люди. Поутру въ четвергъ, въ первомъ часу дня, митрополитъ велѣлъ звонить въ большой колоколъ и ископать гробъ, снявши мѣру, въ Архангельскомъ соборѣ. Собралось духовенство изъ ближайшихъ областей, архіереи и архимандриты, все Московское духовенство. Тѣло великаго князя вынесено было въ переднюю избу; дьяки его пѣвчіе, большая станица, стояли въ дверяхъ у комнаты и пѣли *Святый Боже.* Великую княгиню вынесли на рукахъ изъ хоромъ на лѣстницу дѣти боярскіе, въ сопровожденіи бояръ и боярынь. Тѣло великаго князя Василія было положено въ Архангельскомъ соборѣ подлѣ его родителя.

Житія его было 56 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 9 дней, а великокняженія 28 лѣтъ и 5 недѣль.

На гробницѣ его (отъ южныхъ дверей, возлѣ иконостаса) начертана слѣдующая надпись:

«Въ лѣто 7042 (1533) декабря въ 4-й день преставися Благовѣрный и Христолюбивый Князь Великій Василій Ивановичъ всея Россіи, во иноцѣхъ Варлаамъ».

V.

Правленіе великой княгини Елены 1533—1538.

По смерти Василія Іоанновича опека надъ малолѣтнимъ Іоанномъ и управленіе великимъ княжествомъ естественно принадлежали великой княгинѣ — вдовѣ, Еленѣ Васильевнѣ. Это дѣлалось по общепризнанному, подразумѣвавшемуся обычаю, и потому въ подробномъ описаніи кончины Василія, среди подробныхъ извѣстій о послѣднихъ словахъ его и распоряженіяхъ, не говорится прямо о томъ, чтобы великій князь назначилъ жену свою,—правительницею; говорится только, что тремъ приближеннымъ лицамъ (Михаилу Юрьевичу, князю Михаилу Глинскому и Шигонѣ) онъ приказалъ о великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, какъ къ ней боярамъ ходить. Эти послѣднія слова о боярскомъ хожденіи мы и должны принимать, какъ прямо относящіяся къ правительственному значенію Елены, должны видѣть здѣсь хожденіе съ докладами,

Въ одной лѣтописи [1]) говорится о возведеніи малолѣтняго Іоанна на престолъ такимъ образомъ: Начали государя ставить на великокняженіе въ соборной церкви Пречистыя Богородицы, митрополитъ: Даніилъ и весь причетъ церковный, князья, бояре и все православное христіанство. Благословилъ его митрополитъ

[1]) Въ Псковской лѣтописи.

крестомъ и сказалъ громкимъ голосомъ: «Богъ благословляетъ тебя, государь, князь великій Иванъ Васильевичъ, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Болгарскій, Смоленскій и иныхъ земель многихъ, царь и государь всея Руси! добръ и здоровъ будь на великомъ княженіи, на столѣ отца своего». Новому государю пропѣли многолѣтіе, и пошли къ нему князья и бояре, понесли дары многіе. Послѣ этого отправили по всѣмъ городамъ дѣтей боярскихъ приводить къ присягѣ жителей городскихъ и сельскихъ.

И такъ во главѣ государства являются малолѣтній государь и правительница женщина и притомъ чужестранка изъ рода противнаго Московскимъ боярамъ и нелюбимаго народомъ! Чего же можно было ожидать? Казалось бы, что за смертью великаго князя неминуемо должны послѣдовать безпорядки. Но вышло противное: въ рукахъ Елены власть нисколько не ослабла; она явилась достойною того положенія, которое выпало на ея долю. Оказывается, что не одною красотою привлекла она сердце Василія. Трудно было положеніе Елены: не любили ее братья покойнаго государя, у которыхъ она отняла надежду на престолонаслѣдіе; не угодила она и дядѣ своему—князю Михаилу Львовичу Глинскому, который надѣялся управлять отъ ея имени и обманулся въ своей надеждѣ.

Самыми довѣренными, и самыми вліятельными людьми при дворѣ въ первое время по смерти Василія Іоанновича были: князь Михаилъ Глинскій и Шигона Поджогинъ. Въ концѣ княженія Василія Глинскій замыш-

лялъ измѣнить великому князю Московскому и бѣжать обратно въ Литву, но былъ привезенъ въ Москву и заключенъ въ темницу. Но потомъ великій князь простилъ его и передъ смертію завѣщалъ уважать, какъ дядю своей жены. Такимъ образомъ Глинскій и въ Москвѣ достигъ почти такого же положенія, какое имѣлъ нѣкогда въ Литвѣ при великомъ князѣ Александрѣ. Но скоро явился ему опасный соперникъ: то былъ молодой князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, умѣвшій пріобрѣсть особенное расположеніе великой княгини, сблизившейся съ нимъ, вѣроятно, при посредствѣ сестры его Аграфены Челяднпной, мамки великаго князя. Оболенскому и Глинскому стало тѣсно другъ съ другомъ, и Елена должна была выбирать между нпмп. Она выбрала Оболенскаго. Глинскій былъ обвиненъ въ томъ, что отравилъ великаго князя Василія [1]), точно такъ же, какъ въ Литвѣ обвиняли его въ отравленіп великаго князя Александра. Герберштейнъ указываетъ еще на другую причину опалы, постигшей Глинскаго: онъ уличалъ великую княгиню въ безнравственности [2]). 19-го августа 1534 года Глинскій былъ схваченъ и посаженъ въ ту самую темницу,

---

[1]) Наши лѣтописи говорятъ, будто онъ „далъ великому князю Василію зелія пити въ его болѣзни, и великаго князя въ той болѣзни не стало“. (Ник. лѣт. VII, 2—3. П. С. Р. Л. VIII, 287).

[2]) Герберштейнъ положительно обвиняетъ Елену въ близости съ Оболенскимъ.

въ которой сидѣлъ прежде при Василіѣ: здѣсь онъ скоро и умеръ.

Но мы должны вернуться нѣсколько назадъ.

Умирающій Василій имѣлъ много причинъ безпокоиться о судьбѣ малолѣтняго сына: при малюткѣ осталось двое дядей, которые хотя и отказались отъ правъ своихъ на старшинство, однако могли, при первомъ удобномъ случаѣ, отговорясь невольною присягою, возобновить старыя притязанія. А эти притязанія были тѣмъ болѣе опасны, что вельможи, потомки князей, также мечтали и толковали о своихъ старинныхъ правахъ и тяготились новымъ порядкомъ вещей, введеннымъ при Василіѣ и отцѣ его. Если Іоаннъ III еще совѣтовался съ своими боярами и позволялъ противорѣчить себѣ, то Василій III не искалъ и не принималъ ничьего совѣта, хотѣлъ быть самъ мудрѣе всѣхъ и всѣ дѣла, по выраженію Берсеня, «самъ-третей у постели дѣлалъ». По словамъ Герберштейна, Василій «властію своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ цѣломъ свѣтѣ». Все повиновалось его самовластію. Между тѣмъ, втайнѣ бояре вздыхали о тѣхъ временахъ, когда ихъ предки не дрожали передъ великими князьями, а говорили съ ними смѣло, когда князья безъ ихъ совѣта ничего не начинали. Но при такихъ государяхъ, каковы были Іоаннъ III и сынъ его Василій, опасно было шопотомъ другъ съ другомъ поговорить объ этомъ, страшно было даже помышлять...

«Вы бы, братья мои, князь Юрій и князь Андрей,» — говорилъ умирающій Василій братьямъ, —

«стояли крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ мы крестъ цѣловали». Боярамъ же онъ счелъ нужнымъ напомнить о происхожденіи своемъ отъ Владиміра Кіевскаго, напомнить, что онъ и сынъ его—прирожденные государи. Василій зналъ, что, въ случаѣ усобицы и торжества братьевъ, малюткамъ-дѣтямъ его нельзя ждать пощады отъ побѣдителя...

Опасенія умирающаго сбылись: тотчасъ послѣ похоронъ Василія, великой княгинѣ донесли уже о крамолѣ. Князь Юрій Ивановичъ прислалъ дьяка своего, Третьяка Тишкова, къ московскому боярину, князю Андрею Шуйскому, звать его къ себѣ на службу. Шуйскій сказалъ дьяку: «Князь вашъ вчера крестъ цѣловалъ великому князю, клялся добра ему хотѣть,—а теперь отъ него людей зоветъ!» Третьякъ отвѣчалъ на это: «Князя Юрія бояре приводили заперши къ цѣлованію, а сами ему за великаго князя присяги не дали: такъ это что за цѣлованіе? это невольное цѣлованіе!» Андрей Шуйскій передалъ объ этомъ князю Горбатому, послѣдній сказалъ боярамъ, а бояре—великой княгинѣ. Елена отвѣчала имъ: «Вчера вы крестъ цѣловали сыну моему на томъ, что будете ему служить и во всемъ добра хотѣть: такъ вы по тому и дѣлайте. Если является зло, то не давайте ему усилиться». По приказанію великой княгини, Юрій былъ схваченъ. Его посадили въ тюрьму и тамъ уморили [1]).

---

[1]) Онъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ. На гробницѣ его (отъ западной стѣны къ сѣвернымъ дверямъ) слѣдующая надпись: „Въ лѣто 7044 (1536) Августа въ 3-ій день преставися Благовѣрный Князь Георгій Ивановичъ Дмитровской“.

Между боярами происходили сильныя волненія: имъ было не по душѣ, что Иванъ Оболенскій былъ облеченъ полною довѣренностію правительницы, занималъ первое мѣсто въ управленіи. Многіе обманулись въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ и, въ негодованіи на Елену и ея любимца, задумали уйдти въ Литву. Это и удалось двоимъ боярамъ, изъ самыхъ знатныхъ родовъ: князю Семену Бѣльскому и Ивану Ляцкому. За соумышленничество съ ними правительница велѣла схватить брата Семенова, князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго, и князя Ивана Михайловича Воротынскаго съ дѣтьми. Надобно думать, что бояре также начали смуту между Еленою и Андреемъ, вторымъ братомъ умершаго великаго князя.

Князь Андрей Ивановичъ Старицкій, не былъ нисколько заподозрѣнъ въ соумышленничествѣ съ братомъ своимъ Юріемъ и спокойно жилъ въ Москвѣ до сорочинъ по великомъ князѣ Василіѣ. Собравшись послѣ этого ѣхать въ свой удѣлъ онъ сталъ припрашивать у Елены городовъ къ своей отчинѣ. Въ городахъ ему отказали, а дали, на память о покойномъ, шубы, кубки и коней. Андрей уѣхалъ съ неудовольствіемъ въ Старицу. Нашлись люди, которые передали объ этомъ неудовольствіи Еленѣ, нашлись и такіе, которые шептали Андрею, что его хотятъ схватить. Елена призвала Андрея въ Москву и старалась его успокоить, говоря: «Къ намъ доходитъ про тебя слухъ, что ты на насъ гнѣвъ держишь: не слушай лихихъ рѣчей и стой крѣпко на своей правдѣ; а у насъ на сердцѣ противъ тебя ничего нѣтъ. Назови тѣхъ людей, кото-

рые насъ съ тобою ссорятъ, чтобъ и впередъ не было между нами смутъ». Но Андрей, видно, имѣлъ причину не довѣрять ласковымъ рѣчамъ: передъ нимъ былъ живой примѣръ брата его Юрія. Онъ не объявилъ, кто ему наговорилъ на Елену, сказалъ, что ему такъ самому показалось, и оставилъ Москву, по прежнему неспокойный за свою участь. Въ Москву опять начали доносить, что Андрей сбирается бѣжать въ Литву. Елена послала звать Андрея въ Москву по случаю войны съ Казанью. Андрей отвѣчалъ, что не можетъ пріѣхать по причинѣ болѣзни, и просилъ прислать лѣкаря. Правительница послала къ нему лѣкаря Ѳеофила, который, возвратившись, донесъ ей, что у Андрея болѣзнь легкая—болячка на стегнѣ, а онъ лежитъ между тѣмъ въ постели. Тогда Еленою овладѣло подозрѣніе: почему Андрей не пріѣхалъ на совѣтъ о важномъ дѣлѣ Казанскомъ? Она послала опять къ Андрею освѣдомиться о его здоровьи, а между тѣмъ, велѣла тайно разузнать, нѣтъ-ли какого о немъ слуха и почему онъ въ Москву не поѣхалъ? Ей донесли, что Андрей притворился больнымъ потому, что не смѣетъ ѣхать въ Москву. Елена послала вторично звать его въ Москву, и вторично та же отговорка болѣзнію. Тогда послали въ третій разъ съ требованіемъ—непремѣнно пріѣхать въ какомъ-бы то ни было положеніи. Андрей отправилъ въ Москву князя Ѳедора Пронскаго съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Ты, государь [1]), приказалъ къ намъ

---

[1]) Всѣ дѣла дѣлались, и всѣ сношенія производились отъ имени малолѣтняго Іоанна.

съ великимъ запрещеніемъ, чтобъ намъ непремѣнно у тебя быть, какъ ни есть. Намъ, государь, скорбь и кручина большая, что ты не вѣришь нашей болѣзни и за нами посылаешь неотложно. А прежде, государь, того не бывало, чтобъ насъ къ вамъ, государямъ, на носилкахъ волочили. И я, отъ болѣзни и отъ бѣды, съ кручины отбылъ ума и мысли. Такъ ты бы, государь, пожаловалъ показалъ милость, согрѣлъ сердце и животъ холопу своему, своимъ жалованьемъ, чтобы холопу твоему впередъ было можно и надежно твоимъ жалованьемъ быть безскорбно и безъ кручины, какъ тебѣ Богъ положитъ на сердце». Вѣроятно онъ еще не рѣшался бѣжать, какъ его не пугали. Вдругъ онъ узнаетъ, что боярина его Ѳеодора схватили на дорогѣ, что Иванъ Оболенскій выѣхалъ со многими людьми въ поле и хочетъ загородить ему дорогу въ Литву. Тогда въ страхѣ побѣжалъ онъ съ своею женою и съ сыномъ и, не смѣя пуститься за Литовскій рубежъ, направилъ путь къ Новгороду. Этотъ городъ еще не совсѣмъ забылъ свою старую вольность и не долюбливалъ Москвы. Андрей сталъ разсылать грамоты по новгородскимъ помѣщикамъ, приглашая ихъ къ себѣ на службу: «Великій князь малъ, а государство держатъ бояре: у кого-же вамъ служить? Приходите ко мнѣ: я готовъ васъ жаловать». Многіе изъ дѣтей боярскихъ, владѣльцевъ въ Новгородской землѣ, приняли сторону Андрея. Въ самомъ Новгородѣ архіепископъ Макарій и царскіе намѣстники удержали народъ отъ волненія; между тѣмъ поспѣшно собирали людей и укрѣпили Торговую

сторону [1]) въ пять дней; около нея построена была стѣна въ ростъ человѣка. Въ Москвѣ тоже не дремали: всѣмъ служилымъ людямъ по дорогамъ велѣно спѣшить за Иваномъ Оболенскимъ, который шелъ по слѣдамъ Андрея и настигъ его недалеко отъ Новгорода. Оба войска стали другъ противъ друга. Андрей не рѣшался вступить въ битву. Еще прежде бѣжало отъ него нѣсколько дѣтей боярскихъ. Одного изъ нихъ удалось поймать. Бѣглеца пытали, посадивъ въ одной сорочкѣ въ озеро: оставивъ только голову поверхъ воды, чтобы онъ не захлебнулся. Онъ открылъ такъ много сообщниковъ, что Андрей велѣлъ оставить дѣло. Теперь, видя предъ собою московское войско, онъ мало надѣялся на своихъ приверженцевъ и сталъ ссылаться съ Оболенскимъ, прося у него правды. Иванъ Оболенскій, отъ имени Елены, обѣщалъ, что на него не положатъ никакой опалы, и уговорилъ его вмѣстѣ ѣхать въ Москву. Андрей, по своей простотѣ, повѣрилъ данному слову; но Елена, какъ и надо было ожидать, не давала никакихъ обѣщаній. Оболенскому для виду объявленъ былъ гнѣвъ правительницы, а Андрея заключили въ темницу, чтобъ впередъ такой смуты и волненія не было, ибо многіе люди московскіе поколебались. Одинаковой участи съ Андреемъ подверглись жена его и

---

[1]) Рѣка Волховъ раздѣляла Новгородъ на двѣ стороны—*Торговую*, гдѣ главнымъ образомъ жили граждане новгородскіе, производили торговлю и отправляли всѣ дѣла, и *Софійскую*, гдѣ находился храмъ св. Софіи, главная святыня Новгорода, съ кремлемъ, или дѣтинцемъ.

сынъ Владиміръ. Всѣ его бояре пытаны и казнены торговою казнію. Ѳедоръ Пронскій также погибъ въ заключеніи. Тридцать человѣкъ помѣщиковъ новгородскихъ, которые передались на сторону Андрея, были биты въ Москвѣ кнутомъ и потомъ повѣшаны по Новгородской дорогѣ, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, вплоть до Новгорода. Андрей не болѣе полугода прожилъ въ неволѣ.

Какъ бояре разсчитывали на слабость женскаго правленія, такъ еще болѣе разсчитывали на эту слабость и на борьбу партій, внѣшніе враги. Борьбу съ Москвою начало Польско-Литовское государство.

Новый великій князь московскій, отправилъ къ королю польскому Сигизмунду сына боярскаго Заболоцкаго съ извѣщеніемъ о смерти отцовой и о своемъ восшествіи на престолъ. Заболоцкому данъ былъ, между прочимъ, такой наказъ: «Если спросятъ про великаго князя (умершаго) братьевъ, князя Юрія и князя Андрея Ивановичей, гдѣ теперь князь Юрій и князь Андрей? — то отвѣчать: князь Андрей Ивановичъ на Москвѣ у государя; а князь Юрій Ивановичъ государю нашему тотчасъ по смерти отца его началъ дѣлать великія неправды черезъ крестное цѣлованіе, и государь нашъ на него опалу свою положилъ, велѣлъ его заключить».

Съ послами, пріѣзжавшими отъ польско-литовскихъ пановъ къ московскимъ боярамъ, а также съ посланцемъ, ѣздившимъ объявлять о вступленіи на престолъ Іоанна, было заявлено желаніе мира между Московскимъ и Польско-Литовскимъ государствами, но требовалось,

чтобы послы литовскіе пріѣхали въ Москву, какъ это водилось; послана была даже опасная грамота на этихъ пословъ. Въ Литвѣ съ своей стороны требовали, чтобы послы были присланы изъ Москвы, и чтобы миръ былъ заключенъ на условіяхъ договора между Казиміромъ и Василіемъ Васильевичемъ, то-есть, съ отреченіемъ отъ всего, завоеваннаго Іоанномъ III и Василіемъ III. Слѣдствіемъ подобныхъ сношеній была, разумѣется, война. Перемиріе истекло, сношенія прекратились, и война началась, лѣтомъ 1534 года, по тогдашнему обыкновенію, опустошеніемъ. Сигизмундъ заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ Саипъ-Гиреемъ. Война эта, ведшаяся съ перемѣннымъ счастіемъ, не ознаменована была, впрочемъ, ничѣмъ важнымъ. Существенные успѣхи съ обѣихъ сторонъ ограничились тѣмъ, что русскіе построили на полоцкой землѣ города Себежъ и Велижъ, а литовцы взяли Гомель и Стародубъ. Наконецъ, послѣ переговоровъ, тянувшихся два мѣсяца, послѣ многихъ споровъ и пререканій, въ Москвѣ заключено было перемиріе на пять лѣтъ — отъ Благовѣщеньева дня 1537 до Благовѣщеньева дня 1542 года.

Московское правительство считало необходимымъ поспѣшить заключеніемъ перемирія съ Литвою для того, чтобы имѣть возможность поуправиться съ Казанью и Крымомъ, болѣе опасными сосѣдями или, лучше сказать, разбойничьими гнѣздами. Въ Крымъ отправленъ былъ боярскій сынъ Челищевъ, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Іоанна IV. Русскій посолъ долженъ былъ, бить челомъ хану Саипъ-Гирею, чтобы онъ учинилъ себѣ новаго великаго князя братомъ и

другомъ, какъ великій князь Василій былъ съ Менгли-Гиреемъ, Челищевъ отправленъ былъ въ Крымъ въ январѣ, а въ маѣ татары уже разоряли русскія области по рѣкѣ Пронѣ [1]); но были прогнаны. Скоро однако въ самомъ Крыму встала усобица; между ханомъ Сапиъ-Гиреемъ и старшимъ по немъ изъ Гиреевъ—Исламомъ. Орда раздѣлилась между соперниками, и это раздѣленіе было выгодно для Москвы, потому что хотя оба хана слѣдовали прежнимъ разбойничьимъ привычкамъ и ни отъ одного изъ нихъ, нельзя было надѣяться прочнаго союза, тѣмъ не менѣе силы разбойниковъ были раздѣлены. Но Исламъ вскорѣ былъ убитъ; тогда Сапиъ-Гирей, ставъ одинъ ханомъ въ Крыму, послалъ сказать великому князю московскому: «Если пришлешь мнѣ, что вы посылали всегда намъ по обычаю, то хорошо, и мы по дружбѣ стоимъ; а не придутъ поминки (дары) къ намъ всю зиму, то мы сами искать пойдемъ, и если найдемъ, то ты уже потомъ не гнѣвайся. Не жди отъ насъ посла, за этимъ дѣла не откладывай; а станешь медлить, то отъ насъ добра не жди. Теперь не по-старому съ голою ратью татарскою пойдемъ: кромѣ собственнаго моего наряду пушечнаго, будетъ со мною счастливаго хана (султана турецкаго) 100,000 конныхъ людей... Казанская земля—мой юртъ, и Сафа-Гирей царь—братъ мнѣ. Такъ ты-бъ съ этого дня на Казанскую землю войной больше не ходилъ; а пойдешь на нее войною, то меня на Москвѣ смотри». Такимъ

---

[1]) Рѣка Проня впадаетъ справа въ Оку, въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

образомъ, съ единовластіемъ Саипъ-Гирея, началось вмѣшательство крымскихъ хановъ въ дѣла казанскія; потому что мысль объ освобожденіи Казани отъ русскихъ и соединеніи всѣхъ татарскихъ ордъ въ одну или, по крайней мѣрѣ, подъ однимъ владѣтельнымъ родомъ была постоянною мыслію Гиреевъ, къ осуществленію которой они стремились при первомъ удобномъ случаѣ.

Въ послѣднее время жизни великаго князя Василія Іоанновича, Казань спокойно повиновалась Москвѣ, въ лицѣ хана своего Еналея. Еналей перенесъ свои подручническія отношенія и къ наслѣднику Василія, оставшись попрежнему вѣренъ Москвѣ. Но, вслѣдствіе частой перемѣны хановъ и вслѣдствіе разныхъ вліяній— русскаго и крымскаго, въ Казани давно уже успѣли образоваться двѣ стороны, изъ которыхъ каждая ждала удобнаго случая низложить противную сторону. Во время войны Москвы съ Литвою крымская сторона въ Казани увидала удобный случай свергнуть московскаго подручника: осенью 1535 года составился заговоръ, подъ руководствомъ князя Булата и царевны Горшадны, сестры Магметъ-Аминя, бывшаго царя казанскаго. Еналей былъ убитъ, и царемъ провозглашенъ Сафа-Гирей. Но московская партія не хотѣла съ своей стороны уступить. Извѣщая правительницу, великую княгиню Елену, объ убіеніи Еналея, приверженцы Москвы велѣли передать ей: «Насъ въ заговорѣ князей и мурзъ съ 500 человѣкъ. Помня жалованье великихъ князей Василія и Ивана и свою присягу, хотимъ государю великому князю служить прямо, а государь бы насъ

пожаловалъ, простилъ царя Шигъ-Алея и велѣлъ ему быть въ Москву; и когда Шигъ-Алей будетъ у великаго князя въ Москвѣ, то мы соединимся съ своими совѣтниками, и крымскому царю въ Казани не быть». Получивъ эти вѣсти, великая княгиня рѣшила съ боярами, что надобно Шигъ-Алея освободить изъ заключенія [1]). Въ декабрѣ Шигъ-Алей былъ привезенъ съ Бѣла-озера и представленъ великому князю. Ханъ сталъ на колѣни и говорилъ: «Отецъ твой, великій князь Василій, взялъ меня дѣтинку малаго и жаловалъ, какъ отецъ сына, посадилъ царемъ въ Казани, но, по грѣхамъ моимъ, въ Казани произошла въ князьяхъ и въ людяхъ несогласица, и я опять къ отцу твоему пришелъ на Москву. Отецъ твой меня пожаловалъ въ своей землѣ, далъ мнѣ города; а я грѣхомъ своимъ передъ государемъ провинился, гордостнымъ своимъ умомъ и лукавымъ помысломъ. Тогда Богъ меня выдалъ, и отецъ твой меня за мое преступленіе, наказалъ, опалу свою положилъ, смиряя меня. А теперь ты, государь, помня отца своего ко мнѣ жалованье, надо мною милость показалъ». Затѣмъ Шигъ-Алей представлялся великой княгинѣ-правительницѣ. И онъ, и жена его, Фатьма-Салтанъ, были обласканы и одарены великимъ княземъ и его матерью.

Но, въ то время какъ въ Москвѣ прочили Шигъ-Алея на Казанскій престолъ и имѣли въ виду дать въ

---

[1]) Онъ былъ сосланъ великимъ княземъ Василіемъ на Бѣло-озеро за тайныя сношенія съ Казанью, будучи недоволенъ назначеніемъ брата Еналея ханомъ казанскимъ.

немъ опору противной крымцамъ сторонѣ; въ Казани, началась уже война съ Сафа-Гиреемъ. Татары успѣли сжечь села около Нижняго, но были отбиты отъ Балахны. Не имѣли они успѣха и въ другихъ мѣстахъ. Потомъ казанцы вторглись въ костромскія волости. Князь Засѣкинъ, стоявшій здѣсь для обороны, не собравшись съ людьми, ударилъ на татаръ, но былъ разбитъ и убитъ. Однако приближеніе воеводъ съ большимъ войскомъ заставило татаръ удалиться. Московское правительство, какъ мы уже говорили, спѣшило заключеніемъ перемирія съ Литвою изъ-за казанскихъ и крымскихъ дѣлъ. Успокоивъ и обезопасивъ этимъ перемиріемъ западныя границы, оно въ началѣ 1537 года двинуло войска къ востоку, во Владиміръ и Мещеру. Сафа-Гирей явился подъ Муромомъ и сжегъ предмѣстья, но города взять не могъ и ушелъ, заслышавъ о движеніи воеводъ изъ Владиміра и Мещеры. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда единовластіе Саипъ-Гирея въ Крыму, явилось новымъ препятствіемъ для русскихъ къ успѣшному наступленію на Казань. Угрозы крымскаго хана были такъ внушительны, что приходилось отказаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Казани. Послу крымскому отвѣчали въ Москвѣ, что если Сафа-Гирей казанскій, пришлетъ къ государю и захочетъ мира, то государь съ нимъ мира хочетъ. Саипъ-Гирей повторялъ: «Ты-бъ къ намъ прислалъ большаго своего посла, добраго человѣка, князя Василія Шуйскаго или Овчину, и казну-бъ свою большую къ намъ прислалъ, и съ Казанью помирился и оброковъ своихъ съ казанскихъ мѣстъ брать не велѣлъ;

а пошлешь на Казань рать свою, и ты къ намъ посла не отправляй,—недругъ я тогда». Въ Москвѣ разсуждали: «Не послушать царя (крымскаго хана) — послать рать свою на Казань, и царь пойдетъ на наши украйны, то съ двухъ сторонъ христіанству будетъ дурно— отъ Крыма и отъ Казани». На этомъ основаніи приговорили: рати на Казань не посылать; посла Саипъ-Гирея отпустить въ Казань и съ нимъ вмѣстѣ послать боярскаго сына къ Сафа-Гирею съ грамотою. А въ отвѣтной грамотѣ Саипъ-Гирею великій князь писалъ: «Для тебя, брата моего, и для твоего прошенія я удержалъ рать и послалъ своего человѣка къ Сафа-Гирею: захочетъ онъ съ нами мира, то пусть пришлетъ къ намъ добрыхъ людей. А мы хотимъ держать его такъ, какъ дѣдъ и отецъ нашъ держали прежнихъ казанскихъ царей. А что ты писалъ къ намъ, что казанская земля — юртъ твой, то посмотри въ старые твои лѣтописцы, не того ли земля будетъ, кто ее взялъ? Ты помнишь, какъ цари, потерявши свои ордынскіе юрты, приходили на казанскій юртъ и брали его войнами, неправдами; а какъ дѣдъ нашъ милостью Божіею Казань взялъ и царя свелъ, то ты не помнишь! Такъ ты-бы, братъ нашъ, помня свою старину, и нашей не забывалъ». И такъ мы видимъ, что вліяніе на Казань, бывшее прежде на сторонѣ Россіи, перешло теперь къ Крыму.

Въ 1537 году заключенъ былъ мирный договоръ съ Швеціею, по которому Густавъ-Ваза обязался не помогать ни Литвѣ, ни Ливоніи въ войнѣ съ Москвою;

утверждена была взаимная свободная торговля и выдача бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ.

Съ Ливоніею возобновленъ старый миръ.

Волошскаго (Молдавскаго) господаря, Петра Стефановича, врага Сигизмундова, Московское правительство поддерживало деньгами.

Перечислимъ важнѣйшія *внутреннія* дѣла въ правленіе Елены:

1) Построеніе *Китая-города* въ Москвѣ. Уже великій князь Василій, находя Кремль тѣснымъ для многолюднаго населенія и недостаточнымъ для защиты въ случаѣ непріятельскаго нашествія, намѣревался оградить столицу новою, обширнѣйшею стѣною. Елена осуществила его намѣреніе. 20-го мая 1534 года, начали копать глубокій ровъ отъ Неглинной, вокругъ посада (гдѣ были всѣ купеческія лавки и торги) къ Москвѣ рѣкѣ черезъ площадь Троицкую (мѣсто судныхъ поединковъ) и Васильевскій лугъ. Работали слуги придворные, митрополичьи, боярскіе и всѣ жители безъ исключенія, кромѣ чиновниковъ или знатныхъ гражданъ, и въ іюнѣ кончили; а 16-го мая слѣдующаго года, послѣ крестнаго хода и молебна, отпѣтаго митрополитомъ, Петръ Малый Фрязинъ (итальянецъ) заложилъ около рва каменную стѣну и четыре башни съ воротами Срѣтенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козьмодемьянскими на Великой улицѣ. Этотъ городъ названъ былъ Китаемъ, или *среднимъ*.

2. Построеніе новыхъ *крѣпостей* и возобновленіе

старыхъ: это дѣлали необходимымъ опасныя нападенія съ трехъ сторонъ. Кромѣ двухъ крѣпостей на Литовской границѣ, даже на литовской землѣ (Себежа и Велижа), Елена основала: въ Мещерѣ городъ *Мокшанъ* (на мѣстѣ, издревле именуемомъ *Мурунза*), *Буйгородъ* въ Костромскомъ уѣздѣ, *Балахну* у Соли, гдѣ прежде находился посадъ, и *Пронскъ* на рѣкѣ Пронѣ. Владиміръ, Ярославль и Тверь, обращенные пожаромъ въ пепелъ, вновь отстроены. Темниковъ перенесенъ на удобнѣйшее мѣсто. Устюгъ и Софійская сторона въ Новгородѣ окружены стѣнами. Вологда укрѣплена и распространена.

3) Правительство заботилось объ умноженіи народонаселенія выходцами изъ чужихъ странъ: такъ въ 1535 году выѣхали къ намъ изъ Литвы 300 семей.

4) Уже въ послѣднее время княженія Василія обнаружилось важное зло—обрѣзъ и подмѣсь въ деньгахъ, за что были казнены въ Москвѣ многіе поддѣльщики и обрѣзчики: имъ лили въ ротъ олово, отсѣкали руки. Елена запретила обращеніе поддѣльныхъ и рѣзаныхъ денегъ: приказала ихъ передѣлывать и вновь чеканить. При великомъ князѣ Василіѣ на деньгахъ изображался великій князь на конѣ съ мечомъ въ рукѣ, а теперь сталъ изображаться съ *копьемъ* въ рукѣ, отчего деньги стали называться *копѣйными* (копѣйками).

Жизнь, повидимому, улыбалась правительницѣ Московскаго государства, юной лѣтами, цвѣтущей здоровьемъ и обѣщала ей впереди долгіе годы... Но она вдругъ

скончалась 3-го апрѣля 1538 года, во второмъ часу дня, причемъ лѣтописцы не говорятъ ни слова о ея болѣзни. Герберштейнъ говоритъ утвердительно. что ее отравили. Она была въ тотъ же день погребена въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (въ Кремлѣ)— усыпальницѣ царственныхъ особъ женскаго пола. Не сказано даже, чтобы митрополитъ совершилъ надъ нею отпѣваніе. Бояре и народъ не изъявили, кажется, при этомъ случаѣ даже и притворной горести. Непритворно плакали и горевали только сирота-отрокъ Іоаннъ и любимецъ почившей Оболенскій, который лишился всего и не могъ уже надѣяться впереди ни на что.

VI.

Правленіе бояръ (разнобоярщина), 1538—1547.

По смерти великой княгини Елены, бояре невольно очутились правителями Русской Земли. Исполнялось такимъ образомъ, мимо ихъ стараній, тайное, завѣтное желаніе, которое они принуждены были заглушать въ себѣ такъ долго, что уже почти забыли его. Какъ же поступятъ теперь эти люди, у которыхъ развязались руки, которые получили полную возможность дѣйствовать въ свою пользу, по своимъ понятіямъ? Оправдаютъ-ли они свое противоборство новому порядку вещей дѣлами благими, дѣлами государственной пользы. Съумѣютъ-ли удержаться съ достоинствомъ на высотѣ

своего положенія? Нѣтъ, боярство совершенно уронило, а не оправдало себя. Оно не съумѣло образовать изъ себя кружокъ свободныхъ людей съ цѣлями, касающимися устроенія судьбы отечества и своего сословія. Эгоизмъ лицъ и небольшихъ партій, слагавшихся не во имя общей пользы, а изъ частныхъ видовъ, былъ сильнѣе всякихъ земскихъ и сословныхъ интересовъ высшимъ-государственнымъ, бояре не съумѣли даже возвыситься до сознанія сословнаго интереса.

Не чувствуя надъ собою ярма и государева страха, какъ бывало во дни оны, всѣ эти Шуйскіе, Бѣльскіе, а съ ними Оболенскіе, Палецкіе, Кубенскіе, Шереметевы, Воронцовы и другіе, давали просторъ разнузданнымъ страстямъ, другъ друга толкали, другъ подъ другомъ рыли подкопы; слабѣйшіе приставали къ сильнѣйшимъ и при первомъ случаѣ измѣняли имъ; возвышеніе однихъ сопровождалось убійствами и преслѣдованіями другихъ, низвергнутыхъ; всѣ почти имѣли въ виду только свои личныя выгоды, руководились узкими побужденіями честолюбія, корыстолюбія или страха. «Всякій пекся о себѣ, а не о земскихъ и государскихъ дѣлахъ». Впослѣдствіи царь Іоаннъ Васильевичъ въ письмѣ своемъ къ Курбскому, вспоминая дни своей юности, такъ описываетъ времена боярскаго правленія: «Они наскочили на грады и села, ограбили имущества жителей и нанесли имъ многоразличныя бѣды, сдѣлали своихъ подвластныхъ своими рабами, и рабовъ своихъ устроили какъ вельможъ; показывали видъ, что правятъ и устраиваютъ, а вмѣсто того производили неправды и нестроенія, собирая со всѣхъ поиз-

мѣримую мзду, и все творили и говорили не иначе, какъ въ видахъ корысти (по мздѣ)». Это свидѣтельство царя подтверждается разсказами современныхъ лѣтописей. Такъ Псковская лѣтопись выражается о характерѣ намѣстниковъ во время правленія Шуйскихъ: «свирѣпи ако львове и люди ихъ аки звѣріе дивіи до крестьянъ». Не позаботились они и о такомъ воспитаніи малолѣтняго государя, бывшаго у нихъ въ рукахъ, которое бы подготовило монарха въ ихъ духѣ. Напротивъ того Шуйскіе, по своему неблагоразумію, поступали такъ, чтобы впослѣдствіи изъ своего царственнаго питомца образовать тирана, склоннаго къ злодѣяніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ раздраженнаго воспоминаніями своего униженія, перенесеннаго въ дѣтствѣ.

Такимъ образомъ правленіе бояръ, правленіе слугъ очутившихся нежданно въ положеніи господъ, окончательно упрочило силу того начала, которому они думали противодѣйствовать во имя старыхъ правъ своихъ. Земля всѣми своими сочувствіями обратилась къ тому началу—началу самодержавія, которое уже сослужило ей великую историческую службу, освободивъ ее отъ тяжелой неволи татарской. Отъ этого же крѣпкаго самодержавія земля ждала и надѣялась защиты и отъ произвола, насилія, угнетенія своихъ домашнихъ татаръ...

Господство бояръ было непродолжительно.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію внутреннихъ и внѣшнихъ событій во времена боярскаго правленія.

Первое мѣсто между вельможами Московскими занимали князья Шуйскіе, потомки тѣхъ Суздальско-Нижегородскихъ князей, которые были лишены своихъ отчинъ, великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, такъ долго не хотѣли покориться своей участи и только при Іоаннѣ III вступили въ службу Московскихъ великихъ князей. Способности, энергія и честолюбіе были наслѣдственными въ этомъ знаменитомъ родѣ. Главою его въ описываемое время былъ князь Василій Васильевичъ при великомъ князѣ Василіѣ, отличившійся защитою Смоленска отъ Литвы.

Слѣдующій поступокъ даетъ ясное понятіе объ его характерѣ. Овладѣвъ Смоленскомъ Василій III поставилъ здѣсь намѣстникомъ князя Василія Шуйскаго. Послѣ пораженія Русскаго войска при Оршѣ, многіе лучшіе люди въ Смоленскѣ завели сношенія съ Литовцами, приглашая ихъ взять назадъ городъ и обѣщая имъ съ своей стороны дѣятельную помощь. Василій Шуйскій, узнавъ объ этомъ, схватилъ главныхъ заговорщиковъ. Когда же Литовцы явились передъ городомъ, онъ велѣлъ повѣсить арестованныхъ Смольнянъ на городской стѣнѣ съ тѣми самыми подарками, которые они недавно получили отъ великаго князя Московскаго: одни напр. висѣли въ дорогихъ собольихъ шубахъ, у другихъ на шеѣ были привязаны серебряные ковши и проч. Послѣ этого измѣнниковъ въ городѣ не оказалось, и Литовскій отрядъ долженъ отступить ни съ чѣмъ.

Отъ подобнаго человѣка можно было ожидать, что онъ не станетъ очень стѣсняться и для достиженія собственныхъ личныхъ цѣлей. И дѣйствительно, уже въ седьмой день по кончинѣ Елены, Василій Шуйскій вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ и другими распорядился на счетъ ея любимца: князь Оболенскій и сестра его Аграфена были схвачены, несмотря на протестующія слезы и на просьбы державнаго, беззащитнаго отрока. Оболенскій умеръ въ заключеніи отъ недостатка пища и тяжести оковъ. Сестру его отправили въ Каргополь и постригли въ монахини. Заключенные въ правленіе Елены, князь Иванъ Бѣльскій и князь Андрей Шуйскій были освобождены. Бѣльскій-Гедиминовичъ не захотѣлъ оставаться спокойнымъ зрителемъ распоряженій Шуйскаго-Рюриковича, захотѣлъ распоряжаться и самъ. Соединившись съ митрополитомъ Даніиломъ и дьякомъ Ѳедоромъ Мишуринымъ, онъ сталъ подговаривать Іоанна возвысить званіемъ нѣкоторыхъ изъ лицъ ему дружелюбныхъ. Шуйскіе, хлопотавшіе о повышеніи только своихъ родственниковъ и доброхотовъ, озлобились на Бѣльскаго. «Встала—говоритъ лѣтописецъ—вражда между боярами великаго князя». Сторона Шуйскихъ была сильнѣе,—и Бѣльскій снова попалъ въ заключеніе, а совѣтники его разосланы по деревнямъ. Дьяка, Мишурина Шуйскіе велѣли боярскимъ дѣтямъ и дворянамъ ободрать на своемъ дворѣ и нагаго положить на плаху: ему отрубили голову у тюремъ, безъ государева приказанія. Митрополитъ Даніилъ остался пока нетронутымъ.

Василій Шуйскій умеръ въ октябрѣ 1538 года, и

значеніе его перешло къ брату его, князю Ивану. Новый правитель низложилъ митрополита Даніила, приверженца Елены (въ февралѣ 1539 года), и сослалъ его въ Волоколамскій монастырь, гдѣ онъ былъ прежде игуменомъ. Тамъ его заставили написать грамоту, въ которой онъ отрекался отъ митрополіи не по болѣзни или немощи, но по сознанію своей неспособности къ такому высокому служенію. Эта грамота подписана бывшимъ митрополитомъ 26-го марта, а между тѣмъ уже 9-го февраля былъ поставленъ новый митрополитъ Іоасафъ Скрипицынъ изъ игуменовъ Троицкаго монастыря. Святители, поставлявшіе Іоасафа, не мало погрѣшили въ томъ, что, уступая, конечно, давленію мірской власти, избрали и поставили новаго митрополита прежде, нежели прежній отрекся отъ своей каѳедры.

Свергнувъ Даніила князь Иванъ Шуйскій, безъ сомнѣнія, разсчитывалъ имѣть въ избранномъ по его желанію первосвятителѣ вѣрнаго союзника и твердую опору, но ошибся. Іоасафъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми боярами, въ іюлѣ 1540 года, осмѣлился ходатайствовать предъ государемъ объ освобожденіи Бѣльскаго: Бѣльскій былъ освобожденъ и явился во дворцѣ. Застигнутый въ расплохъ, Шуйскій принужденъ былъ примириться съ тѣмъ, чего уже нельзя было передѣлать, но въ досадѣ пересталъ ѣздить къ государю и совѣтоваться съ боярами. Правленіе перешло къ Бѣльскому и митрополиту Іоасафу, сдѣлавшимся «первосовѣтниками» государя. По ходатайству новыхъ правителей освобождены были изъ темницы жена и сынъ удѣльнаго князя Андрея Ивановича Старицкаго, при

чемъ Владиміру Андреевичу возвращенъ былъ даже отцовскій удѣлъ. Въ то же время была оказана милость и другому удѣльному князю — Димитрію, сыну Андрея Ивановича Углицкаго, племяннику Іоанна III, около 50 лѣтъ сидѣвшему въ оковахъ въ Вологдѣ: съ несчастнаго страдальца сняли оковы, но темница все-таки не отворилась для него. Въ правленіе Бѣльскаго, Пскову былъ возвращенъ его старинный самосудъ, съ дозволеніемъ судить уголовныя дѣла выборнымъ цѣловальникамъ (присяжнымъ), помимо великокняжескихъ намѣстниковъ и тіуновъ ихъ. Правитель, думалъ воротить на родину и брата своего, Семена Ѳедоровича Бѣльскаго. Но Семенъ, давно уже строплъ козни противъ Москвы на Литвѣ и въ Турціи, подымая грозу противъ своего отечества.

Вообще правленіе Бѣльскаго обѣщало много хорошаго, но, къ сожалѣнію, скоро пало. Бояре вознегодовали на князя Бѣльскаго и на митрополита за то, что великій князь держалъ ихъ у себя въ приближеніи. Эти бояре были: князья Михаилъ и Иванъ Кубенскіе, князь Дмитрій Палецкій, казначей Иванъ Третьяковъ и съ ними многіе дворяне и дѣти боярскіе, а также новгородцы Великаго Новгорода всѣмъ городомъ. Противъ правительства, составился заговоръ въ пользу Ивана Шуйскаго, который находился въ это время во Владимірѣ, оберегая восточныя области отъ набѣга казанцевъ. Московскіе заговорщики назначили Шуйскому и его совѣтникамъ срокъ—3 января 1542 года, чтобы онъ прибылъ въ этотъ день, въ Москву изъ Владиміра. Ночью на 3 января онъ явился въ Москву

съ своими совѣтниками безъ приказанія государя. Еще прежде его пріѣхали сынъ его Петръ да Иванъ Большой Шереметевъ съ 300 человѣкъ дружины. Въ эту ночь въ Кремлѣ поднялась страшная тревога. За три часа до свѣту бояре пришли въ постельныя хоромы къ государю и заставили поповъ пѣть у крестовъ заутреню. Между тѣмъ Бѣльскаго схватили на его дворѣ и заадили до утра, а потомъ отправили въ заточеніе на Бѣлоозеро. Совѣтники его были разосланы по городамъ; одного изъ нихъ—Щенятева выволокли задними дверьми изъ самой комнаты государя. На митрополита Іосафа напали съ особеннымъ ожесточеніемъ: по его келліи стали бить каменьями. Испуганный, онъ думалъ найдти убѣжище во дворцѣ. Но заговорщики бросились за нимъ и туда съ великимъ шумомъ, разбудили государя и привели его въ трепетъ. Тогда митрополитъ бѣжалъ на Троицкое подворье, но дѣти боярскіе и новгородцы преслѣдовали его съ ругательствами и едва не убили на подворьѣ: только тропцкій игуменъ Алексѣй, именемъ Сергія чудотворца, да князь Димитрій Палецкій съ трудомъ умолили ихъ воздержаться отъ убійства. Митрополитъ былъ взятъ и сосланъ на Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь, откуда впослѣдствіи былъ переведенъ въ монастырь Троице-Сергіевъ, гдѣ и скончался. Но Бѣльскій живой былъ страшенъ и опасенъ и на Бѣлоозерѣ, и потому въ маѣ мѣсяцѣ трое преданныхъ Шуйскимъ людей отправились на Бѣлоозеро и умертвили его въ тюрьмѣ. «И бысть мятежъ великъ въ то время на Москвѣ и государю страхованіе учиниша».

Верховная власть снова перешла въ руки Шуй-

скихъ. На мѣсто митрополита, вмѣсто Іоасафа, возведенъ былъ новгородскій архіепископъ Макарій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ лицъ русской исторіи. Самъ Макарій свидѣтельствуетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, что онъ усильно отказывался отъ предлагаемой чести, но не смогъ преслушаться и былъ понужденъ не только всѣмъ соборомъ святителей, но и самимъ благочестивымъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ. Какъ бы то ни было, только настоящій выборъ принадлежалъ къ числу самыхъ счастливыхъ.

Князь, Иванъ Шуйскій, захватившій верховную власть, по болѣзни, скоро удалился отъ двора, передавъ правленіе своимъ родственникамъ, Ивану и Андрею Михайловичу Шуйскимъ и Ѳедору Ивановичу Скопину-Шуйскому [1]). Но не долго пришлось править и этимъ Шуйскимъ. Между ними первенствовалъ князь Андрей, такъ же нагло и свирѣпо, какъ и Иванъ Шуйскій, творившій все, что ему вздумается, и ставившій ни во что подроставшаго великаго князя. Послѣ свержения и смерти Ивана Бѣльскаго, у Шуйскихъ не было соперника равносильнаго имъ. Но у нихъ могъ явиться соперникъ опасный не знатностію рода или личными заслугами, а довѣренностію и расположеніемъ государя. И Шуйскіе ревниво слѣдили за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не сталъ имъ поперегъ дороги. Іоанну исполнилось между тѣмъ уже 13 лѣтъ, и онъ съ своимъ живымъ впечатлительнымъ умомъ, наглядѣвшись на всякія

---

[1]) Дѣду знаменитаго героя смутнаго времени, Михаила Скопина-Шуйскаго.

смуты, созрѣлъ не по лѣтамъ. Шуйскіе съ опасеніемъ замѣтили его привязанность къ Ѳедору Семеновичу Воронцову. 9-го сентября 1543 года, трое Шуйскихъ и совѣтники ихъ -- князь Шкурлятевъ, князья Пронскіе, Кубенскіе, Палецкій и Алексѣй Басмановъ — въ присутствіи великаго князя и митрополита, въ столовой избѣ у государя, на совѣтѣ, схватили Воронцова, стали бить по щекамъ, оборвали платье и хотѣли убить его до смерти. Іоаннъ послалъ митрополита и бояръ Морозовыхъ уговорить ихъ, что бы они не убивали Воронцова. Они не убили его, но съ великимъ позоромъ вытолкали на площадь, били, толкали и отдали подъ стражу. Государь опять прислалъ митрополита и бояръ къ Шуйскимъ просить ихъ, чтобы Воронцова отправили на службу въ Коломну, если нельзя оставить его въ Москвѣ. Правители не уважили просьбы своего говударя и приговорили услать Воронцова подальше—въ Кострому. Все это сопровождалось большими спорами и шумомъ. «И когда—говоритъ лѣтописецъ—митрополитъ ходилъ отъ государя къ Шуйскимъ, Ѳома Головинъ у него на мантію наступилъ и разодралъ ее». До такой нахальной дерзости дошли зазнавшіеся правители и ихъ низкіе клевреты!

Но поступокъ Шуйскихъ съ Воронцовымъ былъ послѣднимъ безнаказаннымъ боярскимъ самовольствомъ: 29-го декабря 1543 года Іоаннъ велѣлъ схватить первосовѣтника боярскаго, князя Андрея Шуйскаго, и отдать его псарямъ. Псари убили его, волоча къ тюрьмамъ [1]).

[1]) Царств. книга 114: «влекуще къ тюрмамъ противъ воротъ Ризъ Положенія въ градѣ».

Совѣтники и пособники его, по приказу великаго князя, были схвачены и разосланы изъ Москвы. Проба была сдѣлана: молодой соколъ расправлялъ свои крылья. Бояре были ошеломлены. Съ тѣхъ поръ — говоритъ лѣтопись — начали бояре имѣть къ государю страхъ и послушаніе. У Іоанна были, конечно, совѣтники, направлявшіе его волю и внушившіе ему увѣренность въ себѣ и рѣшимость дѣйствовать самостоятельно. То были его дядья съ материной стороны: Юрій и Михаилъ Васильевичи Глинскіе. Погубивъ Шуйскаго, они захватили теперь правленіе въ свои руки. Опалы слѣдовали за опалами. Много бояръ поплатились за свое властолюбіе, за неумѣнье угодить Глинскимъ: однихъ выслали въ ссылку, иныхъ казнили, а Аѳанасію Бутурлину отрѣзали языкъ за «невѣжливыя» слова.

Мы замѣчаемъ въ Іоаннѣ все болѣе и болѣе проявленія дикаго и необузданнаго произвола и кровожадности. Съ толпою разгульныхъ удальцовъ онъ то тѣшился охотой, попойками, буйствовалъ, то ѣздилъ на богомолье по дальнимъ монастырямъ и на пути творилъ всякія безчинства. Прихотливый нравъ его искалъ развлеченій, новыхъ ощущеній: то внезапно поражалъ онъ сановниковъ своею опалой, то такъ же неожиданно миловалъ ихъ. Онъ словно тѣшился, словно игралъ своею властію. Ему любо было чувствовать свою силу и въ гнѣвѣ, и въ милости.

Въ маѣ 1546 года, когда Іоанну было уже 16 лѣтъ, случилось слѣдующее происшествіе. Великій князь отправился съ войскомъ въ Коломну, по вѣстямъ, что крымскій ханъ идетъ къ этимъ мѣстамъ. Однажды

Іоаннъ, выѣхавъ погулять за городъ, былъ остановленъ новгородскими пищальниками (ихъ было человѣкъ съ 50), которые стали о чемъ-то бить ему челомъ. Онъ не расположенъ былъ ихъ слушать и велѣлъ отослать. Неизвѣстно, какъ посланные великимъ княземъ исполнили его приказаніе. Извѣстно только то, что пищальники начали бросать въ нихъ колпаками и грязью. Тогда Іоаннъ отправилъ отрядъ дворянъ своихъ прогнать пищальниковъ. Но послѣдніе стали сопротивляться и дворянамъ. Дворяне вздумали употребить силу. Пищальники начали битьсяослопами и стрѣлять изъ пищалей [1]), а дворяне дрались изъ луковъ и саблями. Съ обѣихъ сторонъ осталось на мѣстѣ человѣкъ по пяти или по шести. Государь не могъ этимъ мѣстомъ проѣхать къ своему стану и принужденъ былъ избрать окольную дорогу. Іоаннъ встревожился, имъ овладѣло подозрѣніе, и онъ велѣлъ дьяку своему, Василію Захарову, провѣдать, по чьей наукѣ пищальники осмѣлились такъ поступить, потому что безъ науки, безъ посторонняго внушенія этого, по его мнѣнію, случиться не могло. Захаровъ донесъ, что пищальниковъ подучали бояре—князь Кубенскій и двое Воронцовыхъ. Великій князь повѣрилъ Захарову и въ великой ярости велѣлъ казнить Кубенскаго и Воронцовыхъ. Курбскій такъ характеризуетъ Кубенскаго: «мужъ зѣло разумный и тихій въ совершенныхъ уже лѣтахъ». Лѣтописцы (Цартв. кн. 124. Львов. IV, 181. Никоновск. VIII, 49) гово-

---

[1]) Пищаль — старинное тяжелое огнестрѣльное оружіе въ родѣ ружья.

рять, что дьякъ оклеветалъ бояръ. Въ этомъ же году, совершено много и другихъ казней.

Въ правленіе Шуйскихъ, правосудіе въ московскомъ государствѣ, находилось въ жалкомъ состояніи. Если пограничныя области были опустошаемы казанцами, то внутреннія области, по свидѣтельству современника (Курбскаго), не менѣе страдали въ это время, отъ намѣстниковъ. Лѣтописецъ говоритъ о псковскихъ намѣстникахъ Андреѣ Шуйскомъ и Репнинѣ-Оболенскомъ: «Были эти намѣстники свирѣпы какъ львы, а люди ихъ какъ звѣри дикіе, до христіанъ, и начали поклепцы добрыхъ людей клепать, и разбѣжались добрые люди по инымъ городамъ, а игумены честные, изъ монастырей убѣжали въ Новгородъ. Князь Шуйскій былъ злодѣй... поднималъ онъ старыя дѣла, правилъ на людяхъ по сту рублей и больше, а во Псковѣ мастеровые люди, всѣ дѣлали на него даромъ, большіе же люди давали ему подарки». Андрей Шуйскій раззорялъ землевладѣльцевъ, заставляя ихъ силою, за малую цѣну, продавать ему свои отчины; а крестьянъ раззорялъ требованіемъ большаго числа подводъ для своихъ людей, ѣздившихъ къ нему изъ его деревень и обратно. Каждый его слуга, подъ защитою имени своего господина, позволялъ себѣ всякаго рода насилія. Въ духѣ и системѣ Шуйскаго дѣйствовали, безъ сомнѣнія, и другіе намѣстники.

Въ правленіе Бѣльскаго и митрополита Іоасафа начали давать *губныя грамоты* всѣмъ городамъ большимъ, пригородамъ и волостямъ. По этимъ грамотамъ жители получали право самосуда, т. е., право избирать своихъ

судей и наказывать преступниковъ («лихихъ людей») независимо отъ намѣстниковъ и другихъ государственныхъ чиновниковъ. «И была христіанамъ радость и льгота большая отъ лихихъ людей, отъ поклепцовъ, отъ намѣстниковъ, отъ ихъ недѣльщиковъ и ѣздоковъ, которые по волостямъ ѣздятъ... Злые люди разбѣжались, стала тишина». Судъ и расправа по этимъ грамотамъ, производились надъ лихими людьми на мѣстѣ избранными головами, и затѣмъ обо всемъ этомъ только давалось знать въ Москву тѣмъ боярамъ, которымъ разбойныя дѣла приказаны.

Неурядица, послѣдовавшая за смертію великой княгини Елены, заставила бѣжать изъ Москвы архитектора Петра Фрязина, который выѣхалъ изъ Рима при великомъ князѣ Василіѣ, принялъ православіе, женился въ Москвѣ и получилъ помѣстья. Въ 1539 году онъ былъ отправленъ укрѣплять новый городъ Себежъ, воспользовался этимъ случаемъ и пробрался за-границу, въ Ливонію. На вопросъ дерптскаго епископа, что заставило его бѣжать изъ Москвы, Петръ отвѣчалъ: «Великаго князя и великой княгини не стало, государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ, и отъ нихъ великое насиліе, управы въ землѣ никому нѣтъ, между боярами самими вражда, и уѣхалъ я отъ великаго мятежа и безгосударства».

Что же дѣлалось во все это время во внѣшнихъ сношеніяхъ московскаго государства? Посмотримъ прежде всего на дѣла крымско-казанскія.

Надѣясь на защиту со стороны Крыма, казанцы начали опустошать пограничныя московскія области.

Въ 1539 году они подходили къ Мурому и Костромѣ. Въ упорномъ бою, происходившемъ недалеко отъ Костромы, они убили четверыхъ московскихъ воеводъ, но сами принуждены были бѣжать и потерпѣли пораженіе отъ царя Шигъ-Алея и князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго. Въ декабрѣ 1540 года Сафа-Гирей съ казанцами, крымцами и ногаями подступилъ къ Мурому, но, узнавъ о движеніи владимірскихъ воеводъ и царя Шигъ-Алея изъ Касимова, ушелъ назадъ. Сафа-Гирей былъ обязанъ казанскимъ престоломъ, между прочимъ, князю Булату. Но въ Казани существовала партія, противная крымской. Сначала эта партія была слаба и не могла разсчитывать на дѣятельную поддержку со стороны Москвы. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства перемѣнились: Сафа-Гирей окружилъ себя крымцами, довѣряя имъ однимъ и обогащая ихъ. Это оттолкнуло отъ него и тѣхъ вельможъ, которые прежде были на сторонѣ крымской. Князь Булатъ, сталъ теперь во главѣ недовольныхъ и отъ имени всей казанской земли послалъ въ Москву (въ 1541 году) съ просьбою, чтобы великій князь простилъ ихъ и прислалъ подъ Казань своихъ воеводъ. «А мы — говорилъ Булатъ—велпкому князю послужимъ, царя убьемъ или схватимъ, да выдадимъ воеводамъ. Отъ царя теперь казанскимъ людямъ очень тяжко: земскихъ людей грабитъ, копитъ казну да въ Крымъ посылаетъ». Великій князь отвѣчалъ Булату и всей землѣ, что прощаетъ ихъ и высылаетъ къ нимъ воеводъ. Дѣйствительно, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Шуй-

скій, съ другими воеводами и многими людьми изъ 17-ти городовъ, отправился во Владиміръ наблюдать за ходомъ казанскихъ дѣлъ и пересылаться съ недовольными. Такъ какъ война съ Казанью была вмѣстѣ съ тѣмъ и войною съ Крымомъ, то правительство Московское (Бѣльскій съ митрополитомъ Іоасафомъ) отправило войско и въ Коломну для наблюденія за южными границами. Въ Москву прибѣжали изъ Крыма двое плѣнныхъ и сказали, что Сафа-Гирей узналъ о движеніи Русскаго войска и далъ знать объ этомъ Саипъ-Гирею. Послѣдній двинулся на Русь со своею ордою, оставивъ въ Крыму только стараго да малаго. Вмѣстѣ съ нимъ пошли турки, ногаи, кафинцы, астраханцы, азовцы, бѣлогородцы (аккерманцы). Въ Москву было дано знать, что крымцы идутъ на Русь ордою во 100,000 человѣкъ и даже болѣе. Тогда изъ Москвы двинулся бояринъ князь Димитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій: ему и воеводамъ, стоявшимъ на Коломнѣ, велѣно стать на берегу Оки. Князь Юрій Михайловичъ Булгаковъ-Голицынъ съ однимъ изъ Татарскихъ царевичей долженъ былъ стать на Пахрѣ. Но въ то же время слѣдовало опасаться и нападенія царя Казанскаго, и потому царю Шигъ-Алею изъ Касимова и Костромскимъ воеводамъ велѣно было стягиваться ко Владиміру на помощь князю Шуйскому. 28-го іюля Саипъ-Гирей подошелъ къ городу Осетру. Воевода Глѣбовъ бился съ непріятелемъ въ посадахъ, много татаръ побилъ и 9 человѣкъ живыхъ прислалъ въ Москву. Тогда князь Булгаковъ съ Пахры былъ передвинутъ также на Оку, а на его мѣсто отправи-

лись другіе воеводы. Между тѣмъ въ Москвѣ великій князь ходилъ въ Успенскій соборъ, молился у Владимірскаго образа Пресвятой Богородицы, у гроба Петра чудотворца, и потомъ спрашивалъ у митрополита Іоасафа и у бояръ: оставаться ли ему въ Москвѣ или ѣхать въ другіе города? Всѣ бояре порѣшили на томъ, чтобы великому князю быть въ городѣ. Тогда стали запасать городскіе запасы, ставить по мѣстамъ пушки и пищали, росписывать людей по воротамъ, по стрѣльницамъ и по стѣнамъ. Пришли вѣсти, что ханъ уже на берегу Оки и хочетъ перевозиться. Великій князь писалъ къ воеводамъ, чтобы между ними не было розни и чтобы они за святыя церкви и за православное христіанство крѣпко пострадали; а онъ, великій князь, радъ жаловать не только ихъ, но и дѣтей ихъ. Прочтя грамоту, воеводы стали говорить со слезами: «Укрѣпимся, братья, любовію, помянемъ жалованіе великаго князя Василія; государю нашему, великому князю Ивану, еще не пришло время самому вооружиться, еще малъ. Послужимъ государю малому, и отъ большаго честь примемъ, а послѣ насъ и дѣти наши. Постраждемъ за государя и за вѣру христіанскую. Если Богъ желаніе наше исполнитъ, то мы не только здѣсь, но и въ дальнихъ странахъ славу получимъ. Смертные мы люди: кому случится за вѣру и за государя до смерти пострадать, то у Бога незабвенно будетъ, и дѣтямъ нашимъ отъ государя воздаяніе будетъ». Когда же приказъ великокняжескій объявленъ былъ всему войску, то ратные люди отвѣчали. «Рады государю

служить и за христіанство головы положить, хотимъ съ татарами смертную чашу пить». 30-го іюля утромъ Саипъ-Гирей пришелъ къ Окѣ на берегъ и сталъ на горѣ. Татары готовились переправляться. Передовой русскій полкъ, подъ начальствомъ князя Ивана Турунтая-Пронскаго, началъ съ ними перестрѣлку. Ханъ велѣлъ палить изъ пушекъ и стрѣлять изъ пищалей, чтобы отбить русскихъ отъ берега и дать своимъ возможность переправиться. Передовой полкъ Пронскаго дрогнулъ-было; но къ нему на помощь подоспѣли князья Микулинскій и Серебряный-Оболенскій, а за ними начали показываться князь Курбскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и наконецъ князь Димитрій Бѣльскій. Ханъ удивился и началъ говорить Семену Бѣльскому, нашему измѣнннку, и князьямъ своимъ съ сердцемъ: «Вы мнѣ говорили, что великаго князя люди въ Казань пошли, что мнѣ и встрѣчи не будетъ,—а я столько нарядныхъ людей въ одномъ мѣстѣ никогда и не видывалъ». Услышавъ, что къ русскимъ пришли пушки, Саипъ-Гирей отступилъ отъ берега и пошелъ по той же дорогѣ, по которой пришелъ. Двое воеводъ отправились вслѣдъ за нимъ, били отсталыхъ татаръ и забирали въ плѣнъ. 3-го августа татары пришли подъ Пронскъ и цѣлый день бились съ осажденными. Ханъ велѣлъ всѣмъ своимъ людямъ дѣлать туры и припасать градобитные приступы, намѣреваясь осадить городъ со всѣхъ сторонъ. А воеводы Пронскіе, Василій Жулебинъ и Александръ Кобяковъ, всѣми людьми и женскимъ поломъ начали укрѣплять городъ, велѣли носить на стѣны колья, камни и воду. Въ это время

пріѣхали въ Пронскъ семь человѣкъ боярскихъ дѣтей съ вѣстью отъ воеводъ Микулинскаго и Серебрянаго, «чтобъ сидѣли въ городѣ крѣпко, а мы идемъ къ городу наспѣхъ со многими людьми». Жители Пронска очень обрадовались; и ханъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, велѣлъ сжечь туры и пошелъ прочь отъ города. Не заставъ его у Пронска, воеводы пошли за нимъ дальше къ Дону; но, приблизившись къ берегамъ этой рѣки, увидали, что татары уже перевезлись. Тогда они возвратились въ Москву, и была здѣсь большая радость. Государь пожаловалъ бояръ и воеводъ великимъ жалованьемъ, шубами и кубками.

Весною 1542 года старшій сынъ Саиповъ, Иминъ-Гирей, напалъ на Сѣверскую область, но былъ разбитъ воеводами. Въ августѣ того же года крымцы явились въ Рязанской области, но, увидавъ предъ собою русскіе полки, ушли назадъ. Счастливѣе былъ Иминъ-Гирей въ нападеніи своемъ на Бѣлевскія и Одоевскія мѣста въ декабрѣ 1544 года: татары взяли въ это время большой полонъ, потому что трое воеводъ московскихъ разсорились за мѣста и не пошли противъ крымцевъ.

Послѣ неудачнаго похода Сапиъ-Гирея, въ Казани стали думать о мирѣ. Здѣсь Булатъ помирился съ Сафа-Гиреемъ и писалъ къ боярамъ, чтобы просили великаго князя о мирѣ. Царевна Горшадна писала о томъ же самому Іоанну. Затѣмъ до весны 1545 года, мы не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій, о казанскихъ дѣлахъ. Въ апрѣлѣ этого года объявленъ былъ походъ на Казань—по какому поводу, неизвѣстно. Князь Се-

менъ Пунковъ, Иванъ Шереметевъ и князь Давидъ Палецкій отправились къ Казани на стругахъ, съ Вятки пошелъ князь Василій Серебряный, изъ Перми—воевода Львовъ. Идучи Вяткою и Камою, Серебряный побилъ много непріятелей и сошелся съ Пунковымъ у Казани въ одинъ день и часъ, какъ будто пошли изъ одного двора. Сошедшись, воеводы побили много казанцевъ и возвратились благополучно. Не такова была судьба третьяго отряда. Львовъ съ Пермичами пришелъ поздно не засталъ подъ Казанью русскаго войска, былъ окруженъ казанцами, разбитъ и убитъ.

Хотя этотъ походъ не сопровождался, какъ видимъ, особенно блестящими успѣхами, однако былъ важенъ въ томъ отношеніи, что усилилъ внутренній безпорядокъ въ Казани и борьбу партій. Многіе изъ казанскихъ вельможъ уѣхали въ Москву, а другіе разъѣхались по инымъ мѣстамъ. 29-го іюля двое вельможъ, князь Кадышъ да Чура Нарыковъ, прислали въ Москву съ просьбою, чтобы великій князь послалъ рать свою къ Казани, а они Сафа-Гирея и его крымцевъ 30 человѣкъ выдадутъ. Іоаннъ отвѣчалъ имъ, чтобы они царя схватили и держали, а онъ къ нимъ рать свою пошлетъ. Въ декабрѣ великій князь самъ отправился во Владиміръ, вѣроятно, для того, чтобы получать скорѣе вѣсти изъ Казани. 17-го января 1546 года ему дали знать, что Сафа-Гирей выгнанъ изъ Казани и много крымцевъ его побито. Казанцы били челомъ государю, чтобы онъ далъ имъ въ цари Шигъ-Алея, и въ іюнѣ Шигъ-Алей былъ посаженъ въ Казани. Но изгнаніе Сафа-Гирея и посаженіе Шигъ-Алея было дѣ-

ломъ только одной стороны. Едва князь Бѣльскій, посадившій Шигъ-Алея въ Казани, успѣлъ возвратиться оттуда, какъ пришла вѣсть, что казанцы привели Сафа-Гирея на Каму и измѣнили великому князю и царю Шигъ-Алею.

Шигѣ-Алей убѣжалъ изъ Казани.

Что касается отношенія къ Литвѣ, то весьма важно было во время боярскаго правленія, то обстоятельство, что трудная война съ нею уже прекратилась. Престарѣлый Сигизмундъ самъ не думалъ уже начинать новой войны и хлопоталъ только о томъ, чтобы быть наготовѣ въ случаѣ, если, по истеченіи перемирія, сама Москва вздумаетъ напасть на Литву. Когда перемиріе вышло, въ мартѣ 1542 года въ Москву пріѣхали литовскіе послы. Возобновлено было перемиріе. Не добились ни вѣчнаго мира, ни даже размѣна плѣнныхъ: король требовалъ въ придачу къ плѣннымъ, уступки Чернигова и еще шести городовъ. Боярину Морозову, ѣздившему въ Литву для размѣна грамотъ, велѣно было ходатайствовать за нашихъ плѣнныхъ, чтобы ихъ не держали въ оковахъ и дозволяли имъ ходить въ церковь: послѣднее утѣшеніе для несчастныхъ, осужденныхъ умереть въ странѣ непріятельской!

Сношенія съ другими странами были мирныя: наши посланники ѣздили къ султану Солиману, къ царю Астраханскому Абдулъ-Рахману и къ молдавскому господарю, Ивану Петровичу.

VII.

Дѣтство и юность Іоанна.

Трехъ лѣтъ, Іоаннъ лишился отца, а восьми лѣтъ остался круглымъ сиротою и очутился на рукахъ или—вѣрнѣе сказать—въ рукахъ бояръ, которые всѣми мѣрами старались о томъ, чтобы не воспитать, а испортить ребенка-государя, чего и достигли вполнѣ.

Іоаннъ не имѣлъ того медлительнаго, разсчетливаго характера, какимъ отличались его отецъ и дѣдъ: онъ отъ природы былъ горячаго, впечатлительнаго, страстнаго права. Развитію этой природной раздражительности въ сильнѣйшей степени способствовали обстоятельства его дѣтства. По смерти матери, у него отняли всѣхъ близкихъ людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ дѣтскимъ сердцемъ, отняли даже мамку Аграфену, заботы и ласки которой могли хоть сколько нибудь замѣнить для него материнскую любовь. Вмѣсто любимыхъ людей являются суровыя, непріязненныя лица Василія и Ивана Шуйскихъ; его окружаютъ люди, заботившіеся только орудіемъ для своихъ корыстныхъ цѣлей. Ребенокъ съ блестящими дарованіями,—какимъ былъ Іоаннъ, — предоставленный съ ранняго дѣтства самому себѣ и особенно попавшій въ суровую жизненную обстановку, развивается быстро, не по лѣтамъ. Іоаннъ трехъ лѣтъ, былъ уже великимъ княземъ. Передъ его глазами происходила борьба сторонъ: людей къ нему близкихъ у него отнимали, наглымъ, звѣр-

скимъ образомъ влекли ихъ въ заточеніе, несмотря на его просьбы; потомъ слышалъ онъ объ ихъ насильственной смерти. Но въ то же время, онъ ясно понималъ свое верховное положеніе, потому что къ же самые люди, которые, не обращая на него никакого вниманія, при немъ били, обрывали людей къ нему близкихъ; при посольскихъ пріемахъ и другихъ церемоніяхъ стояли передъ нимъ какъ покорные слуги и вообще все дѣлали его именемъ. Такимъ образомъ ребенокъ видѣлъ въ боярахъ враговъ, похитителей его правъ, но бороться съ ними на дѣлѣ, онъ не могъ: вся борьба должна была сосредоточиться у него въ головѣ и въ сердцѣ,—а такая затаенная борьба, особенно въ нѣжномъ возрастѣ, должна была сопровождаться для него нравственно-разрушительными послѣдствіями. Безсильная злоба, жажда мести гнѣздились, клокотали въ его сердце; но высказать ихъ ему было страшно, и онъ таилъ ихъ—до поры, до времени... Научившись читать, Іоаннъ съ жадностью накинулся на книги, прочелъ все, что только могъ прочесть, изучилъ Священное писаніе [1]), Священную исторію, церковную, прочелъ римскую исторію, русскія лѣтописи, творенія святыхъ отцовъ [2]). Пытливый умъ его особенно занимали тѣ страницы, гдѣ говорилось о царяхъ и ихъ власти, о

---

[1]) Іоаннъ Грозный зналъ наизустъ все Евангеліе и Апостолъ, какъ впослѣдствіи царевичъ Петръ (Великій).

[2]) Вообще Іоаннъ былъ начитаннѣйшимъ человѣкомъ своего времени и, при своемъ изворотливомъ умѣ, отличался большою охотою и умѣньемъ поговорить, поспорить устно и письменно, отчего получилъ прозваніе «въ словесной премудрости ритора».

томъ, какъ цари относились къ вельможамъ. (Впослѣдствіи, онъ умѣлъ кстати приводить эти мѣста).

Съ другой стороны, изъ суровой и безотрадной школы своей дѣтской жизни, Іоаннъ вынесъ презрѣніе къ интересамъ другихъ, неуваженіе къ человѣческому достоинству, къ жизни человѣка. Онъ былъ окруженъ людьми, которые, добиваясь своихъ цѣлей, не обращали на него никакого вниманія, оскорбляли его, которые во взаимной борьбѣ не щадили другъ друга, позволяли себѣ въ его глазахъ насильственные поступки. Развращая его своимъ примѣромъ, бояре явно и преднамѣренно препебрегали развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка и подавленіемъ худыхъ, позволяли ему предаваться грубымъ, животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать; когда же дѣло доходило до ихъ личныхъ боярскихъ интересовъ, они наносили ему самыя чувствительныя оскорбленія и какъ государю, и какъ человѣку, оскорбляя память его родителей, позоря и умерщвляя людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ, не слушая его приказаній и не внимая его просьбамъ. Что же могъ онъ вынести изъ всего этого, какъ не презрѣніе къ рабамъ-ласкателямъ и ненависть къ врагамъ—ненависть къ строптивымъ вельможамъ, беззаконно похитившимъ его права, и ненависть личную—за личныя оскорбленія!

Припомнимъ одну сцену, происходившую въ 1542 году, въ ночь на 3-е января. Въ Кремлѣ шумъ, крики, свалка. Ночью, когда государь-ребенокъ спалъ, толпа врывается въ его комнату. Хватаютъ правителя Бѣль-

скаго, съ ругательствами выгоняютъ изъ дворца митрополита Іоасафа... Не будемъ уже говорить о томъ огорченіи, о той досадѣ и злобѣ, какія чувствовалъ Іоаннъ, когда отъ него снова отдаляли этихъ добрыхъ и вѣрныхъ его совѣтниковъ-руководителей: но представимъ себѣ, чѣмъ могъ окончиться испугъ отъ ночной тревоги, поднявшей на ноги цѣлую Москву! Лѣтопись не даромъ замѣчаетъ, что «государю страхованіе учиниша». Подобный испугъ, испытанный въ дѣтскомъ возрастѣ, обыкновенно оставляетъ слѣды на всю жизнь: люди, сильно испуганные въ малолѣтствѣ, нерѣдко дрожатъ при всякомъ неожиданномъ шумѣ и звукѣ. Быть можетъ, одною изъ главныхъ причинъ того, что Іоаннъ впослѣдствіи вездѣ воображалъ измѣну, во всѣхъ приближенныхъ лицахъ видѣлъ враговъ, было именно дѣйствіе этого испуга. А случай, описанный нами сейчасъ, былъ не единственнымъ въ дѣтской жизни Іоанна: подобныя сцены повторялись неоднократно.

Такая-то неприглядная обстановка воспитывала и воспитала будущаго «грознаго» царя русскаго. Бояре пожали то, что посѣяли. Къ несчастію, не имъ однимъ пришлось пожинать злые плоды ихъ, злаго сѣянія...

Послушаемъ теперь воспоминанія самого Іоанна о своемъ дѣтствѣ. Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ князю Курбскому: «По смерти матери нашей Елены, остались мы съ братомъ Георгіемъ круглыми сиротами; подданные наши хотѣніе свое улучили, нашли царство безъ правителя: объ насъ, государяхъ своихъ, заботиться не стали, начали хло-

потать только о пріобрѣтеніи богатства и славы, начали враждовать другъ съ другомъ. И сколько зла они надѣлали! сколько бояръ и воеводъ—доброхотовъ отца нашего умертвили! дворы, села и имѣнія дядей нашихъ взяли себѣ и водворились въ нихъ! казну матери нашей перепесли въ большую казну, причемъ неистово ногами пихали ея вещи и спицами кололи; иное и себѣ побрали,—а сдѣлалъ это дѣдъ твой Михайло Тучковъ». Описавъ поведеніе князей Шуйскихъ относительно дьяка Мишурина, князя Ивана Бѣльскаго и двоихъ митрополитовъ, Іоаннъ продолжаетъ: «Насъ съ братомъ Георгіемъ начали воспитывать какъ иностранцевъ, или какъ нищихъ. Какой нужды не натерпѣлись мы въ одеждѣ и въ пищѣ: ни въ чемъ намъ воли не было, ни въ чемъ не поступали съ нами такъ, какъ слѣдуетъ поступать съ дѣтьми. Одно припомню: бывало мы играемъ, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершись о постель нашего отца, ногу на нее положивъ. Что сказать о казнѣ родительской? — все расхитили лукавымъ умысломъ, будто дѣтямъ боярскимъ на жалованье, а между тѣмъ все себѣ взяли; и дѣтей боярскихъ жаловали не за дѣло, верстали не по достоинству. Изъ казны отца нашего и дѣда наковали себѣ сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и написали на нихъ имена своихъ родителей, какъ будто бы это было наслѣдственное добро; а всѣмъ людямъ вѣдомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояровая, зеленая, на куницахъ, да и тѣ ветхи. Такъ еслибъ у нихъ было отцовское богатство, то чѣмъ посуду ковать, лучше-бъ

шубу перемѣнить. Потомъ на города и села наскочили и безъ милости пограбили жителей; а какія напасти отъ нихъ были сосѣдямъ, исчислить нельзя; подчиненныхъ всѣхъ сдѣлали себѣ рабами, а рабовъ своихъ сдѣлали вельможами; думали, что правятъ и строятъ, а вмѣсто того, вездѣ были только неправды и нестроенія, мзду безмѣрную отовсюду брали, все говорили и дѣлали по мздѣ».

По словамъ Курбскаго, Іоанна воспитывали великіе и гордые бояре, на свою и на дѣтей своихъ бѣду, стараясь другъ передъ другомъ угождать ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи. Когда онъ началъ приходить въ возрастъ, былъ лѣтъ двѣнадцати, то сталъ прежде всего проливать кровь безсловесныхъ. бросая ихъ на землю съ высокихъ теремовъ; а пѣстуны позволяли ему это и даже хвалили, уча отрока на свою бѣду. Когда онъ началъ приближаться къ пятнадцатому году, то принялся и за людей: собралъ около себя толпу знатной молодежи и началъ съ нею скакать верхомъ по улицамъ и площадямъ, бить, грабить встрѣчавшихся мужчинъ и женщинъ, по истинѣ въ самыхъ разбойническихъ дѣлахъ упражнялся, а ласкатели все это хвалили, говоря: «О! храбръ будетъ этотъ царь и мужественъ!».

Бросая съ теремовъ собакъ и кошекъ, Іоаннъ, можетъ быть, думалъ про себя, что точно также размозжитъ онъ ненавистныхъ ему бояръ. Многіе изъ ласкателей, вѣроятно, также тѣшили его этою мыслію. Ему было 13 лѣтъ, когда онъ впервые рѣшился попытать свою силу на боярахъ, какъ пыталъ ее надъ без-

словесными животными, и попытать именно такъ, какъ научили его сами бояре. Мы уже знаемъ, какъ онъ расправился съ гордымъ первосовѣтникомъ, княземъ Андреемъ Шуйскимъ.

VIII.

Вѣнчаніе на царство.

13 декабря 1546 года Іоаннъ (ему пошелъ теперь уже 17-й годъ) позвалъ къ себѣ митрополита Макарія и объявилъ, что хочетъ жениться. На другой день митрополитъ отслужилъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, пригласилъ къ себѣ всѣхъ бояръ, даже и опальныхъ и со всѣми отправился къ великому князю, который сказалъ Макарію: «Милостію Божіею и Пречистой Его Матери, молитвами и милостію великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны, Сергія и всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, положилъ я на нихъ упованіе, а у тебя, отца своего, благословявя, помыслилъ жениться. Сперва думалъ я жениться въ иностранныхъ государствахъ, у какого-нибудь короля или царя; но потомъ, я эту мысль отложилъ,—не хочу жениться въ чужихъ государствахъ, потому что я послѣ отца своего и матери остался малъ: если я приведу себѣ жену изъ чужой земли и въ нравахъ мы не сойдемся, то между нами дурное житье будетъ. Поэтому я хочу жениться въ своемъ государствѣ, у кого Богъ благословитъ, по твоему благословенію». Митрополитъ и бояре, по сло-

вамъ лѣтописца, заплакали отъ радости, видя, что государь такъ молодъ, а между тѣмъ ни съ кѣмъ не совѣтуется. Но молодой государь тутъ же удивилъ еще другою рѣчью. Онъ продолжалъ: «По твоему, отца своего митрополита, благословенію и съ вашего боярскаго совѣта, хочу прежде своей женитьбы, поискать прародительскихъ чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ, великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе садились,—и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на царство, на великое княженіе сѣсть». Бояре обрадовались, что государь въ такомъ еще младенчествѣ, а прародительскихъ чиновъ поискалъ.

16-то января 1547 года совершилось царское вѣнчаніе Іоанна.

Это было въ воскресенье. Утромъ государь вышелъ въ столовую комнату, гдѣ находились всѣ бояре; а воеводы, князья и служилые люди, богато одѣтые, стояли въ сѣняхъ. Духовникъ государевъ, Благовѣщенскій протопопъ Ѳеодоръ, взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ, на золотомъ блюдѣ, животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы, отнесъ ихъ (сопровождаемый конюшимъ, княземъ Михаиломъ Глинскимъ, казначеями и дьяками) въ соборный храмъ Успенія Богоматери. Вскорѣ затѣмъ пошелъ туда и великій князь: передъ нимъ шелъ духовникъ съ крестомъ и святою водою, кропя людей по обѣ стороны, а за нимъ — братъ его, князь Юрій Васильевичъ, бояре, князь и весь дворъ. Войдя въ церковь, государь приложился къ иконамъ. Пѣвчіе воз-

гласили ему многолѣтіе. Митрополитъ благословилъ его. Затѣмъ служили молебенъ. Посреди храма, на амвонѣ съ двѣнадцатью ступенями, были изготовлены два мѣста, одѣтыя золотыми паволоками, въ ногахъ лежали бархаты и камки. Эти мѣста заняли государь и митрополитъ! Передъ амвономъ стоялъ богато украшенный налой съ царскою утварью [1]). По окончаніи молебна, архимандриты взяли и подали ее митрополиту. Онъ всталъ вмѣстѣ съ Іоанномъ и, возглагая на него крестъ, бармы и вѣнецъ, громогласно молился, чтобы Всевышній оградилъ сего христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ его на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и милостивое око для послушныхъ. Обрядъ закончился провозглашеніемъ новаго многолѣтія государю Митрополитъ поздравилъ государя: «Радуйся и здравствуй православный *Царю* Иванне, всея Россіи *Самодержецъ* на многія лѣта!» Принявъ затѣмъ поздравленіе отъ духо-

[1]) Въ древнихъ нашихъ „чиновникахъ“ (книгахъ, по которымъ совершалось вѣнчаніе нашихъ царей) сохранилось извѣстіе, что „превысочайшую честь, царскій вѣнецъ и діадему отъ греческаго царя Константина Мономаха воспріемъ князь Владиміръ Всеволодовичъ и сего ради Мономахъ нарече́ся“: Византійскій императоръ Алексѣй Комненъ прислалъ Владиміру Всеволодовичу. въ числѣ другихъ даровъ, драгоцѣнный вѣнецъ, златую цѣпь и бармы (оплечье) Константина Мономаха, дѣда Владимірова по матери. Ефесскій митрополитъ Неофитъ возложилъ ихъ на Владиміра и провозгласилъ его царемъ. Эти *регаліи* (знаки царскаго достоинства), стали возлагаться потомъ на русскихъ государей при ихъ коронованіи. Онѣ хранятся теперь въ Московской Оружейной Палатѣ.

венства, вельможъ и гражданъ, Іоаннъ слушалъ литургію, по окончаніи которой возвратился во дворецъ, ступая съ бархата на камку, съ камки на бархатъ. Князь Юрій Васильевичъ осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами изъ мисы, которую несъ за нимъ Михаилъ Глинскій. Лишь только государь вышелъ изъ церкви, народъ, дотолѣ стоявшій неподвижно и безмолвно, съ шумомъ кинулся обдирать *царское мѣсто*: всякому хотѣлось имѣть лоскутъ наволоки, на память о достопамятномъ днѣ.

Торжественное вѣнчаніе Іоанна, было повтореніемъ вѣнчанія Дмитрія, внука Іоанна III, съ нѣкоторыми перемѣнами въ словахъ молитвъ и съ тою разницею, что Іоаннъ III самъ (а не митрополитъ) надѣлъ вѣнецъ на главу внука. Современныя лѣтописи не упоминаютъ ни о скипетрѣ, ни о муропомазаніи, ни о причащеніи, не сказываютъ также, чтобы Макарій говорилъ вѣнчавшемуся царю поученія.

Чтобы придать еще болѣе значенія своему царскому вѣнчанію, Іоаннъ послалъ просить благословенія къ Цареградскому патріарху Іоасафу [1]), отъ котораго въ

---

[1]) Курбскій пишетъ: „Посла царь Ѳеодорита (инока) Соловецкаго просвѣтителя Лопарей къ патріарху Константинограда просити о царскомъ вѣнчаніи, и ходи вящше года; и принесе отъ патріарха благословеніе, и книгу царскаго вѣнчанія, присла патріархъ съ митрополитомъ своимъ и Михаиломъ пресвитеромъ. Царь же подарова Ѳеодорита тремя сты сребреными и шубою соболей подъ аксамитомъ; онъ же взя точію 25 сребреникъ“.

1561 году и получилъ утвердительную грамоту [2]). Въ этой грамотѣ, подписанной тридцатью шестью греческими митрополитами и епископами, патріархъ говоритъ, между прочимъ: «Не только преданіе людей достовѣрныхъ, но и самыя лѣтописи свидѣтельствуютъ, что нынѣшній властитель Московскій происходитъ отъ незабвенной царицы Анны, сестры императора Багрянороднаго, и что митрополитъ Ефесскій, уполномоченный для того соборомъ духовенства Византійскаго, вѣнчалъ Россійскаго великаго князя Владиміра на царство».

Съ этого времени русскіе государи стали уже не только въ сношеніяхъ съ другими державами, но и внутри государства, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, именоваться *царями*, сохраняя и титулъ *великихъ князей*, освященный древностію. Царскій титулъ, не принятый оффиціально, проскользалъ уже и прежде въ дипломатическихъ сношеніяхъ при Іоаннѣ III и Василіѣ III. Іоаннъ III, сочетавшись бракомъ съ греческою царевною, племянницею послѣдняго Византійскаго императора, считалъ себя нѣкоторымъ образомъ преемникомъ славы и величія православныхъ Византійскихъ царей. Съ этою мыслію онъ въ нѣкоторыхъ своихъ грамотахъ уже титуловался царемъ и счелъ нужнымъ освятить обрядомъ царскаго вѣнчанія назначеніе себѣ преемника въ особѣ своего внука Димитрія, которому не удалось царствовать. Сынъ и преемникъ Іоанна III, Василій,

---

[2]) Эта грамота хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и издана княземъ М. А. Оболенскимъ: „Соборная грамота утвержд. санъ царя за в. кн. Іоанномъ IV Васильевичемъ“. М. 1850.

не повторилъ надъ собою вѣнчанія на царство, быть можетъ, избѣгая подобія съ племянникомъ, который томился въ оковахъ. Но и Василій не чуждался царскаго титула, укрѣплявшаго и освѣщавшаго возникшую самодержавную монархію. А въ дѣйствительности, по словамъ современника Василіева, Герберштейна, не было въ мірѣ монарха съ такою властью надъ подданными, какую имѣлъ московскій государь. Прежде ханы Золотой Орды были *царями* для русскаго народа, находившагося у нихъ въ порабощеніи. Теперь Орда уже не властвовала надъ Русью: теперь самъ московскій великій князь сдѣлался ея владыкою, тѣмъ, чѣмъ былъ для нея ханъ. Вся Русь становилась его достояніемъ. И вотъ преемникъ Василія, желавшій быть на московскомъ престолѣ тѣмъ же, чѣмъ Давидъ и Соломонъ были въ Іерусалимѣ, Августъ, Константинъ и Ѳеодосій въ Римѣ, принимаетъ уже оффиціально титулъ царя и ревниво оберегаетъ его въ сношеніяхъ съ другими государствами. «Іоаннъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый созналъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый, такъ сказать, составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически [1])». Для приданія большей важности царскому роду генеологія (родословіе) Московскихъ государей выводилась такъ: Августъ кесарь, обладавшій всею вселенною, поставилъ брата своего

---

[1]) Исторія Россіи *С. Соловьева*. Томъ шестой. Изд. 4-е, 1877. Стр. 40.

Пруса, на берегахъ Вислы рѣки по рѣку, называемую Нѣманъ, и до сего года по имени его зовется Прусская земля; а отъ Пруса четырнадцатое колѣно до великаго государя Рюрика.

Тогдашніе книжники приписывали измѣненію титула московскихъ государей великое значеніе: «Вся христіанская царства преидоша въ конецъ и спадошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, то есть Россійское царство; два убо Рима падоша, а третій (то есть Москва) стоитъ, а четвертому не быть [2])». Въ *Псковской* лѣтописи по случаю царскаго вѣнчанія Іоанна читаемъ: «Яко же написано въ Апокалипсисѣ глава 17: пять бо царевъ минуло, а шестый есть, не убо пришло, но се абіе уже настало и приде» (П. С. Р. Л. IV, 307). Въ *Новгородской* лѣтописи читаемъ: «И наречеся царь и великій князь, всея великія Россіи самодержецъ великій показася, и страхъ его обдержаше вся языческія страны, и бысть вельми премудръ и храбросердъ, и крѣпкорукъ, и силенъ тѣломъ и легокъ ногами, аки пардусъ, подобенъ дѣду своему, великому князю Іоанну Васильевичу: прежде бо его никто же отъ прадѣдъ его царемъ славяше въ Россіи, не смѣяше отъ нихъ никійждо поставитися царемъ и зватися тѣмъ новымъ именемъ, блюдущися зависти ради и востанія на нихъ поганыхъ царь» (П. С. Р. Л. III, 250).

---

[2]) *Посланіе старца Филовѣя дьяку Мунехину* въ Православномъ собесѣдникѣ, 1861 г.

IX.

Женитьба Іоанна.

Мы уже видѣли, что Іоаннъ заявилъ желаніе найдти себѣ невѣсту не въ чужомъ, но въ своемъ государствѣ. И вотъ зимою 1546—1547 года, еще до вѣнчанія его на царство, были разосланы слѣдующія грамоты:

«Отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Руси въ нашу отчину въ Великій Новгородъ, въ Бѣжицкую Пятину, отъ Новгорода верстъ за сто и за полтораста и за двѣсти, княземъ и дѣтямъ боярскимъ. Послалъ я въ свою отчину, въ Великій Новгородъ, окольничаго своего Ивана Дмитріевича Шеина, а велѣлъ боярамъ своимъ и намѣстникамъ, князю Ю. М. Булгакову да Василью Дмитріевичу, да окольничему своему Ивану. смотрити у васъ дочерей дѣвокъ—намъ невѣсты. И какъ къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ у васъ будутъ дочери дѣвки, и вы бъ съ ними часа того ѣхали въ Великій Новгородъ; а дочерей бы у себя дѣвокъ однолично не таили, повезли бы часа того не мѣшкая. А который изъ васъ дочь дѣвку у себя утаитъ и къ боярамъ нашимъ не повезетъ, и тому отъ меня быть въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часа».

Другая грамота «въ Вязьму и Дорогобужъ княземъ и дѣтямъ боярскимъ: дворовымъ и городовымъ. Писалъ

къ намъ князь Иванъ Семеновичъ Мезецкой, да дворцовый дьякъ, Гаврило Щенокъ, что къ вамъ послали наши грамоты, да и свои грамоты къ вамъ посылали, чтобъ по нашему слову вы къ нимъ ѣхали съ дочерьми своими, а велѣлъ я имъ смотрити у васъ дочерей—себѣ невѣсты. И вы де и къ нимъ не ѣдете и дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ не-слушасте. И вы то чините не гораздо, что нашихъ грамотъ не слушаете. И вы бъ однолично часа того поѣхали съ дочерьми своими ко князю Ивану Семеновичу Мезецкому да къ дьяку. А который изъ васъ къ нимъ съ дочерьми своими часа того не поѣдетъ, а тому отъ меня быти въ великой опалѣ и въ казни. А грамоту посылайте межъ себя сами, не издержавъ ни часу [1])».

Приведенныя грамоты, разсылавшіяся ко всѣмъ помѣщикамъ или служивымъ людямъ, по разнымъ мѣстностямъ, знакомятъ насъ отчасти съ порядкомъ предварительнаго выбора царской невѣсты. Въ областные и другіе города посылали довѣренныхъ людей изъ окольничьихъ или изъ дворянъ съ дьяками, которые заодно съ мѣстною властью, съ намѣстникомъ или воеводою, и должны были пересмотрѣть всѣхъ дѣвицъ назначеннаго округа. Между тѣмъ по всему округу, во всѣ помѣстья пересылалась государева грамота съ наказомъ везти дочерей въ городъ для смотра. Помѣщики собирались съ невѣстами и затѣмъ избранныхъ везли уже въ Москву. Для многихъ, вѣроятно, по-бѣдности, этотъ мѣстный съѣздъ былъ дѣломъ не совсѣмъ

---

[1]) Собраніе государственныхъ грамотъ. II, № 34 и 35.

легкимъ, и потому иные не слишкомъ торопились исполнять царскій наказъ. Должно полагать, что лицамъ, пересматривавшимъ невѣстъ на мѣстѣ, давался какой либо наказъ—словесный, а всего вѣрнѣе писаный, съ подробнымъ обозначеніемъ тѣхъ добрыхъ качествъ, какія требовались для невѣсты государевой вообще и по желанію жениха въ особенности. Безъ сомнѣнія не маловажное мѣсто занимала здѣсь и *мѣра* возраста, или роста, съ которою ѣздили осматривать невѣстъ въ Византіи. Послѣ смотра всѣ избранныя первыя красавицы области вносились въ особую роспись, съ назначеніемъ пріѣхать въ извѣстный срокъ въ Москву, гдѣ имъ готовился новый смотръ, еще болѣе разборчивый, уже во дворцѣ, при помощи самыхъ близкихъ людей государя. Наконецъ, избранныя изъ избранныхъ являлись на смотрины къ самому жениху, который и указывалъ себѣ невѣсту, также послѣ многаго «испытанія». Послѣ избранія, царскую невѣсту торжественно вводили въ царскія особыя хоромы, гдѣ ей жить, и оставляли до времени свадьбы на попеченіи дворовыхъ боярынь и постельницъ, женъ вѣрныхъ и богобоязливыхъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто тотчасъ же занимали ближайшія родственницы избранной невѣсты, обыкновенно ея родная мать или тетка или другія родственницы. Введеніе невѣсты въ царскіе терема, сопровождалось обрядомъ ея царственнаго освященія: здѣсь съ молитвою нареченія, на нее возлагали царскій дѣвичій вѣнецъ, нарекали ее *царевною*, нарекали ей и новое царское имя. Вслѣдъ затѣмъ дворовые люди «царицына чина» цѣловали крестъ новой государынѣ. По испол-

ненiи обряда нареченiя новой царицы разсылались по церковному вѣдомству въ Москвѣ и во всѣ епископства грамоты съ наказомъ, чтобы о здравiи новонареченной царицы Бога молили, то есть поминали ея имя на ектенiяхъ вмѣстѣ съ именемъ государя.

Вторая изъ двухъ приведенныхъ выше грамотъ Іоанновыхъ, написана была 4-го января 1547 года; а мѣсяцъ спустя, именно 3-го февраля, происходила уже царская свадьба.

Выборъ молодаго царя палъ на дѣвицу одного изъ самыхъ знатныхъ и древнихъ московскихъ боярскихъ родовъ, который, при паплывѣ родовъ княжескихъ, успѣлъ удержать за собою близкое къ престолу мѣсто: дѣвица эта была *Анастасiя*, дочь умершаго окольничаго *Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина*, племянница боярина Михаила Юрьевича, близкаго къ великому князю Василiю (мы встрѣчались уже съ нимъ при описанiи смерти отца Іоаннова). Быть можетъ, и эти отношенiя не были безъ вліянiя на выборъ царской невѣсты [1]).

[1]) Надобно замѣтить, что представитель этого рода, по смерти боярина Михаила, другой дядя Анастасiи, Григорiй Юрьевичъ Захарьинъ, не принадлежалъ къ сторонѣ Шуйскихъ, и не упоминается ни въ какихъ боярскихъ смутахъ дѣтства Іоаннова. Что касается брата Анастасiи, *Никиты Романовича*, то наши народныя пѣсни, принимающiя сторону Іоанна Грознаго въ его борьбѣ съ боярами, только къ одному этому боярину относятся съ большимъ сочувствiемъ. А по историческимъ извѣстiямъ, Никита Романовичъ является также единственнымъ лицомъ, которому Грозный до конца своей жизни оказывалъ неизмѣнное ува-

Въ житіи преподобнаго Геннадія костромскаго (память его празднуется 23-го января) читаемъ: «Нѣкогда же случися святому, пріити въ Москву, и пріятъ былъ честно отъ болярыни Іуліаніи Ѳеодоровны, жены Романа Юрьевича, благословенія ради чадъ ея, Даніила и Никиты, и дщери ея, Анастасіи Романовны». Благословляя дѣтей прабабки царя Михаила, прозорливый Геннадій сказалъ Анастасіи: Ты, вѣтвь прекрасная, будешь намъ царицею».

Совершивъ обрядъ вѣнчанія въ Успенскомъ соборѣ, митрополитъ сказалъ новобрачнымъ: «Днесь таинствомъ Церкви соединены вы на-вѣки, чтобы вмѣстѣ поклаяться Всевышнему и жить въ добродѣтели; а добродѣтель ваша есть правда и милость. Государь: люби и чти супругу. А ты, христолюбивая царица, повинуйся ему. Какъ святый крестъ—глава церкви, такъ мужъ—глава жены. Исполняя усердно всѣ заповѣди Божіи, узрите благая Іерусалима и миръ во Израилѣ».

Умная и добродѣтельная Анастасія имѣла большое вліяніе на своего супруга. Въ лѣтописи читаемъ: «Пре-

---

женіе. Этотъ Никита Романовичъ былъ дѣдомъ Михаила Ѳеодоровича, перваго царя изъ дома Романовыхъ.

Романовы, вмѣстѣ съ *Шереметьевыми*, *Зубатыми*, *Беззубцовыми*, *Колычевыми*, *Кобылиными*, *Кокоревыми*, *Лодыгиными*, *Неплюевыми*, происходятъ отъ *Андрея Кобылы*, выѣхавшаго изъ Пруссіи. Сынъ Андрея—*Ѳеодоръ Кошка* былъ первымъ боярином при Дмитріѣ Донскомъ; сынъ Ѳеодора — *Иванъ* игралъ важную роль при Василіѣ Дмитріевичѣ; отъ сына его *Захарія* и внука *Юрія* фамилія *Захарьины-Юрьины*, а отъ сына Юрьева *Романа-Романовы*.

добрая Анастасія наставляла и приводила Іоанна на всякія добродѣтели».

Въ первые два года супружества, Богъ не благословилъ Іоанна и Анастасію дѣтьми. По благочестивому примѣру отцовъ, молодые супруги стали усердно молиться о разрѣшеніи своего неплодія. 21 іюня 1548 года (когда прошло уже 16 мѣсяцевъ, а наслѣдника у царицы не было), въ послѣднюю недѣлю Петрова поста, государь со многимъ желаніемъ и съ великою вѣрою совершаетъ обѣтное богомолье къ Троицѣ пѣшкомъ съ царицею и съ братомъ. Съ тою же, по всему вѣроятію, мыслью о чадородіи, и царица особо предпринимаетъ 14 сентября, новое богомолье къ Троицѣ, также пѣшкомъ, по обѣщанію. Черезъ недѣлю за нею выѣхалъ въ монастырь и самъ государь. Спустя годъ, послѣ этого обѣтнаго богомолья, 10-го августа 1549 года, у супруговъ родилась дочь *Анна*. Государь былъ такъ обрадованъ рожденіемъ ребенка, что тогда же заложилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ обѣтный храмъ во имя праведныхъ Іоакима и Анны; слушалъ тамъ всенощную и заутреню и на утро другаго дня, 18-го августа, освятивъ этотъ обыденный храмъ, крестилъ въ немъ новорожденную дочь, причемъ воспріемникомъ ея отъ купели былъ преподобный Геннадій Костромской. Черезъ годъ, однако-жъ младенецъ скончался. Другая дочь, *Марія*, родившаяся 17-го марта 1551 года, также скончалась младенцемъ и погребена въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. На слѣдующій годъ 1552), 11-го октября, родился сынъ *Димитрій* въ то самое время, какъ царь окончилъ такъ счастливо завоеваніе казан-

ckаго царства. Радость о его рожденіи наслѣдника была неизреченна. Связывая значеніе «казанскаго взятья» съ побѣдою надъ Мамаемъ, онъ далъ сыну имя въ память прародителя Димитрія Іоанновича Донскаго, перваго побѣдителя татаръ. По пріѣздѣ изъ похода въ Москву государь вмѣстѣ съ царицею возилъ поворожденнаго въ Троицкій монастырь къ крещенью. Весною слѣдующаго года, царь повезъ съ собой младенца даже въ Кириллов монастырь на Бѣлоозеро, отправляясь туда молиться вмѣстѣ съ царицею, по случаю своего выздоровленія отъ болѣзни. Но, къ великой горести родителей, младенецъ скончался на возвратномъ пути ихъ въ Москву, въ іюпѣ 1553 года. Царь и царица «зельною печалію объяты быша и сугубо скорбяще, понеже не имуще ни единаго чада». Снова предпринимаютъ они богомольный походъ по чудотворцамъ: молятся въ Ростовѣ у великаго святителя Леонтія, прося у Бога чадородія въ наслѣдіе своему царству; молятся въ Переяславлѣ у гроба прен. Никиты и у честныхъ его веригъ; молятъ со слезами св. Никиту, какъ благонадежнаго ходатая къ Богу. Молитвами угодника, Богъ отнялъ скорбь отъ ихъ сердца. Того-жъ дни пріидоша въ градъ Переяславль и въ царскомъ дому своемъ обрадованно почиша. И ту царица зача во чревѣ своемъ. И оттуда пріидоша въ царствующій градъ Москву, веселящеся и благодаряще Бога. Егда же приспѣ время, родися имъ благодарованный сынъ (28 марта 1554 года) и нареченъ бысть отчимъ именемъ царевичъ *Иванъ*. По случаю рожденія царевича Іоанна прощены были судныя пошлины. Царь писалъ дьякамъ: «Какъ сынъ нашъ

царевичъ Иванъ народился, и которыя дѣла засужены и кончены до его нарожденья, а пошлины еще не взяты, съ тѣхъ дѣлъ пошлинъ не брать». Потомъ родились у царя царевна *Евдокія* (26 февраля 1556 г.) царевичъ *Ѳеодоръ* (11 мая 1557 г.). Царевна Евдокія крещена была въ Чудовѣ монастырѣ, въ храмѣ архистратига Михаила; воспріемникомъ ея отъ купѣли былъ митрополитъ Макарій. Но она скончалась на третьемъ году (въ іюнѣ 1558 года) и погребена была въ самый день смерти въ Вознесенскомъ монастырѣ; сыновья же (Іоаннъ и Ѳеодоръ) достигли совершеннаго возраста. Сохраненіемъ своего здоровья и жизни они обязаны были молитвамъ и заступленію того же угодника Божія, преподобнаго Никиты. Однажды, когда царевичъ Іоаннъ былъ уже по второму году, царица по обыкновенію отдыхала, а царевичъ сидѣлъ у кормилицы на колѣняхъ. Вдругъ кормилица слышитъ позади себя на лавкѣ воду, клокочущую въ оловянномъ сосудѣ. Въ испугѣ она вскочила съ царевичемъ, думая, что сосудъ *проутлился* (протекъ); а въ сосудѣ сохранялась вода, взятая изъ кладезя св. Никиты. Тутъ была приставница—мама царевича, Фотинья. Она тотчасъ приняла къ себѣ царевича на руки, взяла потомъ сосудъ, и «паки возгремѣ вода въ сосудѣ» въ рукѣ Фотиньи, такъ что сама собою даже открылась крышка, и кипящая вода потекла изъ сосуда, исходя *двумя источниками* (быть можетъ, намекъ на двухъ сыновей царя. Благоразумная Фотинья, разумѣя, что это благодать Божія, принимала рукою кипящую воду и возливала ее на главу, и на лицо, и на все тѣло царевича, приго-

варивая: «Буди сіе Божіе милосердіе на многолѣтнее здравіе и радость благороднымъ твоимъ родителямъ и тебѣ государю и всему вашему царству». Проснулась и сама царица. Разсказали ей все, какъ было. Взяла она сосудъ въ свои руки, и «паки воскипѣ вода и возливашеся на руцѣ ея». Царица благодатную ту воду возлила на свое лицо и на перси. Умывались тою водою и всѣ живущіе во дворцѣ: видѣша благодать Божію, дивляхуся, славяща Бога и великаго въ чудесѣхъ Никиту. Возвѣщено же бысть чудо сіе и великому государю [1]). Подтвержденіемъ этого сказанія можетъ служить то обстоятельство, что спустя два года по рожденіи царевича Іоанна, 1 сентября 1556 года, царь съ царицею и съ сыномъ, предпринявъ обычный богомольный походъ къ Троицѣ, проѣхалъ оттуда въ Переяславль къ Никитѣ чудотворцу и повелѣлъ игумену общину содѣлати и велій монастырь сограднпа. Затѣмъ извѣстно, что въ XVII столѣтіи, въ числѣ домовыхъ, сѣнныхъ храмовъ и престоловъ на царицыной половинѣ дворца, существовалъ и придѣлъ Никиты Переяславскаго, устроенный, по всему вѣроятію, еще при Іоаннѣ Грозномъ, въ особенное уваженіе къ покровительству св. угодника Никиты. Онъ находился въ храмѣ св. Лазаря, въ нижнемъ этажѣ сѣнной царицыной церкви Рождества Богородицы.

Въ 1547 году, 18-го сентября, приговорилъ государь женить брата своего, князя Юрія Васильевича; и ходилъ государь съ нимъ къ Макарію митрополиту,

---

[1]) Исторія о казанскомъ царствѣ. Спб. 1791, стр. 262.

чтобы благословилъ женить, князя Юрія; и велѣлъ боярамъ и князьямъ привезти на свой царскій дворъ дочерей-дѣвицъ. Выборъ палъ на княжну Іуліанію, дочь князя Дмитрія Ѳедоровича Палецкаго.

X.

Великій московскій пожаръ.

Женитьба не измѣнила царя. Онъ продолжалъ свою буйную, безпорядочную жизнь. Какъ сильно ни любилъ Іоаннъ свою юную супругу, но, не привыкнувъ до сихъ поръ сдерживать себя, онъ не могъ тотчасъ поддаться ея умиротворяющему вліянію, и нельзя было поэтому ожидать въ немъ быстрой перемѣны. Чтобы заставить его очнуться, необходимъ былъ какой-нибудь сильный толчекъ извнѣ.

И такъ Іоаннъ и послѣ женитьбы не измѣнилъ ни характера, ни поведенія своего, предаваясь по-прежнему праздности и грубымъ забавамъ. «Онъ любилъ показывать себя царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей; игралъ, такъ сказать, милостями и опалами; умножая число любимцевъ еще болѣе умножалъ число отверженныхъ; своевольствовалъ, чтобы доказывать свою независимость, и еще завпсѣлъ отъ вельможъ, ибо не трудился въ устроеніи царства и не зналъ, что «государь истинно-независимый есть только государь добродѣтельный» (Карамзинъ). Всѣмъ заправляли род-

ные его—Глинскіе; повсюду сидѣли ихъ намѣстники; не было нигдѣ правосудія, вездѣ происходили насилія и грабежи. Управы на новыхъ правителей искать было негдѣ. Самъ царь не терпѣлъ, чтобы его безпокоили просьбами или жалобами. Особенно Михаилъ Глинскій надѣлалъ много зла, дозволяя своимъ холопамъ грабить народъ. «Въ тѣ поры Глинскіе у государя въ приближеніи и въ жалованіи были; а отъ людей ихъ чернымъ людемъ паспльство и грабежъ: они же ихъ отъ того не унимаху» [1]).

12 апрѣля (1547 года) вспыхнулъ сильный пожаръ въ Москвѣ: погорѣли лавки со многими товарами и казенные гостинные дворы. А у Москвы рѣки въ стрѣльницѣ вспыхнуло пушечное зеліе: разорвало стрѣльницу и разметало кирпичи по берегу рѣки и въ рѣку. 20-го числа снова случился пожаръ за Яузою: погорѣли гончары и кожевники, горѣло на Яузѣ до самого ея устья. 3-го іюня, семьдесятъ псковскихъ людей прибыли въ Москву жаловаться на своего намѣстника, князя Турунтая-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Они явились къ царю въ его сельцѣ Островкѣ. Іоаннъ, не выслушавъ челобитчиковъ, закипѣлъ гнѣвомъ, велѣлъ раздѣть ихъ и положить на землѣ, поливать ихъ горячимъ виномъ и палить имъ свѣчами волосы и бороды. Несчастные ждали смертп... Во время такого занятія государя, вдругъ пришла неожиданная вѣсть, что въ Москвѣ, когда въ одной церкви начали благовѣстить къ вечернѣ, съ колокольни упалъ колоколъ-благовѣст-

[1]) Царственная книга, 142.

никъ. Іоаннъ бросилъ свои жертвы и поспѣшилъ въ Москву.

Паденіе колокола считалось предвѣстіемъ общественнаго бѣдствія. А тутъ къ этому предвѣстію присоединилось еще другое предзнаменованіе уже ожидаемой бѣды. Въ это время жилъ въ Москвѣ юродивый, Василій Блаженный. Народъ чтилъ его какъ угодника Божія. И въ зимнюю стужу, и въ лѣтній зной, онъ ходилъ обнаженный, «какѣ Адамъ первозданный». 20-го іюня, въ полдень, Василія Блаженнаго увидали близъ церкви Воздвиженія на Арбатѣ: онъ глядѣлъ на церковь и горько плакалъ. Это не къ добру: чуетъ онъ бѣду»! говорили въ народѣ. Всѣ въ страхѣ ожидали невѣдомаго несчастія.

На другой день, 21-го іюня, въ этой самой церкви вспыхнулъ пожаръ, съ чрезвычайною быстротою распространившійся по деревяннымъ зданіямъ города, чему способствовала сильная буря. Такого страшнаго пожара, еще никогда не бывало въ Москвѣ: онъ и извѣстенъ подъ именемъ *великаго* пожара. Огонь потекъ какъ молнія и въ продолженіе часа обратилъ въ пепелъ все Занеглинье и Чертолье (нынѣшняя Пречистенка). Потомъ буря понесла пламя на Кремль гдѣ загорѣлся верхъ Успенскаго собора, потомъ занялись деревянныя кровли на царскихъ службахъ (палатахъ), при чемъ сгорѣли: оружничая палата, постельная палата съ домашнею казною, царская конюшня и разрядныя избы (гдѣ велось дѣлопроизводство о всякихъ назначеніяхъ по службѣ); огонь проникъ даже въ погреба подъ палатами. Пострадала придворная злато-

верхняя церковь Благовѣщенія: въ ней погибли невозвратно *Деисусъ* письма знаменитаго русскаго иконописца Андрея Рублева, обложенный золотомъ, и всѣ иконы греческаго письма, древнихъ великихъ князей, собранныя «отъ многихъ лѣтъ» и украшенныя также золотомъ и бисеромъ многоцѣннымъ. По каменнымъ церквамъ сгорѣли иконостасы и людское добро, которое продолжали и въ это время прятать по церквамъ. Успенскій соборъ и митрополичій дворъ остались цѣлы. Въ Успенскомъ соборѣ уцѣлѣлъ иконостасъ и всѣ сосуды церковные. Митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыма въ соборѣ: онъ вышелъ изъ него, неся образъ Богородицы, написанный митрополитомъ Петромъ; за нимъ шелъ протопопъ и несъ церковныя правила. Макарій ушелъ-было сначала на городскую стѣну, на тайникъ (подземный ходъ), проведенный къ Москвѣ рѣкѣ; но не могъ долго оставаться здѣсь отъ дыма. Его стали спускать съ тайника на канатѣ на взрубъ къ рѣкѣ,—канатъ оборвался, и митрополитъ сильно расшибся, такъ что едва могъ придти въ себя. Его отвезли въ Новоспасскій монастырь. Кремлевскіе монастыри — Чудовъ и Вознесенскій сгорѣли. Пожаръ сдѣлался еще ужаснѣе, когда дошелъ до пороха, хранившагося въ стѣнахъ Кремля, и произошли взрывы. Огонь распространился по Китай-городу, и эта часть города сгорѣла вся, исключая двухъ церквей и десяти лавокъ. Пожаръ охватилъ большой посадъ вплоть до Воронцовскаго сада на Яузѣ. Народу сгорѣло, говорятъ, 1700 взрослыхъ человѣкъ и несчетное множество

дѣтей. Царь съ супругою и съ приближенными своими не былъ въ Москвѣ во время пожара: онъ уѣхалъ въ село Воробьево. На другой день онъ поѣхалъ съ боярами въ Новоспасскій монастырь навѣстить митрополита.

Между тѣмъ, бо̀льшая часть москвичей находилась въ ужасномъ положеніи—безъ хлѣба, безъ крова. Многіе не могли отыскать своихъ близкихъ родныхъ, пропавшихъ безъ вѣсти. Народомъ овладѣло отчаяніе. Въ тѣ времена всегда готовы были приписать общественное бѣдствіе лихимъ людямъ и колдовству. Разнеслась нелѣпая молва, что лихіе люди, чародѣи вражьимъ навѣтомъ, вынимали изъ человѣческихъ труповъ сердца, мочили ихъ въ водѣ и этою водою кропили московскія улицы, отчего и сгорѣла Москва. Донесли объ этомъ царю, который велѣлъ боярамъ своимъ сдѣлать розыскъ. Тогда знатные люди, ненавидѣвшіе Глинскихъ, воспользовались случаемъ погубить ихъ. Эти враги Глинскихъ были: дядя царицы Анастасіи—Григорій, царскій духовникъ, Благовѣщенскій—протопопъ Ѳедоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій, Иванъ Петровичъ Челяднинъ, князь Юрій Темкинъ, Ѳедоръ Нагой и другіе.

26-го іюня, въ воскресенье, на пятый день послѣ пожара, бояре пріѣхали въ Кремль на площадь къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей и начали спрашивать: кто зажигалъ Москву? Въ толпѣ, заранѣе настроенной заговорщиками, закричали: «Княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми волхвовала: вынимала сердца человѣческія да клала въ воду, да тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила: оттого Москва и выгорѣла»! Легко

было увѣрить въ этомъ народъ, такъ какъ всѣ не любили Глинскихъ и были недовольны ихъ могуществомъ. Отъ людей ихъ, народу было насильство и грабежъ, а они, людей своихъ не унимали. Конюшій боярин, князь Михаилъ Васильевичъ Глинскій, родной дядя царскій, былъ въ это время съ матерью Анною, бабкою государя, во Ржевѣ, полученномъ отъ царя въ кормленіе. А другой братъ, Юрій, находился въ это время въ Москвѣ и, не подозрѣвая, какія сѣти ему плели бояре, пріѣхалъ къ Успенскому собору вмѣстѣ со своими тайными врагами. Услышавъ о себѣ и о своей матери такія непріязненныя рѣчи въ народѣ, Юрій Глинскій понялъ, что его можетъ постигнуть, и поспѣшилъ укрыться въ Успенскій соборъ. Но бояре, злобясь на Глинскихъ, какъ на временщиковъ, напустили чернь. Расходившійся народъ вломился въ Успенскій соборъ, вытащивъ оттуда Глинскаго убилъ его, выволокъ трупъ его изъ Кремля и бросилъ на торгу, гдѣ казнятъ преступниковъ. Умертвивъ Глинскаго чернь бросилась на людей его и истребила всѣхъ. Досталось тутъ и такимъ, которые вовсе не принадлежали къ числу ихъ. Въ Москвѣ были тогда на службѣ дѣти боярскіе изъ Сѣверской земли (нынѣшія губерніи: Черниговская, Курская и Орловская). Народъ перебилъ ихъ потому только, что въ ихъ рѣчи слышался тотъ же говоръ, что и у людей Глинскаго. «Вы всѣ ихъ люди,—кричала толпа,—вы зажигали наши дворы и товары?

Такъ прошло два дня. Народъ не унимался. Одного Глинскаго было мало: народу нужны были еще жертвы.

На третій день послѣ убіенія князя Юрія, толпы черни явились въ селѣ Воробьевѣ, у дворца царскаго, съ крикомъ, чтобы государь выдалъ имъ бабку свою, княгиню Анну Глинскую, и сына ея, князя Михаила, которые, будто бы спрятаны у него въ покояхъ. Іоаннъ былъ потрясенъ и страшно напуганъ всѣми предшествующими событіями: онъ—какъ говоритъ самъ—думалъ, что его обвиняютъ какъ участника въ поджогахъ и хотятъ убить. Однако онъ выказалъ тутъ свою рѣшительность: велѣлъ схватить крикуновъ и казнить. Скопище разсѣялось и многіе разбѣжались даже по другимъ городамъ. Но главные виновники возстанія противъ Глинскихъ нисколько не пострадали, а цѣли своей все-таки достигли: оставшійся въ живыхъ князь Михаилъ Васильевичъ Глинскій не только потерялъ надежду восторжествовать надъ своими врагами, но даже отчаялся въ собственной безопасности и вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ побѣжалъ въ Литву изъ своихъ ржевскихъ селъ. Объ этомъ донесли было государю. Іоаннъ послалъ въ погоню за бѣглецами князя Петра Ивановича Шуйскаго. Свѣдавъ о погонѣ, Глинскій и Пронскій вернулись къ Москвѣ: они думали тайкомъ пробраться въ городъ и увѣрить государя, что вовсе не бѣгали, а ѣздили на богомолье. Но Шуйскій успѣлъ ихъ схватить—одного въ самыхъ воротахъ, другаго на посадѣ. Посидѣвъ немного подъ стражею, они были прощены и отданы на поруки, потому что вздумали бѣжать по неразумію и изъ страха, испугавшись судьбы князя Юрія Глинскаго.

Могущество Глинскихъ рушилось, но не перешло оно и къ врагамъ-завистникамъ ихъ, виновникамъ ихъ паденія.

На сцену появляются новые люди.

XI.

Сильвестръ и Адашевъ.

Ужасный московскій пожаръ со всѣми его послѣдствіями произвелъ, сильное впечатлѣніе на Іоанна: «страхъ вошелъ ему въ душу и трепетъ въ кости». Предъ его глазами море огня затопило и пожрало большую часть Москвы. Предъ нимъ, стояла грозная толпа народа, въ которомъ была вся его сила и опора, которымъ, по волѣ Божіей, онъ былъ призванъ властвовать,—и эта толпа производила дикую расправу надъ его дядей. Онъ своими ушами слышалъ грозные крики разъяренной черни, требовавшей отъ него—отъ своего владыки — выдачи остальныхъ ближайшихъ родичей. Было надъ чѣмъ мучительно задуматься! Не кара ли это небесная, за его тяжкіе грѣхи? Іоаннъ словно очнулся. Дремавшая доселѣ совѣсть заговорила въ немъ.

И вотъ предъ царемъ является грозный и вдохновенный проповѣдникъ—Сильвестръ, священникъ Благовѣщенскаго собора, начинаетъ ему говорить о несчастномъ положеніи московской земли, указываетъ, что причиною бѣдствій — нерадѣніе и пороки царя, что кара

Божія вситъ надъ нимъ, строго вразумляетъ его священнымъ писаніемъ и заклинаетъ страшнымъ именемъ Божіемъ, разсказываетъ ему о чудесахъ и знаменіяхъ. Слова суроваго обличителя дышали высшимъ огненнымъ краснорѣчіемъ. Рѣчь Сильвестра сильно подѣйствовала на царя: онъ началъ каяться, плакалъ и далъ обѣщаніе, съ этихъ поръ, во всемъ слушаться своего наставника.

Курбскій въ своей исторіи Іоанна Грознаго, говоритъ, что во время народнаго возмущенія противъ Глинскихъ, Богъ подалъ руку помощи землѣ христіанской такимъ образомъ: «Тогда явился къ нему (Іоанну) одинъ мужъ, чиномъ пресвитеръ, именемъ Сильвестръ, пришлецъ изъ Великаго Новгорода, и началъ строго обличать его Священнымъ писаніемъ и заклинать страшнымъ Божіемъ именемъ; къ этому началъ еще разсказывать о чудесахъ, о явленіяхъ, какъ бы отъ Бога происшедшихъ. Не знаю, правду ли онъ говорилъ о чудесахъ, или выдумалъ, чтобы только напугать его и подѣйствовать на его дѣтскій, неистовый нравъ. Вѣдь и отцы наши иногда пугаютъ дѣтей мечтательными страхами, чтобы удержать ихъ отъ зловредныхъ игръ съ дурными товарищами. Такъ дѣлаютъ и врачи, обрѣзывая желѣзомъ гніющій членъ или дикое мясо до самаго здороваго тѣла. Такъ и онъ своимъ добрымъ обманомъ исцѣлилъ его душу отъ проказы и исправилъ развращенный умъ».

Сильвестръ, овладѣлъ совѣстью царя, который отдался ему всецѣло, какъ руководителю и наставнику. «Сильвестръ—одна изъ такихъ необыкновенныхъ лич-

ностей, которыя во время спокойнаго теченія общественной жизни могутъ навсегда остаться не замѣченными, но въ эпоху переворотовъ и катастрофъ, силою своего ума и воли, вызываются стать на челѣ общественной дѣятельности» [1]).

Не слѣдуетъ думать, что Сильвестръ прежде вовсе не былъ извѣстенъ Іоанну, а явился предъ нимъ внезапно и впервые, въ селѣ Воробьевѣ. Какъ священникъ придворнаго, Благовѣщенскаго собора онъ былъ еще прежде хорошо извѣстенъ Іоанну и, какъ перешедшій изъ Новгорода, пользовался, вѣроятно, покровительствомъ Макарія, когда послѣдній (въ 1542 году) сдѣлался митрополитомъ. Сильвестръ еще прежде, обратилъ на себя вниманіе царя своими достоинствами, но теперь его внушенія и его вліяніе получили гораздо большую силу. А что именно *священникъ* Сильвестръ получилъ такое важное, первенствующее значеніе у царя, это можно объяснить тѣмъ, что царь озвѣрился въ князьяхъ и боярахъ, раздражавшихъ народъ насиліями и притѣсненіями и возстановившихъ было его — противъ него самаго — царя, и рѣшился искать опоры въ лицахъ другаго происхожденія и испытанной нравственности.

Сильвестръ, около десяти лѣтъ стоялъ во главѣ управленія государствомъ. Вотъ что мы читаемъ въ лѣтописи (въ Царственной Книгѣ): «Священникъ Сильвестръ, родомъ Новгородецъ, былъ у государя въ ве-

---

[1]) Историческія монографіи и изслѣдованія *Николая Костомарова*. Томъ XII, стр. 114.

ликомъ жалованьи и въ совѣтѣ духовномъ и думномъ: онъ все могъ дѣлать, всѣ его слушались и никто не смѣлъ ему противиться, ради царскаго жалованья. Онъ указывалъ и митрополиту и владыкамъ, и архимандритамъ, и игуменамъ, и монахамъ, и попамъ, и боярамъ, и дьякопамъ, и приказнымъ людямъ, и воеводамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всякимъ людямъ. Словомъ, онъ заправлялъ всѣми дѣлами, святительскими и царскими, и никто не смѣлъ сказать что-нибудь, или сдѣлать не по его волѣ. Только имени, одѣянія и престола, какъ у царя и святителя, у него не было, а оставался онъ простымъ попомъ, на дѣлѣ же владѣлъ онъ всѣмъ со своими совѣтниками, и всѣ его высоко почитали».

Послѣ Сильвестра, ближайшимъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ у царя сдѣлался, Алексѣй Адашевъ, человѣкъ большаго ума и въ высокой степени нравственный и честный. «Съ Сильвестромъ—такъ продолжаетъ Курбскій свой разсказъ — тѣсно сошелся, въ дѣлѣ добра и общей пользы, одинъ благородный юноша, именемъ Алексѣй Адашевъ, который въ то время былъ очень любимъ царемъ. Еслибы все подробно писать объ этомъ человѣкѣ, то это показалось бы совсѣмъ невѣроятнымъ посреди грубыхъ людей: онъ, можно сказать, былъ подобенъ ангелу».

Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ, ложничій царскій, былъ человѣкъ очень незначительнаго происхожденія: его отецъ только въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ окольничьи. Самъ Іоаннъ говоритъ объ немъ слѣдующее: «Не знаю, какимъ образомъ вышедъ изъ батожниковъ, устроился онъ при нашемъ дворѣ. Видя

одну измѣну въ нашихъ вельможахъ, я взялъ его отъ гнопща и поставилъ на ряду съ вельможами, ожидая отъ него прямой службы» И такъ Адашевъ былъ одинъ изъ тѣхъ простыхъ *худородныхъ* людей, которыхъ Іоаннъ началъ возвышать на-зло старинным боярскимъ родамъ. Онъ уже прежде былъ извѣстенъ Іоанну, случайно попавъ въ число тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ послѣдній приближалъ къ себѣ ради забавы.

«Что же полезнаго эти два мужа (то есть. Спльвестръ и Адашевъ) дѣлаютъ для земли своей, впрямъ опустошенной и постигнутой горькою бѣдою? Приклони ухо и слушай со вниманіемъ. Вотъ что они дѣлаютъ: они утверждаютъ царя, и какого царя?—юнаго, воспитаннаго безъ отца, въ злыхъ страстяхъ и въ самовольствѣ, лютаго выше мѣры и напившагося всякой крови—не только животныхъ, но и человѣческой. А важнѣе всего—они и прежнихъ злыхъ его доброхотовъ или отдѣляютъ отъ него или обуздываютъ. Названный нами священникъ учитъ его молитвамъ, посту и воздержанію и отгоняетъ отъ него всѣхъ свирѣпыхъ людей, то есть ласкателей, человѣкоугодниковъ, которые хуже смертоносной язвы въ царствѣ; а быть себѣ помощникомъ онъ уговариваетъ и архіерея великаго города Москвы, Макарія, и другихъ добрыхъ мужей изъ священства. Такъ они собираютъ около него (то есть царя) разумныхъ людей, бывшихъ уже въ маститой старости, или хотя и въ среднемъ возрастѣ, но добрыхъ и храбрыхъ, искусныхъ и въ военномъ дѣлѣ, и въ земскомъ. Они до того скрѣпляютъ пріязнь и дружбу этихъ людей съ государемъ, что онъ безъ ихъ совѣта ничего не устраи-

ваетъ и не мыслитъ. А тунеядцевъ, то есть блюдолизовъ, товарищей трапезъ, которые живутъ шутовствомъ, тогда не только не награждали, но и прогоняли вмѣстѣ со скоморохами и другими, имъ подобными».

Сильвестръ и Адашевъ подобрали кружокъ людей, болѣе другихъ отличавшихся широкимъ взглядомъ и любовью къ общему дѣлу. Кромѣ митрополита Макарія, котораго мы вездѣ встрѣчаемъ ходатаемъ за опальныхъ бояръ, и Андрея Курбскаго, самаго образованнаго изъ тогдашнихъ воеводъ, къ этому кружку принадлежали князья: Димитрій Курлятовъ, Палецкій, Петръ Шуйскій, Александръ Горбатый-Шуйскій, Микулинскій, Морозовъ, Мстиславскій, Шереметевъ, Серебряный, Воротынскій и другіе. Но этотъ кружокъ состоялъ не изъ однихъ только людей знатныхъ родовъ: Сильвестръ и Адашевъ стали извлекать изъ толпы людей незнатныхъ, но честныхъ, и повѣряли имъ разныя должности. Такимъ образомъ изъ дѣтей боярскихъ возвышались люди, какіе были нужны Сильвестру и Адашеву. Несмотря на то, что въ кругу людей, окружавшихъ тогда царя, были знатные потомки удѣльныхъ князей, возвышеніе новыхъ людей въ началѣ не оскорбляло ихъ гордости.

И вотъ, государство стало управляться этимъ кружкомъ близкихъ къ царю людей, который (то есть кружокъ) Курбскій называетъ *избранною радою* (думою). Безъ совѣта съ людьми этой избранной рады, Іоаннъ не только ничего не устраивалъ, но даже не смѣлъ и мыслить. Но опекуны его старались, по возможности, вести дѣло такъ, чтобы онъ не чувствовалъ тягости

опеки. Впослѣдствіи, когда Іоаннъ сбросилъ съ себя власть этихъ людей, онъ такъ жаловался на ограниченіе своего самодержавія: «Я принялъ попа Спльвестра ради духовнаго совѣта и спасенія души своей, а онъ попралъ священные обѣты и хиротонію, сперва какъ будто хорошо началъ, слѣдуя Божественному писанію; а я, видя въ Божественномъ писаніи, что слѣдуетъ покоряться благимъ наставникамъ безъ разсужденія, ради духовнаго совѣта, повиновался ему въ колебаніи и невѣдѣніи. Потомъ Сильвестръ сдружился съ Адашевымъ, и начали держать совѣтъ тайно отъ насъ, считая насъ неразумными; и такъ, вмѣсто духовныхъ дѣлъ, начали разсуждать о мірскихъ, и такъ мало по малу всѣхъ васъ, бояръ, приводить въ самовольство снимая съ насъ власть, и васъ подстрекая противорѣчить намъ и почти равняя васъ честью съ нами, а молодыхъ дѣтей боярскихъ уподобляя честью съ вами. И такъ мало по малу утвердилась эта злоба, и вамъ стали давать города и села, и тѣ вотчины, которыя еще по распоряженію дѣда нашего у васъ отняты, которыхъ вамъ не слѣдовало давать, роздали: все пошло по вѣтру, нарушили распоряженіе дѣда нашего, и тѣмъ склонили на свою сторону многихъ. Потомъ Сильвестръ ввелъ къ намъ въ синклитъ единомышленника своего, князя Дмитрія Курлятева, обольщая насъ лукавымъ обычаемъ, будто все это дѣлаетъ ради спасенія души нашей, и такъ съ этимъ своимъ единомышленникомъ утвердили свой злой совѣтъ, не оставили ни одной власти, гдѣ бы не помѣстили своихъ угодниковъ, и съ тѣмъ своимъ единомышленникомъ отняли отъ насъ

власть, данную намъ отъ прародителей, назначать бояръ и давать имъ честь предсѣданія по нашему жалованью: все это положили на свою и на вашу волю, чтобъ все было, какъ вамъ угодно; и утвердились дружбою; все дѣлали по-своему, а насъ и не спрашивали, какъ будто насъ вовсе не было; всѣ устроенія и утвержденія творили по волѣ своей и своихъ совѣтниковъ. Мы же, если что и доброе совѣтовали, имъ все это казалось непотребнымъ. Во всякой мелочи, до обуванія и спанья, я не имѣлъ своей воли: все дѣлалъ по ихъ желанію, словно младенецъ».

Какъ бы то ни было, къ этому времени—времени господства Сильвестра и Адашева—относятся самые важные и самые блистательные дѣла, царствованія Іоанна Грознаго: изданіе Судебника и Стоглава, установленіе губныхъ грамотъ, излюбленныхъ старостъ и цѣловальниковъ, освобожденіе народа отъ произвола намѣстниковъ и волостелей, дарованіе ему льготъ самоуправленія, завоеваніе Казани и Астрахани.

XII.

Всенародное покаяніе Іоанна.

Вразумленный и просвѣтленный московскимъ пожаромъ и грозною рѣчью Сильвестра, Іоаннъ захотѣлъ окончательно порѣшить съ несчастнымъ прошедшимъ, сильно тяготившимъ его. На 20-мъ году своего возраста, видя государство въ великой тоскѣ и печали

отъ насилія сильныхъ и отъ неправдъ, молодой царь умыслилъ привести всѣхъ въ любовь. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ, какъ бы уничтожить крамолы, разорить неправды, утолить вражду, онъ приказалъ собрать *земскій соборъ*, или земскую думу изъ выборныхъ людей всей русской земли. Къ большому сожалѣнію, мы не знаемъ не только подробностей, но даже главныхъ чертъ этого знаменитаго событія, этого необычайнаго вѣча. Мы не знаемъ, какъ избирали выборныхъ, кого выбирали, съ какимъ полномочіемъ посылали: передъ нами только блестящая картина народа, собраннаго на площади, и образъ царя посреди этого народа.

Было это въ одинъ изъ воскресныхъ дней. Послѣ обѣдни царь съ митрополитомъ и духовенствомъ вышелъ съ крестами на Красную Площадь, покрытую съѣхавшимися со всей земли людьми, взошелъ на Лобное мѣсто и, послѣ молебна, началъ говорить митрополиту:

«Молю тебя, святый владыко! будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ. Знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Знаешь самъ, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, послѣ матери — восьми. Родственники о мнѣ небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли и самовластны были, сами себѣ саны и почести похитили моимъ именемъ и во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ упражнялись. *Азъ же яко глухъ не слышахъ и не имѣй во устахъ своихъ обличенія*, по молодости моей и безпомощности,—а они властвовали. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! какой теперь дадите намъ от-

вѣтъ, что многія слезы воздвигли на себя? Я же чистъ отъ крови сей,—ожидайте воздаянія своего»!

Поклонившись на всѣ стороны Іоаннъ продолжалъ: «Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ,—разореній и налоговъ исправить нельзя, всѣдствіе продолжительнаго моего несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, всѣдствіе неправды бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія. Молю васъ: оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ. Въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать».

Въ тотъ самый день, какъ говорена была эта рѣчь къ народу, Іоаннъ пожаловалъ Алексѣя Адашева въ окольничіе и при этомъ сказалъ ему: «Алексѣй! взялъ я тебя изъ нищихъ и самыхъ незначительныхъ людей. Слышалъ я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и теперь взыскалъ тебя выше мѣры твоей, для помощи души моей. Хотя твоего желанія и нѣтъ на это, но я тебя пожелалъ, и ни одного тебя, но и другихъ такихъ же, кто бъ печаль мою утолилъ и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ. Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и славныхъ, похитившихъ почести и губящихъ своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ; не смотри и на ложныя слезы бѣднаго клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ; но все разсматривай внимательно и при-

поси къ намъ истину, боясь суда Божія. Избери судей правдивыхъ отъ бояръ и вельможъ». Съ этихъ поръ онъ началъ самъ судить многіе суды и розыскивать праведно. Правленіе боярское кончилось.

Достопамятный день искренняго покаянія и очищенія передъ народомъ, былъ едва ли не самымъ лучшимъ и свѣтлымъ днемъ царствованія Іоанна.

XIII.

Соборы 1547 и 1549 годовъ.

Церковь русская, впродолженіе пяти слишкомъ вѣковъ своего существованія, воспитала уже весьма много угодниковъ Божіихъ. Но почти всѣ они чествуемы были доселѣ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подвизались и покоились по смерти, а не по всей Россіи. Да и эти мѣстныя чествованія, какъ не утвержденныя высшею властію въ русской Церкви — властію митрополита и собора, не могли имѣть полной законности и полной обязательности для православныхъ [1]). Если же иногда учреждаемы были у насъ церковною властію и общія, или повсемѣстныя празднества въ честь того или другаго святаго, напр. въ XI вѣкѣ, въ честь святыхъ му-

---

[1]) Сколько извѣстно, въ Ростовѣ и Новгородѣ мѣстныя празднества, въ честь мѣстныхъ святыхъ учреждали только мѣстные святители, напр. Іоаннъ ростовскій—Леонтію и Исаіи, Евѳимій новгородскій—князю Владиміру новгородскому и матери его Аннѣ, и проч.

чениковъ Бориса и Глѣба, въ началѣ XII вѣка — въ честь преподобнаго Ѳеодосія печерскаго, въ XIV—въ честь святителя Петра, митрополита московскаго, въ XV—въ честь св. митрополита Алексія: то подобныя событія были крайне рѣдки и совершались отдѣльно одно отъ другаго. Митрополиту Макарію пришла мысль собрать, по возможности, свѣдѣнія о всѣхъ русскихъ святыхъ, объ ихъ подвигахъ и чудесахъ, разсмотрѣть эти свѣдѣнія на соборѣ и затѣмъ опредѣлить, какимъ изъ угодниковъ Божіихъ, установить праздники во всей отечественной Церкви, если таковые еще не были установлены, и какимъ установить или только утвердить праздники мѣстные.

И вотъ, по повелѣнію царя и великаго князя Іоанна Васильевича, въ 1547 году состоялся въ Москвѣ соборъ, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, находилось семь святителей, кромѣ прочаго духовенства: Алексій ростовскій, Іона суздальскій, Іона рязанскій, Акакій тверской, Ѳеодосій коломенскій, Савва сарскій и Кипріанъ пермскій. На этомъ соборѣ, послѣ предварительныхъ изслѣдованій и разсужденій, опредѣлено было—*двънадцати* святымъ «пѣть и праздновать повсюду» въ русской церкви, а *девяти*—только мѣстно.

Перваго рода праздники учреждены: а) св. Іоанну архіепископу новгородскому († 1186) — 7-го сентября; б) св. Александру Невскому († 1263) — 23 ноября; в) преп. Никону, игумену радонежскому († 1426)—17-го ноября; г) преп. Павлу обнорскому († 1429) — 10 января; д) преп. Савватію соловецкому († 1435) — 27-го

сентября; е) преп. Діонисію глушицкому († 1437)—1 іюня; ж) преп. Михаилу клопскому († 1452)—11 января; з) св. Іонѣ, митрополиту московскому († 1461)—30 марта; и) преп. Пафнутію боровскому († 1477)—1 мая; і) преп. Зосимѣ соловецкому († 1478)—17 апрѣля; к) преп. Макарію калязинскому († 1483) — 17 марта; л) преп. Александру Свирскому († 1533)—1 августа.

Мѣстно праздновать положено: а) въ Москвѣ св. Максиму юродивому († 1433)—13 августа; б) въ Твери св. Арсенію, епископу тверскому († 1409) — 2 марта; в) въ Муромѣ св. князю Константину († 1129) и чадамъ его Михаилу и Ѳеодору—21 мая; г) въ Муромѣже, св. кпязю и Петру и княгинѣ Февроніи муромскимъ († 1228) — 25 іюня, д) въ Устюгѣ преп. Прокопію († 1285) и Іоанну (1494) устюжскимъ—8 іюля.

По всей вѣроятности, соборъ установилъ празднества исчисленнымъ святымъ не потому что ихъ однихъ призналъ достойными чествованія и прославленія, а потому, что объ нихъ только имѣлъ подъ руками необходимыя данныя, на основаніи которыхъ могъ утвердить свой приговоръ. Поэтому, по благословенію этого же самаго собора, молодой царь обратился съ просьбою ко всѣмъ святителямъ русской земли, чтобы они позаботились, каждый въ предѣлахъ своей епархіи, «извѣстно пытати и обыскивати о великихъ новыхъ чудотворцахъ» въ городахъ, весяхъ, монастыряхъ и пустыняхъ, пользуясь показаніями князей, бояръ, иноковъ и вообще богобоязненныхъ людей. Святители отозвались на предложеніе государя съ сердечною радо-

стію и вскорѣ, каждый въ своемъ предѣлѣ, собрали «каноны, житія и чудеса» новыхъ чудотворцевъ на самыхъ мѣстахъ, гдѣ каждый изъ нихъ просіялъ добрыми дѣлами и чудесами, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей всякаго рода и званія.

Въ 1549 году, по волѣ государя и митрополита Макарія, состоялся новый соборъ въ Москвѣ, предъ которымъ святители и «положили» собранныя ими свѣдѣнія. Соборъ «свидѣтельствовалъ эти каноны, житія и чудеса и «предалъ Божіимъ церквамъ пѣть и славить, и праздновать» новымъ чудотворцамъ, какъ то совершалось прочимъ святымъ, Богу угодившимъ, во дни ихъ преставленія и открытія мощей ихъ. Какимъ именно чудотворцамъ положено на этомъ соборѣ праздновать, свѣдѣній не сохранилось; но судя по тому, что собору были представлены свѣдѣнія, по возможности, о всѣхъ мѣстныхъ чудотворцахъ каждой епархіи, можно думать, что теперь установлено было чествованіе весьма многимъ, если даже не всѣмъ русскимъ святымъ, какіе подвизались до половины XVI вѣка и которымъ не было еще установлено такого чествованія, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, о комъ не было представлено собору свѣдѣній. По крайней мѣрѣ, другаго времени, когда могло быть учреждено чествованіе весьма многихъ изъ этихъ святыхъ, которые однако-жъ доселѣ чтутся не мѣстно только, а во всей русской Церкви, мы указать не можемъ: каковы, напр. Кипріанъ и Фотій, святители московскіе, Никита, Евѳимій и Іона—новгородскіе, Леонтій, Исаія, Игнатій и Іаковъ — ростовскіе, Стефанъ пермскій, Михаилъ,

князь черниговскій, съ боляриномъ Ѳеодоромъ, преподобные Авраамій и Испдоръ ростовскіе, Варлаамъ хутынскій, Кириллъ бѣлоозерскій, Никита переяславскій и другіе. Достойно замѣчанія, что почти всѣ эти святые упоминаются вскорѣ послѣ собора 1549 года, самимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ и митрополитомъ Макаріемъ, какъ угодники Божіи и молитвенники предъ Богомъ, наравнѣ съ святителями Петромъ, Алексіемъ и Іоною московскими и преп. Сергіемъ радонежскимъ, а многіе внесены и въ мѣсяцесловы того времени.

Воздавъ такимъ образомъ подобающее чествованіе угодникамъ Божіимъ, которыхъ признавалъ ближайшими заступниками и ходатаями на небесп за себя, и за всю землю русскую и «молитвами» которыхъ, по его собственнымъ словамъ, онъ «началъ править царство свое», юный государь немедленно приступилъ къ дѣлу земскаго, или гражданскаго благоустроенія и еще на соборѣ 1549 года, благословился у митрополита и прочихъ святителей пересмотрѣть и исправить судебникъ, чтобы впредь судъ былъ праведный и всякія дѣла совершались законно.

XIV.

Изданіе судебника 1550 г.

Не даромъ Іоаннъ жаловался на неправду, укоренившуюся въ управленіи: о томъ же свидѣтельствуютъ и лѣтописцы того времени. Поэтому первою заботою

совѣтниковъ юнаго царя было — возстановить судъ и правду, умиротворить народъ, потерявшій терпѣніе отъ безсудія, неправды и всяческихъ насилій во время злосчастнаго боярскаго правленія.

Въ 1550 году, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ съ своими братьями и боярами уложилъ судебникъ: какъ судить боярамъ, окольничимъ, дворецкимъ, казначеямъ, дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, по городамъ намѣстникамъ, по волостямъ волостелямъ, ихъ тіукамъ и всякимъ судьямъ. Разсмотрѣнъ и дополненъ былъ прежній великокняжескій судебникъ Іоанна III и составленъ новый, болѣе подробный царскій судебникъ. Кромѣ того впослѣдствіи были изданы «Уставныя грамоты», дополнившія судебникъ.

Такъ какъ въ описываемое время явилась сильная потребность въ мѣрахъ противъ злоупотребленій лицъ правительственныхъ и судей, то эта потребность и не могла не высказаться въ новомъ судебникѣ. Подобно судебнику Іоанна III, новый судебникъ запрещаетъ судьямъ дружить и мстить и брать посулы (взятки), но не ограничивается однимъ общимъ запрещеніемъ, а грозитъ опредѣленнымъ наказаніемъ въ случаѣ ослушанія: «Если судья просудится, обвинитъ кого-нибудь не по суду *безъ хитрости*, и обыщется то вправду, то судьѣ пени нѣтъ; но если судья посулъ возьметъ и обвинитъ кого не по суду, и обыщется то вправду, то на судьѣ взять истцовъ искъ (стоимость иска), царскія пошлины втрое, а въ пенѣ, что государь укажетъ. Если дьякъ, взявши посулъ, списокъ нарядитъ, или дѣло запишетъ не по суду, то взять съ него передъ

боярином въ половину да кинуть въ тюрьму. Если же подъячій запишетъ дѣло не по суду за посулъ, то бить его кнутомъ (подвергнуть торговой казни)». «Если виновный солжетъ на судью, то бить его кнутомъ и посадить въ тюрьму. Поставлены предосторожности противъ злоупотребленій дьяковъ и подъячихъ и наказанія въ случаѣ ихъ обнаруженія: «Дѣла нерѣшенныя дьякъ держитъ у себя за своею печатью, пока дѣло кончится. Дьяки, отдавая подъячимъ дѣла переписывать съ черна на-чисто, должны къ жалобницамъ (прошеніямъ) и дѣламъ прикладывать руки по склейкамъ, и когда подъячій перепишетъ, то дьякъ свѣряетъ самъ переписанное съ подлинникомъ, прикладываетъ руку и держитъ дѣла у себя, за своею печатью. Подъячіе не должны держать у себя никакихъ дѣлъ».

Представимъ судопроизводство разсматриваемаго времени въ его существенныхъ чертахъ.

Государственное правосудіе и управленіе сосредоточивалось въ столицѣ, гдѣ существовали чети, или приказы, къ которымъ были приписаны русскія земли. Въ нихъ судили бояре или окольничьи, дьяки вели дѣла, а подъ вѣдомствомъ дьяковъ состояли подъячіе. Въ областяхъ мы видимъ судебное и административное дѣленіе на города и волости. При городахъ были обыкновенно посады (города въ нынѣшнемъ смыслѣ): иногда и безъ города существовали посады, составлявшіе до извѣстной степени особое управленіе, такъ какъ посадскіе люди, занимавшіеся ремеслами, промыслами и торговлей, отличались отъ волостныхъ. Волости были собраніемъ земледѣльческихъ селъ. Городъ съ волостя-

ми составлялъ уѣздъ, раздѣлявшійся въ полицейскомъ отношеніи на станы. Уѣздъ замѣнилъ старинное понятіе о землѣ: какъ прежде городу нельзя было быть безъ земли, такъ теперь городу нельзя было, быть безъ уѣзда, подобно тому какъ деревнѣ нельзя быть безъ полей и угодьевъ. Въ городахъ и волостяхъ управляли намѣстники и волостели, которые могли быть и съ боярскимъ судомъ (съ правомъ судить подвѣдомственныхъ имъ людей, подобно боярамъ въ своихъ вотчинахъ) или безъ боярскаго суда. Они получали города и волости себѣ «въ кормленіе», то есть въ пользованіе. Судъ былъ для нихъ доходною статьею; но это былъ собственно доходъ государя, который передавалъ его своимъ слугамъ вмѣсто жалованья за службу. Тамъ, гдѣ они сами не могли управлять, они посылали своихъ довѣренныхъ и тіуновъ. На судѣ намѣстниковъ, были дьяки и разные судебные приставы съ названіями — праветчиковъ (взыскателей), доводчиковъ (звавшихъ къ суду и также производившихъ слѣдствіе), приставовъ (которые стерегли обвиненныхъ) и недѣльщиковъ (посылаемыхъ отъ суда съ разными порученіями).

Рядомъ съ этимъ *государевымъ* судебнымъ механизмомъ существовалъ другой—выборный *народный*. Представителями послѣдняго были: въ городахъ—городовые приказчики и дворскіе, а въ волостяхъ — старосты и цѣловальники. Старосты были двоякаго рода: выборные полицейскіе и выборные судебные. Общества были раздѣлены на сотни и десятки и выбирали себѣ блюстителей порядка: старостъ, сотскихъ и десятскихъ. Они распоряжались раскладкою денежныхъ и натуральныхъ

повинностей и вели разметныя книги, гдѣ записаны были всѣ жители съ дворами и имуществами. Старосты и цѣловальники, которые должны были сидѣть на судѣ намѣстниковъ и волостелей, выбирались волостями или же вмѣстѣ съ ними и тѣми городами, гдѣ не было дворскаго. Всякое дѣло, производившееся въ судѣ, писалось въ двухъ экземплярахъ, и, въ случаѣ надобности, повѣрялось тождество между ними. Какъ у намѣстниковъ и волостелей были свои дьяки, такъ у старостъ—свои земскіе дьяки, занимавшіеся письмоводствомъ, а у этихъ дьяковъ—свои земскіе подъячіе.

Важныя, уголовныя дѣла подлежали особымъ лицамъ — губнымъ старостамъ, избраннымъ всѣмъ уѣздомъ изъ дѣтей боярскихъ; въ описываемое время ихъ суду подлежали только разбойники. Это учрежденіе явилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще въ малолѣтство Іоанна и вызвано было усилившимися разбоями. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ было по-два губныхъ старосты. Власть ихъ была велика: всѣ равно должны были подчиняться ихъ суду.

Судебникъ заботился объ огражденіи народа отъ тягости государственнаго суда и отъ произвола намѣстниковъ и волостелей: послѣдніе, въ случаѣ жалобъ на нихъ, подвергались строгому суду. Выборные судьи могли посылать приставовъ за людьми намѣстниковъ и волостелей; и еслибы намѣстники и волостели взяли кого-либо подъ стражу и заковали, не заявивши о томъ выборнымъ судьямъ, то послѣдніе имѣли право силою освободить арестованныхъ. Только служилые государе-

вы люди подлежали одному суду намѣстниковъ и волостелей.

При желаніи обезопасить народъ отъ произвола, законодатели, составляя Судебникъ, уже имѣли въ виду постепенно устранить земство отъ суда намѣстниковъ и волостелей и замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ отдачу имъ въ кормленіе городовъ и волостей. Это отчасти видно изъ того, что въ 1550 году раздавали во множествѣ дѣтямъ боярскимъ земли въ помѣстья, радѣляя ихъ на три статьи и принимая во вниманіе, чтобы получали помѣстья тѣ, которые не имѣли своихъ отчинъ. Это дѣлалось именно съ цѣлію замѣнить доходы кормленія намѣстниковъ и волостелей дачею имъ земельныхъ угодій. Эта мѣра, принятая въ то время, значительно увеличила военную силу. Къ этому времени относиться и образованіе стрѣльцовъ изъ прежнихъ пищальниковъ. Они составляли особый военный классъ, жили при городахъ слободами, раздѣлялись на приказы и вооружены были огнестрѣльнымъ оружіемъ и бердышами.

Что намѣчено было Судебникомъ, то продолжали и доканчивали уставныя грамоты того времени, давшія перевѣсъ въ судѣ выборному началу. Это доказывается исторіею уставныхъ грамотъ. По одной изъ нихъ—устюженской видно, что прежде намѣстники и волостели судили-рядили произвольно. При Василіѣ Іоанновичѣ дана уставная грамота, опредѣляющая обязанности волостелей; въ 1539 году, при боярскомъ управленіи, дана другая грамота, гдѣ доходы волостелей опредѣлены нѣсколько точнѣе; а въ 1551 году, сооб-

разно Судебнику, волостелямъ запрещалось творить безъ участія старосты и цѣловальниковъ. Мало-по-малу управленіе намѣстниковъ и волостелей совершенно замѣнялось предоставленіемъ жителямъ права, самимъ управляться и судиться посредствомъ выборныхъ лицъ, за взносимую въ царскую казну, какъ бы откупную сумму оброка. Въ 1552 году дана грамота Важской землѣ. Нужно замѣтить, что въ этомъ краѣ древнее понятіе о выборномъ правѣ могло укорениться болѣе, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ какъ это была изстари новгородская земля. Жители сами подали объ этомъ челобитную, жалуясь на тягости, которыя они терпѣли отъ намѣстниковъ и волостелей. Послѣдніе изображаются въ этой челобитной покровителями воровъ и разбойниковъ. Многіе изъ жителей, находя невозможнымъ сносить такое управленіе, разбѣгались, а на оставшихся ложилось все бремя налоговъ, въ которыхъ уже не участвовали убѣжавшіе. Жители просили дозволить имъ избрать 10 человѣкъ излюбленныхъ судей, которые бы, вмѣсто намѣстниковъ, судили у нихъ какъ уголовныя дѣла (въ душегубствѣ и татьбѣ и въ разбоѣ съ поличнымъ и костыремъ [1]), такъ и земскія; а за это жители будутъ ежегодно взносить въ царскую казну оброка полторы тысячи рублей за всѣ судныя намѣстничьи пошлины, не отказываясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ исполненія государственныхъ повинностей и взносовъ (*посошной службы*, то есть обязанности

---

[1]) Судить игроковъ въ кости и карты.

идти въ рать, *городскаго дѣла*, то есть постройки укрѣпленій *денегъ полоняночныхъ*, то есть на выкупъ плѣнныхъ, и *ямскихъ*, то есть на содержаніе почтъ). Правительство дало согласіе на такую перемѣну управленія съ тѣмъ, что весь валовой сборъ оброка, будетъ разложенъ по имуществу и по промысламъ жителей. Вмѣсто намѣстниковъ явились излюбленные головы, или земскіе старосты, имѣвшіе право суда и смертной казни; а для предотвращенія злоупотребленій должны были выбираться цѣловальники, засѣдавшіе въ судѣ—свидѣтели и участники суда. Управленіе въ краѣ поручалось сотскимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ, которые обязаны были наблюдать за благочиніемъ, хватать подозрѣваемыхъ и отдавать суду излюбленныхъ судей или головъ. Вслѣдъ за тѣмъ одни уѣзды за другими стали получать подобныя грамоты. Наконецъ въ 1555 году эта мѣра сдѣлалась всеобщею.

Выборное право суда и управленія развивало общественныя сходбища, которыя, по закону, отправлялись въ уѣздахъ съ цѣлію принятія мѣръ общей безопасности. Всѣ сословія—князья, дѣти боярскіе, крестьяне всѣхъ вѣдомствъ — присылали изъ своей среды выборныхъ на сходбища, гдѣ предсѣдательствовалъ губной староста. Каждый могъ и долженъ былъ говорить на этихъ сходбищахъ, указывать на лихихъ людей и предлагать мѣры къ ихъ обузданію. Дьякъ записывалъ такія рѣчи, которыя принимались въ руководство при поискахъ и слѣдствіяхъ. Всѣ члены общества обязаны были принимать дѣятельное участіе въ благоустройствѣ и содѣйствовать своимъ выборнымъ лицамъ въ отправ-

леніи ихъ должности. Очень важное значеніе получилъ тогда *обыскъ*. Отъ него зависѣлъ способъ суда надъ подсудимымъ. Если по обыску показывали, что подсудимый — человѣкъ дурнаго поведенія, то его подвергали пыткѣ; также показаніе преступника о соучастіи съ нимъ въ преступленіи какого-нибудь лица повѣрялось обыскомъ, и обвиняемый предавался пыткѣ въ такомъ случаѣ, если по обыску оказывался худымъ человѣкомъ, а въ противномъ случаѣ рѣчамъ преступника не давали вѣры. Въ сомнительныхъ случаяхъ, когда не было ни сознанія, ни уликъ, дѣло, по жалобѣ истца, рѣшалось въ его пользу тогда, когда обыскъ давалъ неудовлетворительный отзывъ о поведеніи отвѣтчика.

Судебникъ допускалъ поле, или судебный поединокъ; но обыскъ въ значительной степени вытѣснялъ его изъ судопроизводства, такъ какъ во многихъ случаяхъ, когда прежде прибѣгали къ полю, теперь рѣшали дѣло посредствомъ обыска. Несмотря, однако, на уваженіе къ формѣ обыска, законодатели сознавали, что обыскъ будетъ зачастую производиться съ злоупотребленіями; а потому, для предотвращенія этихъ злоупотребленій, установлено было жестокое наказаніе— наравнѣ съ разбойниками (слѣдовательно смертная казнь [1]) тѣмъ, которые окажутся солгавшими по обыску; самимъ старостамъ и цѣловальникамъ угрожалось

---

[1]) По судебнику наказанія за уголовныя преступленія были: денежная пеня, заключеніе въ тюрьму, торговая (кнутъ) и смертная казнь, постигавшая разбойниковъ, государевыхъ измѣнниковъ, зажигателей, церковныхъ татей и проч.

наказаніемъ, если они окажутся нерадивыми въ преслѣдованіи и открытіи такого рода преступленія. Впослѣдствіи, когда уже минуло господство Сильвестра и Адашева, значеніе обыска совершенно упало, хотя форма его не уничтожилась: отзывы, собранные по обыску, не служили уже главною нитью для избранія способовъ суда и почти не имѣли значенія, такъ какъ одобренныхъ по обыску можно было предавать пыткѣ и казнить на основаніи показаній, вынужденныхъ пыткою. Въ описываемую нами эпоху, пытка допускалась единственно только въ томъ случаѣ, когда приговоръ по обыску признавалъ подсудимаго худымъ человѣкомъ, если не причислять къ пыткѣ (такъ какъ онъ не причислялся къ пыткѣ въ свое время) правежа — варварскаго обычая, возникшаго въ татарскія времена, по которому неоплатнаго должника въ опредѣленное время всенародно били палками по ногамъ, чтобъ истребовать лежащій на немъ долгъ. По Судебнику самый высшій срокъ держанія на правежѣ могъ продолжаться мѣсяцъ за сто рублей долга; а по истеченіи этого срока должникъ выдавался заимодавцу головою и долженъ была отслуживать свой долгъ работою. Вскорѣ, вмѣсто мѣсяца, за сто рублей долга назначено было два мѣсяца правежа. Въ выборномъ судопроизводствѣ не существовало никакихъ судныхъ пошлинъ: правосудіе удѣлялось прибѣгавшимъ къ нему безденежно.

По Судебнику, кромѣ духовныхъ, всѣ прочіе составляли два отдѣла: служилыхъ и неслужилыхъ. Первые дѣлились на два разряда: высшихъ и низшихъ. Къ высшимъ принадлежали князья, бояре, окольничьи,

дьяки и дѣти боярскіе; ко вторымъ — простые ратные люди, ямщики и всѣ казенные служители разныхъ наименованій (пушкари, воротники, кузнецы и т. п.)

Къ неслужилымъ, или земскимъ причислялись: купцы, посадскіе и волостные крестьне, жившіе какъ на казенныхъ земляхъ (черносошные), такъ и на дворцовыхъ и на частныхъ земляхъ. Служилые перваго разряда пользовались явными преимуществами. Они занимали видныя мѣста и должности, владѣли поземельною собственностью, имѣли преимущество въ судебныхъ процессахъ: такъ, если кто въ судѣ ссылался на ихъ свидѣтельство, то оно считалось сильнѣе свидѣтельства простыхъ людей. Бояре, окольничьи и дьяки освобождались отъ позорной торговой казни. Оттѣнки сословій изображались установленными размѣрами «безчестія» за оскорбленіе: боярину получалъ 600 рублей, дьякъ—200; дѣти боярскіе—сообразно получаемому на службѣ доходу. Изъ торговыхъ людей гость (первостатейный купецъ) считался вдесятеро выше обыкновеннаго торговца и получалъ 50 рублей, тогда какъ всякій посадскій получалъ только 5 рублей. Волостной человѣкъ, крестьянинъ, былъ поставленъ въ пять разъ ниже посадскаго, получая «безчестія» всего одинъ рубль; но, находясь на должности, получалъ наравнѣ съ посадскимъ. Женщинѣ платилось «безчестіе» вдвое противъ мужчины ея званія.

Относительно холопства въ это время сдѣлано было нѣсколько распоряженій, видимо клонившихся къ уменьшенію числа холоповъ. Отмѣнялось древнее правило, что поступившій въ должность къ хозяину безъ ряда-

дѣлался его холопомъ. Дѣтямъ боярскимъ запрещалось продаваться въ холопство не только во время службы, но и ранѣе. Судебникъ запрещалъ отдаваться въ холопство за ростъ, предотвращая такимъ образомъ случаи, когда человѣкъ въ нуждѣ дѣлался рабомъ. Впрочемъ неоплатный должникъ послѣ правежа отдавался головою заимодавцу; но, чтобы такихъ случаевъ было менѣе, постановлено было давать на себя кабалы не болѣе, какъ на 15 рублей. При всякой отдачѣ головою, излюбленные судьи должны были дѣлать особый докладъ государю. Наконецъ бѣглый кабальный холопъ не былъ возвращаемъ прямо хозяину, а ему предлагали прежде заплатить долгъ, и только въ случаѣ рѣшительной несостоятельности выдавали его головою.

Относительно военной службы было установлено, чтобы каждый помѣщикъ приводилъ по требованію извѣстное число ратниковъ, смотря по количеству населенной земли въ его помѣстьѣ (обыкновенно со 100 четвертей одинъ конный воинъ); при этомъ опредѣлялось, какъ должны быть вооружены ратники.

Каждый прибывшій на службу помѣщикъ долженъ былъ явиться къ воеводѣ своего города на смотръ. Воевода отмѣчалъ въ спискѣ, кто и какъ приходилъ на службу. Тѣхъ, которые являлись въ исправности—«конны, людны и оружны», записывали въ высшій разрядъ. Исправнымъ выдавались отъ царя награды—прибавка помѣстій. У неисправныхъ уменьшали земли. «Нѣти», или «нѣтчики», то-есть вовсе не явившіеся на службу, наказывались еще строже, если они не могли представить уважительныхъ причинъ своей не-

явки. Для завѣдыванія службою помѣщиковъ учрежденъ былъ *разрядъ*, или *разрядный приказъ*, т. е. присутственное мѣсто, гдѣ вели дѣло обыкновенно боярин̀ъ и дьякъ съ подъячими, которымъ царь *приказывалъ* вѣдать то дѣло. Каждый помѣщикъ, достигнувъ совершенно̀лѣтія, являлся или къ воеводѣ своего города записаться въ служилый списокъ, или отправлялся въ Москву, въ разрядный приказъ, и при этомъ объявлялъ, съ чего онъ будетъ служить, т. е. владѣетъ ли онъ вотчинами и помѣстьями, или нуждается въ новомъ надѣлѣ. Въ послѣднемъ случаѣ ему давалось помѣстье, и онъ назывался *новикъ*.

Царь Іоаннъ Васильевичъ обратилъ свое вниманіе на явленіе, которое, усиливаясь все болѣе и болѣе, представляло правительству сильныя затрудненія, особенно во время войны: то было *мѣстничество*. Какъ владѣтельный княжескій родъ у насъ долго сохранялъ единство, такъ точно такія же понятія о родовомъ единствѣ господствовали и между членами частныхъ родовъ. Въ силу этихъ понятій человѣкъ, подвигавшійся впередъ на службѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ подвигалъ, возвышалъ цѣлый родъ свой, иногда чрезвычайно обширный, состоявшій изъ многихъ фамилій; равнымъ образомъ и наоборотъ, человѣкъ, понижавшійся на служебномъ поприщѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ понижалъ цѣлый родъ свой, цѣлому роду наносилъ безчестье, или поруху. Отсюда главною заботою каждаго служилаго человѣка, при назначеніи его на службу въ младшихъ товарищахъ съ кѣмъ-нибудь, или подъ начальствомъ чьимъ-нибудь, было освѣдомиться, можно ли, *вмѣстно-*

ли ему быть въ младшихъ товарищахъ, или въ подчиненіи у извѣстнаго лица безъ униженія своему роду, и если узналъ, что нельзя, то подавалъ просьбу, что вмѣстѣ съ такимъ-то быть не можетъ. Средствомъ для служилыхъ людей узнавать, когда кто съ кѣмъ прежде былъ въ какой службѣ, служили *разрядныя* книги, куда вписывались всѣ служебныя назначенія и всѣ мѣстническіе случаи, къ которымъ подавали поводъ эти назначенія. Разрядныя книги велись самимъ правительствомъ и частными людьми, именно на случай мѣстническихъ споровъ. Мѣстничались воеводы по полкамъ, по городамъ, мѣстничались царедворцы въ придворныхъ церемоніяхъ, мѣстничались женщины за столомъ у царицы. Царь Іоаннъ Васильевичъ ограничилъ число случаевъ, когда воеводы разныхъ полковъ могли мѣстничаться; потомъ уничтожилъ право молодыхъ служилыхъ людей знатнаго происхожденія мѣстничаться съ воеводами менѣе знатнаго происхожденія: право мѣстничаться они получали только тогда, когда сами становились воеводами, и тутъ прежняя ихъ подчиненная служба не имѣла никакого вліянія.

XV.

Стоглавъ 1551 г.

Вслѣдъ за земскими учрежденіями приступлено было къ церковному благоустройству. Для этого въ началѣ 1551 года созванъ былъ въ Москвѣ соборъ, важнѣйшій изъ всѣхъ соборовъ, какіе только были доселѣ въ

церкви русской. Свѣдѣнія о немъ сохранились въ особой книгѣ, извѣстной подъ именемъ *Стоглава* или *Стоглавника*, потому что она раздѣлена на сто главъ, отчего и самый соборъ обыкновенно называется *Стоглавымъ*.

Какъ же происходилъ Стоглавый соборъ?

«Державный самодержецъ (читаемъ въ соборной книгѣ), прекроткій царь Иванъ, осіяваемый благодатію Св. Духа, подвигся теплымъ желаніемъ не только о устроеніи земскомъ, но и объ исправленіи многоразличныхъ дѣлъ церковныхъ. Онъ возвѣстилъ о томъ отцу своему, митрополиту Макарію, и повелѣлъ составить соборъ. Когда повелѣніе царское услышали архіереи русской земли, они объяты были невыразимою радостію и, какъ небопарные орлы, поспѣшили въ Москву, и чудно было видѣть царствующій градъ, красовавшійся пришествіемъ отцевъ».

Собрались всѣ до одного святители московской митрополіи: новгородскій Ѳеодосій, ростовскій Никандръ, суздальскій Трифонъ, смоленскій Гурій, рязанскій Кассіанъ, тверской Акакій, коломенскій Ѳеодосій, сарскій Савва и пермскій Кипріанъ, съ честными архимандритами, игуменами, духовными старцами, пустынниками и множествомъ прочаго духовенства. Собравшіеся прежде всего совершили торжественное молебствіе въ соборной церкви Успенія Пресвятой Богородицы, а потомъ перешли въ царскія палаты. Это было 23-го февраля 1551 года. Царь сѣлъ на своемъ престолѣ, и когда водворилось глубокое молчаніе и взоры всѣхъ

устремились на державнаго, онъ внезапно всталъ съ своего мѣста и съ свѣтлымъ взоромъ и веселымъ лицомъ приблизившись къ святителямъ сказалъ: «Молю васъ, святѣйшіе отцы мои, если я обрѣлъ благодать передъ вами, утвердите на мнѣ любовь свою, какъ на присномъ вашемъ сынѣ, и не облѣнитесь изречь слово единомысленно о православной нашей вѣрѣ, и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и о нашемъ благочестивомъ царствѣ, и о устроеніи всего православнаго христіанства. Я весьма желаю и съ радостію соглашаюсь быть сослужебнымъ вамъ поборникомъ вѣры во славу Св. Животворящей Троицы и въ похвалу нашей благочестивой вѣры и церковныхъ уставовъ. Почему повелѣваю, чтобы отнынѣ удалилось отъ насъ всякое разногласіе и утвердилось между нами согласіе и единомысліе». Затѣмъ царь предложилъ собору «своея руки писаніе», которое и было прочитано вслухъ всѣхъ. Здѣсь Іоаннъ, именемъ Трiипостаснаго Бога, Пресвятой Дѣвы Богородицы и всѣхъ святыхъ, особенно отечественныхъ, снова умолялъ собравшихся пастырей потрудиться для утвержденія истинной вѣры Христовой, для исправленія церковнаго благочинія, и царскаго благозаконія, и всякаго земскаго строенія. Призывалъ не только духовныхъ, но и князей, бояръ, воиновъ и вообще православныхъ христіанъ покаяться вмѣстѣ съ нимъ и обратиться на путь добродѣтели, указывая на примѣры, древніе и современные, страшныхъ казней Божіихъ за грѣхи. Со слезами воспоминалъ о смерти своего отца, своей матери, объ умерщвленіи своихъ дядей, о своеволіи и злоупотребленіяхъ бояръ, правив-

шихъ царствомъ, о своемъ сиротствѣ и отрочествѣ, проведенномъ въ пренебреженіи, безъ всякаго ученія и въ порокахъ, о казняхъ Божіихъ, постигшихъ Россію за беззаконія, и въ особенности о великомъ московскомъ пожарѣ. «Тогда—замѣчаетъ государь—страхъ вошелъ въ мою душу и трепетъ въ мои кости, и смирился духъ мой, и я умилился и позналъ мои согрѣшенія, и прибѣгъ къ св. церкви, и испросилъ у васъ, святителей, благословенія и прощенія моихъ злыхъ дѣлъ, а по вашему благословенію преподалъ прощеніе моихъ злыхъ дѣлъ, а по вашему благословенію преподалъ прощеніе и моимъ боярамъ въ ихъ грѣхахъ противъ меня, и началъ, по вашему благому совѣту, устроять и управлять врученное мнѣ Богомъ царство».

О чемъ же происходили совѣщанія Стоглаваго собора? Предметы для занятій собора были указаны въ вопросахъ царя и были вообще многочисленны и разнообразны; но кругъ ихъ еще расширялся самими отцами собора при ихъ совѣщаніяхъ. Можно сказать, что кругъ этотъ обнималъ собою всю обширную область церковной жизни и касался болѣе или менѣе всѣхъ ея сторонъ: и ученія, и богослуженія съ его обрядами, и управленія, или святительскаго суда, и поведенія духовенства, бѣлаго и монашествующаго, особенно устройства монастырей, и поведенія мірянъ, ихъ суевѣрій, нравовъ и обычаевъ. Стоглавый соборъ имѣлъ въ виду обновить всю русскую церковь, исправить всѣ недостатки, какіе существовали въ ней и усилились въ послѣднее время, и указать ей путь для правильнаго развитія всѣхъ отраслей ея жизни.

Царскіе вопросы, предложенные собору, были собственно не вопросы (за исключеніемъ весьма немногихъ), а положительныя указанія на разные недостатки въ церкви, на которые царь хотѣлъ обратить вниманіе собора и требовалъ соборнаго рѣшенія. Одни изъ вопросовъ кратки, но другіе довольно обширны и содержатъ живыя обличенія недостатковъ и безпорядковъ. Вопросы называются *царскими* не потому, чтобы они были написаны самимъ царемъ, а потому только, что изложены отъ имени царя и имъ предложены собору. Да и трудно допустить, чтобы молодой царь, едва только оставившій забавы и развлеченія дѣтства и проведшій прежніе годы безъ всякаго наученія и руководства, могъ уже обладать такими обширными свѣдѣніями, какія замѣчаются въ вопросахъ даже о мельчайшихъ подробностяхъ богослуженія и обрядовъ, равно какъ о многихъ мѣстныхъ обычаяхъ, суевѣріяхъ и безпорядкахъ въ разныхъ городахъ, селахъ, монастыряхъ и проч. А частыя указанія на порядки и обыкновенія въ областяхъ Новгородской и Псковской, встрѣчающіяся въ вопросахъ, невольно приводятъ къ мысли, не написаны-ли послѣдніе кѣмъ нибудь изъ двухъ ближайшихъ совѣтниковъ Іоанна—митрополитомъ Макаріемъ или священникомъ Сильвестромъ, которые оба, по прежней службѣ своей, были изъ Новгорода и могли знать тотъ край болѣе, нежели другія мѣста. Этимъ-то совѣтникомъ, и въ особенности митрополиту Макарію, по всей вѣроятности, принадлежала и самая мысль о созваніи Стоглаваго собора, а не одно составленіе царскихъ вопросовъ; царю же принадлежала и принадле-

жить только честь, что онъ съ любовію принялъ добрую мысль и ревностно устремился къ ея осуществленію. По крайней мѣрѣ, предполагать такой глубокій и всесторонній взглядъ на потребности отечественной церкви въ самомъ Іоаннѣ, еще юномъ, неопытномъ и не получившимъ почти никакого образованія, неестественно.

Познакомимся теперь съ содержаніемъ Стоглава—этого живаго свидѣтеля съ одной стороны о нравственныхъ недугахъ русской церкви въ первой половинѣ XVI вѣка, а съ другой—о той степени просвѣщенія, на какой находились тогда лучшіе члены нашей церкви и общества.

Царь подалъ святителямъ слѣдующій списокъ безпорядкамъ, для прекращенія которыхъ требовалъ ихъ содѣйствія:

Чтобъ по церквамъ звонили и пѣли по уставу, чтобъ поставлены были старосты поповскіе надъ всѣми священниками; при отдачѣ антиминсовъ продажа дѣлается большая; иконы пишутся неприлично; чтобъ при дачѣ вѣнечныхъ знаменъ не было великой продажи христіанству; божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ и написавъ не исправляютъ же; ученики учатся грамотѣ небрежно; у владыкъ бояре, дьяки, тіуны, десятники и недѣльщики судятъ и управу чинятъ не прямо, волочатъ и продаютъ съ ябедниками вмѣстѣ, а десятники поповъ по селамъ продаютъ безъ милости, дѣла сочиняютъ съ ябедниками, а женки и дѣвки, съ судьею по заговору, чернецовъ, поповъ и мірянъ обвиняютъ ложно въ насиліяхъ и по-

зорѣ; въ монастыряхъ нѣкоторые постригаются для покоя тѣлеснаго, чтобъ всегда бражничать; архимандриты и игумены нѣкоторые службы Божіей, трапезы и братства не знаютъ, покоятъ себя въ кельѣ съ гостями, племянниковъ своихъ помѣщаютъ въ монастыри и довольствуютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ... ребята молодые (голоусые) по всѣмъ кельямъ живутъ, а братія бѣдная алчутъ и жаждутъ и ничѣмъ неупокоены все богатство монастырское держатъ власти съ своими родственниками, боярами, гостями, пріятелями и друзьями; монахи и монахини по міру бродятъ, монахини живутъ въ мірскихъ просвирняхъ, монахи у мірскихъ церквей въ попахъ живутъ; просвирни надъ просвирами приговарриваютъ (наговарриваютъ). Милостыню и кормъ годовой, хлѣбъ, соль, деньги и одежду по богадѣльнымъ избамъ во всѣхъ городахъ даютъ изъ царской казны, христолюбцы также милостыню подаютъ; но въ богадѣльныя избы вкупаются у приказчиковъ мужики съ женами, а прямые нищіе, больные и увѣчные безъ призору по міру ходятъ; монахи и монахини, попы и міряне, мужчины и женщины съ образами ходятъ и собираютъ на церковное строеніе: иноземцы этому дивятся. Въ монастыри отдаются имѣнія, а строенія въ монастыряхъ никакого не прибыло и старое опустѣло: кто этимъ корыстуется? Надобно рѣшить— прилично ли монастырямъ отдавать деньги въ ростъ? Монахи и попы пьянствуютъ; вдовые попы соблазняютъ своимъ поведеніемъ; старецъ на лѣсу келью поставитъ или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, у царя земли и руги просить

а что соберетъ, то пропьетъ; должно избирать игуменовъ и священниковъ достойныхъ. Въ церквахъ стоятъ въ тафьяхъ и шапкахъ, съ палками, говоръ и ропотъ и всякое прекословіе и бесѣды и срамныя слова; попы и дьяконы пьютъ безчинно, церковные причетники всегда пьяны, безъ страху стоятъ и бранятся, попы въ церквахъ дерутся между собою, и въ монастыряхъ тоже; попы и дьяконы безъ ризъ служатъ; пономари и дьяки двоеженцы и троеженцы въ алтари входятъ и святыни касаются. Головы и бороды брѣютъ и платье иновѣрныхъ земель носятъ; крестное знаменіе кладутъ не по существу; бранятся скаредными словами: и у иновѣрцевъ такое безчиніе не творится; клянутся именемъ Божіемъ во лжи. Продаютъ давленику. Христіане приносятъ въ церковь кутью, канунъ, на Великъ день пасху, сыры, яйца, рыбы печеныя, въ иные дни калачи, пироги, блины, караваи и всякіе овощи: въ Новгородѣ и Псковѣ для этого устроенъ кутейникъ во всякой церкви, въ Москвѣ же все это вносится въ жертвенникъ и въ алтарь. Въ монастыряхъ монахи, монахини и міряне живутъ вмѣстѣ. Надобно заняться выкупомъ плѣнныхъ изъ бусурманскихъ рукъ.

Удовлетворяя царскимъ требованіямъ, соборъ постановилъ о поповскихъ старостахъ, въ Москвѣ: сто свищенниковъ—или какъ число вмѣститъ — избираютъ себѣ священника, исполненнаго разума духовнаго, рачителя божественному писанію, всякими добродѣтелями украшеннаго; онъ избираетъ себѣ десятскихъ, и быть у одного старосты храмамъ сряду, чтобъ священники могли удобнѣе собираться для совѣщаній о церков-

ныхъ чинахъ, духовныхъ дѣлахъ и о всякомъ благочестіи. Должны устроить въ Москвѣ семъ соборовъ и семь старостъ. Этихъ избранныхъ старостъ приводятъ къ митрополиту, который ихъ испытываетъ и поучаетъ; старосты и священники въ соборномъ храмѣ держатъ полное собраніе божественныхъ правилъ, съ которыми старосты должны постоянно справляться. Относительно церковнаго благочинія и нравственности духовенства соборъ постановилъ, чтобъ церковное и алтарное устроеніе было благообразно, чисто и непорочно: въ жертвенникъ и алтарь отнюдь бы нечего не вносили— ни съѣстнаго, ни какихъ другихъ вещей, кромѣ иконъ, крестовъ, священныхъ сосудовъ, ризъ, покрововъ свѣчей, ладону, просвиръ, масла и вина служебнаго, также, чтобъ престолъ не былъ безъ покрова и царскія двери безъ занавѣса. У простой чади въ міру дѣти родятся въ сорочкахъ, и былъ обычай приносить эти сорочки къ священникамъ, которые клали ихъ на престолѣ до шести недѣль: соборъ опредѣлилъ — впредь такой нечистоты и мерзости въ святыя церкви не приносить. Соборъ постановилъ, чтобъ просвирни были вдовы послѣ одного мужа, не моложе 50-ти лѣтъ, въ добрыхъ дѣлахъ свидѣтельствованныя, отнюдь не должны онѣ говорить надъ просвирами никакихъ рѣчей; чтобъ монахини при мірскихъ церквахъ не жили въ просвирняхъ. Чтобъ звонъ церковный былъ по уставу. Чтобъ священники уговаривали своихъ духовныхъ дѣтей чаще ходить въ церкви, особенно по воскресеньямъ и господскимъ праздникамъ; священники въ церквахъ должны показывать собою примѣръ всякой добродѣте-

ли, благочестія, трезвости; также на пирахъ, во всенародномъ собраніи и во всѣхъ мірскихъ бесѣдахъ священникамъ должно духовно бесѣдовать и божественнымъ писаніемъ поучать на всякія добродѣтели; а праздныхъ словъ, кощунства, сквернословія и смѣхотворенія отнюдь бы сами не дѣлали и дѣтямъ своимъ духовнымъ дѣлать запрещали; гдѣ же будутъ гусли, прегудники и потѣхи хульныя, отъ этихъ игръ священники должны удаляться, уходить домой, а сами на нихъ отнюдь не дерзать; чтобъ службы церковныя священники отправляли чинно и въ ризахъ. Какія мѣры употреблялись для исправленія церковныхъ служителей, забывавшихъ свои обязанности, это видно изъ слѣдующаго разсказа новгородскаго лѣтописца подъ 1572 годомъ: архіепископъ Леонидъ велѣлъ дьяковъ своихъ пѣвчихъ поставить на правежъ и велѣлъ на нихъ взять по полтинѣ московской, за то, что не ходятъ въ церковь къ началу службы.

Относительно иконописанія соборъ постановилъ: писать живописцамъ иконы съ древнихъ образовъ, какъ греческіе живописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіе пресловутые живописцы, а отъ своего замышленія ничего не измѣнять. Архіепископы и епископы по всѣмъ городамъ и весямъ и по монастырямъ испытываютъ мастеровъ иконныхъ и ихъ письма сами смотрятъ. Относительно изображеній святыхъ во Псковѣ въ 1540 году было любопытное происшествіе: къ Успеньеву дню старцы, переходцы съ иной земли, привезли образъ св. Николая и св. Пятницы на рѣзи въ храмцахъ (кіотахъ). Во Псковѣ такихъ иконъ на рѣзи

прежде не бывало, и многіе невѣжественные люди поставили это за болванное поклоненіе: была въ людяхъ молва большая и смятеніе. Простые люди начали священникамъ говорить, а священники пошли къ намѣстникамъ и дьякамъ съ собора, что въ людяхъ большое смятеніе. Старцевъ схватили, а иконы послали къ архіепископу въ Великій Новгородъ. Владыка Макарій самъ молился предъ этими святыми иконами, молебенъ имъ соборно пѣлъ, честь имъ воздалъ, самъ проводилъ до судна и велѣлъ псковичамъ эти иконы у старцевъ вымѣнять и встрѣчать ихъ соборно.

На жалобу царя, что ученики учатся грамотѣ небрежно, соборъ отвѣчалъ: Ставленниковъ святители строго допрашиваютъ: почему мало умѣютъ грамотѣ? и они отвѣчаютъ: «мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учиться негдѣ». Но отцы ихъ и мастера и сами мало умѣютъ, тогда какъ прежде въ Москвѣ, Великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ многія училища бывали, грамотѣ, писать, пѣть и читать учили; и мы по царскому совѣту соборомъ уложили: выбирать добрыхъ священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ женатыхъ, благочестивыхъ, грамотѣ, читать и писать гораздыхъ, и у нихъ устроить въ домахъ училища: учили бъ они дѣтей со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, болѣе же всего учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ и блюли ихъ отъ всякаго растлѣнія. Въ Новгородѣ Великомъ попы, дьяконы, дьяки, пономари и просвирни принимаются къ церкви уличанами за большія деньги: на пономарѣ берутъ рублей 15, а иногда 20 и 30; и кто

дастъ деньги, съ тѣмъ идутъ къ владыкѣ всею улицею. А если владыка пришлетъ къ церкви попа хорошаго поведенія и грамотѣ гораздаго, но если этотъ попъ большихъ денегъ уличанамъ не дастъ, то они его не примутъ.

По отношенію къ церковному управленію предложено было исправить порядокъ, схожій съ управленіемъ намѣстниковъ и волостелей въ земскомъ дѣлѣ. Владыка въ своей епархіи напоминалъ собою удѣльнаго князя. У него былъ совѣтъ изъ собственныхъ бояръ, которые управляли и судили въ епархіи съ докладомъ владыкѣ. Судьями отъ владыки были его намѣстники и десятильники; при нихъ были недѣльщики и доводчики; какъ и въ земствѣ. Бѣлое духовенство и монастыри были обложены множествомъ разнообразныхъ пошлинъ [1]), отъ которыхъ нѣкоторые освобождались по благоволенію владыки. Владыки раздавали свои земли въ помѣстья дѣтямъ боярскимъ: эти земли переходили отъ владѣльца къ владѣльцу не по наслѣдству, а по волѣ архіерея. Дѣти боярскіе были обязаны службою владыкѣ, хотя въ то же время призывались и на государственную службу. Судъ у святителей, соотвѣтственно подлежащимъ этому суду предметамъ, былъ двухъ ро-

---

[1]) Напримѣръ даня зимняя и лѣтняя, злѣздничье, выѣзжее, благословенная куница (подать со священника при вступленіи въ должность), перехожая куница (при переходѣ изъ одного прихода въ другой), явленная куница (при явкѣ ставленной грамоты), соборная куница, людское, полюдная пшеница, казенные алтыны, вѣнечная пошлина (съ невѣсты), новоженный убрусъ (съ жениха), десятильничьи пошлины и проч.

довъ: духовный—въ дѣлахъ, относившихся къ области вѣры и благочестія, какъ надъ духовенствомъ, такъ и надъ мірскими людьми, и мірской—надъ лицами, исключительно состоявшими въ церковномъ вѣдомствѣ. Вообще какъ судъ, такъ и управленіе въ церковномъ вѣдомствѣ страдали въ тѣ времена большими злоупотребленіями. Владычные бояре, дьяки и десятильники всѣми неправдами притѣсняли сельскихъ священниковъ. Соборъ не рѣшился отмѣнить суда бояръ и десятильниковъ, потому что и при великихъ чудотворцахъ Петрѣ, Алексіѣ и Іонѣ были десятильники, но учредилъ изъ священниковъ старостъ и десятскихъ, которые, между прочими обязанностями, должны были присутствовать на судѣ десятильниковъ; да кромѣ того, на этотъ судъ допускались еще и земскіе старосты и цѣловальники вмѣстѣ съ земскимъ дьякомъ. Всякое дѣло писалось въ двухъ экземплярахъ, и одна сторона повѣряла другую. — Соборъ обратилъ вниманіе и на книги. Издавна переводились книги съ греческаго языка, отчасти съ латинскаго, переписывались старыя сочиненія и переводы и продавались. Какъ переводы, такъ и переписки исполнялись плохо. Тогда все письменное безъ разбора относили къ церкви, и оттого-то книги отреченныя и апокрифы считались, по невѣжеству, наравнѣ съ каноническими книгами священнаго писанія, и нерѣдко приписывалось отцамъ церкви то, чего тѣ никогда не писали. Это неизбѣжно вело къ заблужденіямъ. Соборъ устанавливалъ родъ духовной цензуры, повѣряя ее поповскимъ старостамъ и десятскимъ. Книгописцы состояли подъ ихъ надзо-

ромъ. Старосты и десятскіе имѣли право просматривать и одобрять переписанныя книги и отбирать изъ продажи неисправленныя.

Относительно безпорядковъ въ богадѣльныхъ избахъ, соборъ отвѣчалъ: да повелитъ благочестивый царь всѣхъ больныхъ и престарѣлыхъ описать по всѣмъ городамъ, отдѣльно отъ здоровыхъ строевъ, и въ каждомъ городѣ устроить богадѣльни мужскія и женскія, гдѣ больныхъ, престарѣлыхъ и неимущихъ куда голову подклонить, довольствовать пищею и одеждою, а богомольцы пусть милостыню и все потребное имъ приносятъ, да приставить къ нимъ здоровыхъ строевъ и бабъ стряпчихъ, сколько будетъ пригоже; священникамъ добрымъ, цѣловальникамъ или городскимъ людямъ добрымъ смотрѣть, чтобъ имъ насильства и обиды отъ стряпчихъ не было; священники должны приходить къ нимъ въ богадѣльни, поучать ихъ страху Божію, чтобъ жили въ чистотѣ и покаяніи, и совершать всѣ требы.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, поднятыхъ Стоглавымъ соборомъ, былъ вопросъ о *выкупѣ плѣнныхъ*.

Съ первыхъ вѣковъ христіанства, выкупъ плѣнныхъ считался лучшимъ дѣломъ христіанскаго милосердія. Св. Амвросій Медіоланскій разрѣшилъ даже продажу церковныхъ сосудовъ для этого святаго дѣла, его примѣру подражали многіе епископы. И въ древней Россіи выкупъ плѣнныхъ является дѣломъ всенароднаго христіанскаго милосердія. Это образовалось какъ изъ общаго христіанскаго взгляда на плѣненныхъ варварами, какъ на несчастныхъ, такъ и изъ особенностей

отношеній Россіи къ татарамъ. Эти варвары съ XIII по конецъ XVII вѣка страшно терзали Россію. Не разъ русская земля бывала въ конецъ разоряема и полѣняема ими. Татары уводили въ плѣнъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, сколько только могли, убивая дѣтей, стариковъ и слабыхъ. Не только до XV вѣка, но и въ періодъ съ половины XV до конца XVII вѣка невозможно было выручить нашихъ плѣнныхъ изъ рукъ ихъ иначе, какъ выкупомъ. Плѣнный у татаръ былъ вдвойнѣ несчастенъ: онъ терялъ свободу, общеніе съ Церковію и ея таинствами и былъ въ постоянной опасности утратить вѣру христіанскую. Рѣдкій набѣгъ татаръ въ въ XVI и XVII вѣкѣ (не говоря уже о предшествовавшихъ) не оканчивался плѣненіемъ нѣсколькихъ тысячъ русскихъ всѣхъ сословій; иногда они уводили по 50,000 и болѣе. Мы говоримъ преимущественно о крымскихъ татарахъ; впрочемъ и казанскіе татары не уступали имъ. Поэтому дѣло плѣненныхъ татарами было самое популярное въ древней Россіи. Вся Россія готова была поголовно идти на освобожденіе ихъ, «душу свою положить за нихъ» [1]). Поэтому уже въ первой половинѣ XVI вѣка, вскорѣ послѣ сложенія московскаго государства, выкупъ плѣнныхъ является однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Для поясненія значенія и важности выкупа плѣнныхъ у татаръ, приведемъ слова одного писателя XVI вѣка о

---

[1]) Собр. госуд. грамотъ. Т. III, № 113.

положеніи христіанскихъ плѣнныхъ у этихъ варваровъ [1]).

«Корабли, приходящіе къ крымскимъ татарамъ, изъ Азіи привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей, а отходятъ отъ нихъ нагруженные рабами. И всѣ ихъ рынки знамениты только этимъ товаромъ, который у нихъ всегда подъ руками и для продажи, и для залога, и для подарковъ; и всякій изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, имѣющій коня, даже если на самомъ дѣлѣ нѣтъ у него раба, но предполагая, что можетъ достать ихъ извѣстное количество, обѣщаетъ по контракту кредиторамъ своимъ въ положенный срокъ заплатить за одежду, оружіе и живыхъ коней—живыми же, но не конями, а людьми, и притомъ нашей крови. И эти обѣщанія исполняются въ точности, какъ будто-бы наши люди были у нихъ всегда на задворьяхъ. Поэтому одинъ еврей, мѣняла, сидя у единственныхъ воротъ Тавриды и видя безпрестанно безчисленное множество привозимыхъ туда плѣнниковъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются ли еще люди въ нашихъ странахъ или нѣтъ и откуда ихъ такое множество?.. Тѣ, которые посильнѣе изъ этихъ несчастныхъ, часто клеймятся на лбу и на щекахъ и, связанные или скованные, мучатся днемъ на работѣ, ночью въ темницахъ, и жизнь ихъ поддерживается небольшимъ количествомъ пищи, состоящей въ мясѣ дохлыхъ животныхъ, гниломъ, покрытомъ червями, отвратительномъ даже для собакъ. Женщины,

---

[1]) Архивъ Калачева, книги 2-й половина 2-я: «Отрывки Михалона».

которыя понѣжнѣе, содержатся иначе: нѣкоторыя должны увеселять на пирахъ, если умѣютъ пѣть или играть... Всѣ они съ жадностью ищутъ себѣ въ жены плѣнницъ... Перекопскій Саинъ-Гирей родился отъ христіанки и женатъ на христіанкѣ... Также и другія продѣлки бываютъ съ этимъ родомъ людей: именно, когда рабовъ выводятъ на продажу, то ведутъ ихъ на площадь гуськомъ, какъ будто журавлей въ полетѣ, цѣлыми десятками, прикованныхъ другъ къ другу около шеи, и продаютъ такими десятками съ аукціона, причемъ аукціонеръ кричитъ громко, что это рабы самые новые, не хитрые, только-что привезенные изъ народа королевскаго, а не московскаго. Московское же племя считается у нихъ дешевымъ, какъ коварное и обманчивое [1]) Этотъ товаръ цѣнится въ Тавридѣ съ большимъ знаніемъ и покупается дорого иностранными купцами для продажи—но цѣнѣ еще большей — отдаленнымъ народамъ... Красивыя дѣвушки нашей крови покупаются иногда на вѣсъ золота. Это бываетъ во всѣхъ городахъ полуострова, особенно въ Кафѣ, этой ненасытной и беззаконной пучинѣ, пьющей нашу кровь».

Читая это, мы понимаемъ то одушевленіе, которое было въ древней Россіи къ освобожденію нашихъ плѣнныхъ отъ татаръ. Выкупъ этотъ бывалъ и въ XV вѣкѣ, и вѣроятно и прежде, но какъ дѣло частнаго милосердія и благотворительности духовенства. Въ XVI вѣкѣ

[1]) Не въ томъ ли смыслѣ, что русскіе были самыми ненадежными рабами для татаръ, пользуясь всякимъ случаемъ для своего освобожденія!

выкупъ плѣнныхъ былъ дѣломъ дворянства и духовенства. Лѣтописецъ разсказываетъ, что въ 1535 г. великій князь Іоаннъ Васильевичъ и мать его Елена прислали къ новгородскому архіепископу Макарію своего сына боярскаго съ грамотою: «Приходили въ прежнія лѣта татары на государеву Украйну и грѣхъ нашихъ ради взяли въ плѣнъ дѣтей боярскихъ и мужей, и женъ, и дѣвицъ; и Господь Богъ смягчилъ сердца иноплеменниковъ, и они возвратили назадъ плѣнъ, а за то просили у государя, великаго князя сребра. И князь великій велѣлъ своимъ боярамъ сребро дати елико достоитъ, а христіанскія души изъ иноплеменниковъ искупити; а государь велѣлъ владыкѣ Макарію въ ту мзду самому вкупу быти по обежному счету, а съ монастырей своей архіепископіи собрать 700 рублей». Благочестивый Макарій съ большою ревностію собралъ деньги на это, по выраженію лѣтописца, «духовное дѣло», вспомянувши слова Господни: «аще злато предадимъ, въ того мѣсто обрящемъ другое, а за душу человѣческу нѣсть что измѣны дати»? Изъ этого мѣста лѣтописи мы видимъ, что дворяне платили на окупъ по возможности, съ архіерейскихъ имѣній окупъ собирался правильно, какъ поземельная подать («по обежному счету»), и наконецъ богатые монастыри вносили значительныя суммы по назначенію царя и раскладкѣ архіерея. Впрочемъ этотъ сборъ былъ случайнымъ, временнымъ. Между тѣмъ безпрерывныя плѣненія русскихъ татарами дѣлали необходимымъ правильную организацію выкупа. Вопросъ объ освобожденіи плѣн-

ныхъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ. Вспомнимъ, что изъ одной Казани было освобождено въ 1551 г. 60,000 нашихъ плѣнныхъ: изъ этого видно, какая огромная масса православныхъ томилась въ неволѣ у татаръ. Не имѣя надобности въ такомъ количествѣ рабовъ татары приводили нашихъ плѣнныхъ на окупъ. Но такъ какъ дѣло выкупа не было еще правильно организовано, то нерѣдко русскіе снова были отводимы въ рабство. Понятно послѣ этого, почему вопросъ объ освобожденіи плѣнныхъ былъ предложенъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Стоглавому собору наравнѣ съ другими важнѣйшими религіозными дѣлами: «плѣнныхъ привозятъ изъ Орды бояръ и боярынь и всякихъ людей, а иные сами выходятъ должные, безпомѣстные, и здѣсь окупить нечѣмъ; а никто не окупитъ, и тѣхъ полоняниковъ, мужей и женъ, опять возятъ назадъ въ басурманство, а и здѣсь надъ ними наругаются всякими сквернами богомерзкими. Достоитъ о семъ уложити соборнѣ, какъ тѣмъ окупъ чинить и въ невѣріе не отпущати. А которые собою вышли, устроп чинити же по достоянію, елико вмѣстимо, чтобъ были въ покоѣ и безъ слезъ». Слѣдовательно царемъ было предложено два вопроса: о выкупѣ плѣнныхъ и о приличномъ устроеніи ихъ. Отцы собора подали мнѣніе только относительно перваго вопроса: «Которыхъ окупятъ царскіе послы въ Ордахъ, въ Царѣградѣ; въ Крыму, въ Казани или Астрахани или въ Кафѣ, или сами откупятся, тѣхъ всѣхъ плѣнныхъ окупать изъ царской казны. А которыхъ плѣнныхъ православныхъ христіанъ окупятъ Греки, Турки, Армяне или другіе гости и при-

ведутъ въ Москву, а изъ Москвы захотятъ ихъ опять съ собою по вести, то этого имъ не позволять, за то стоять крѣпко и плѣнныхъ окупать изъ царской же казны, и сколько этого окупа изъ царской казны разойдется, и то раскинуть на сохи по всей землѣ, чей кто ни будь—всѣмъ ровно, потому что такое искупленіе общею милостынею называется». Слѣдовательно соборъ предлагалъ сдѣлать выкупъ дѣломъ земскимъ, и притомъ постоянною посошной податью. Но когда статьи соборнаго постановленія были посланы въ Троицкій Сергіевъ монастырь къ бывшему митрополиту Іоасафу, бывшему ростовскому архіепископу Алексію, бывшему Чудовскому архимандриту Вассіану, бывшему Троицкому игумену Іонѣ и всѣмъ соборнымъ старцамъ, то они, утвердивъ всѣ другія статьи, о выкупѣ плѣнныхъ написали: «Окупъ брать не съ сохъ, а съ архіереевъ и монастырей. Крестьянамъ, царь государь, и такъ много тягости: въ своихъ податяхъ, государь, покажи имъ милость». Изъ этого видно, что троицкіе отцы, движимые чистѣйшимъ религіознымъ чувствомъ, желали удержать за искупленіемъ плѣнныхъ характеръ «духовнаго дѣла», тогда какъ отцы Стоглаваго собора рѣшили сдѣлать его земскимъ, для выгоды святителей и монастырей. Мнѣніе троицкихъ отцовъ не было принято: окупъ сбирался, согласно рѣшенію собора, по сошно и притомъ со всей земли.

Запретивъ остальные безпорядки, указанные царемъ, безъ особенныхъ подробностей, Стоглавый соборъ обратилъ вниманіе еще на нѣкоторыя безчинства и суевѣ-

рія: на свадьбахъ играютъ скоморохи, и какъ къ церкви вѣнчаться поѣдутъ, священникъ съ крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ скоморохи съ играми бѣсовскими рыщутъ. Нѣкоторые тяжутся не прямо и, поклепавъ крестъ цѣлуютъ или образа святыхъ, на полѣ бьются и кровь проливаютъ: и въ то время волхвы и чародѣи помощь имъ оказываютъ. Кудесы бьютъ, въ Аристотелевы врата и въ рафли (гадательныя книги) смотрятъ, по звѣздамъ и планидами глядятъ, смотрятъ дней и часовъ, и на такія чародѣйства надѣясь поклепца и ябедникъ, не мирятся, крестъ цѣлуютъ и на полѣ бьються и убиваютъ. Запрещено мужчинамъ и женщинамъ, монахамъ и монахинямъ мыться въ банѣ въ одномъ мѣстѣ: этотъ обычай указанъ во Псковѣ. По дальнимъ сторонамъ ходятъ скоморохи, собравшись большими ватагами до 60, 70 и до 100 человѣкъ, по деревнямъ у крестьянъ силою ѣдятъ и пьютъ, изъ клѣтей имѣніе грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ. Дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники зернью (карты) играютъ и пропиваются, ни службы не служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло дѣлается: крадутъ и разбиваютъ и души губятъ. По погостамъ и селамъ ходятъ лживые пророки — мужики, женщины и дѣвицы и старыя бабы, нагія и босыя, волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, и говорятъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія и велятъ имъ заповѣдать христіанамъ кануны завѣчивать; они же заповѣдываютъ христіанамъ въ среду и пятницу ручнаго дѣла не дѣлать, женщинамъ не прясть, платья не мыть, камней не разжи-

гать. Соборъ запрещаетъ заниматься злыми ересями, которыя перечисляются: рафли, шестокрылъ, воронограй, астрономія, задей, альманахъ, звѣздочетьи, аристотель, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія. Зепрещаюгся языческіе обычаи, еще довольно сильные въ то время, какъ напримѣръ: на поминкахъ сходились мужчины и женщины на кладбищахъ; туда приходили скоморохи и гудцы (музыканты); справлялось веселье, шла попойка, пляска, пѣсни. Такимъ веселымъ днемъ была въ особенности суббота передъ Троицинымъ днемъ. Въ великій четвертокъ отправлялся языческій обычай «клікать мертвыхъ», теперь уже совершенно исчезнувшій: онъ сопровождался сожженіемъ соломы. Въ этотъ же день клали трутъ въ разсѣлину дерева, зажигали его съ двухъ концовъ, клали въ воротахъ домовъ или раскладывали тамъ-и-сямъ передъ рынкомъ и перескакивали черезъ огонь съ женами и дѣтьми. Ночь наканунѣ рождества Іоанна Предтечи повсѣмѣстно проводилась народомъ въ пляскахъ и пѣсняхъ: то было древнее празднество Купалы. Подобныя языческія празднества указываются кромѣ того наканунѣ Рождества Христова и Богоявленія и въ понедѣльникъ Петрова поста: въ послѣдній изъ этихъ дней былъ обычай ходить въ рощу и тамъ отправлять «бѣсовскія потѣхи».

XVI.

Домострой.

Если Стоглавъ знакомитъ насъ съ недостатками и пороками русскаго общества въ XVI вѣкѣ. то другое замѣчательное литературное произведеніе того времени: «Домострой», приписываемое Сильвестру, показываетъ намъ, какую жизнь лучшіе люди тогдашняго времени считали образцовою. Составитель Домостроя, въ поученіе сыну своему, собралъ въ одну книгу правила и наставленія, которымъ заповѣдуетъ слѣдовать всякому желающему жить праведною жизнію. Правила эти онъ заимствовалъ изъ поучительныхъ словъ отцовъ церкви, по преимуществу Іоанна Златоуста, присовокупивъ и свои замѣчанія и наставленія сыну. Онъ говоритъ своему сыну и женѣ его: «Даю писаніе на память и вразумленіе вамъ и чадамъ вашимъ. Если наказанія (наставленія) нашего не послушаете и не станете слѣдовать ему, и будете творить не такъ, какъ писано, то датите за себя отвѣтъ въ день Страшнаго суда, а я вашему грѣху не причастенъ»:

«Домострой есть зерцало, въ которомъ мы наглядно можемъ изучать и раскрывать всѣ, такъ сказать, подземныя силы нашей исторической жизни. Это — зерцало нашего древняго домашняго быта, зерцало нашего допетровскаго развитія, зерцало общества и общественности. Предъ этимъ зерцаломъ, то есть подъ его спль-

нѣйшимъ вліяніемъ, совершилась постройка и нашего государства, которое въ своемъ существѣ и до сихъ поръ еще носитъ много тѣхъ же началъ и тѣхъ же положеній и опредѣленій жизни, какими исполненъ этотъ многовѣковой источникъ нашего развитія. Извѣстно, что Домострой написанъ или, вѣрнѣе и точнѣе, записанъ, собранъ въ порядокъ Благовѣщенскимъ попомъ Сильвестромъ. Дѣло не въ томъ, кто его записалъ, то есть кто собралъ его въ одно мѣсто живыя и писанныя ученія существовавшія изъ-поконъ вѣка, *како строити домъ* и весь свой бытъ: священникъ Сильвестръ или кто другой — это все равно... Здѣсь выражалась не личность, а все общество, почему и собирателемъ кодекса явился именно священникъ, какъ личность въ полномъ смыслѣ общественная. Поученіе и наказаніе, «како жити христіаномъ», изъ котораго возродился и развилъ свои положенія Домострой, искони было прямымъ дѣломъ духовныхъ отцовъ, иначе назвать — духовниковъ народа. Священникъ — духовникъ, особенно въ первое время, былъ единственнымъ, исключительнымъ источникомъ ученія и наказанія; къ нему обращались со всѣми житейскими недоразумѣніями, со всѣми вопросами, какіе только внушались благочестивою мыслью, какъ устроить свое спасеніе и эту временную погибельную жизнь. Оттого духовный отецъ становится какъ бы членомъ семьи и при томъ самымъ почетнымъ членомъ. Естественно, что весь нравственный строй дома опирался на его поученіе... Съ самыхъ первыхъ временъ по принятіи Христовой вѣры духовные отцы упражнялись въ составленіи небольшихъ учи-

тельныхъ *словъ*. Эти слова и поученія сказывались въ церквахъ, распространялись въ спискахъ, наполняли особые сборники писаній: *Златоструи*, *Златоуста*, *Измарагды* и т. п., служившіе всегда настольными книгами въ каждомъ домѣ, желавшемъ ученія и назиданія. Почти всѣ такія *слова* были заимствованы у отцовъ церкви, переведены или передѣланы или же составлены *выборомъ* (избрано отъ всѣхъ книгъ) цѣлыхъ фразъ и реченій, пригодныхъ для назидательной цѣли. Въ этомъ отношеніи Домострой представляетъ для насъ новый интересъ: онъ является цвѣтомъ нашей старой книжной образованности, именно ея поучительной стихіи... Въ практическомъ, жизненномъ смыслѣ онъ явился цвѣтомъ и сокомъ русской нравственности, воздѣланной въ теченіи вѣковъ на почвѣ писанія и на почвѣ исконивѣчныхъ бытовыхъ идеаловъ» [1]).

Въ составѣ Домостроя различаются пять главныхъ отдѣловъ: 1) како вѣровати, 2) какъ чтить царя и вообще свѣтскую власть, 3) какъ чтить святительскій и вообще духовный чинъ, или духовную власть, 4) како жити въ міру, или наказъ о мірскомъ строеніи, и 5) хозяйственный, экономическій наказъ о домовомъ строеніи.

Центромъ всѣхъ поученій Домостроя является личность родителя, какъ главы дома, какъ нравственно и имущественно большаго, или настоящаго въ домѣ. Всѣ другія лица дома служили какъ бы необходимою об-

---

[1]) *И. Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII стол. М. 1869, стр. 39, 40, 41.

становкой, необходимымъ придаткомъ этой *настоящей* личности. Но, непомѣрно возвышая и освящая въ лицѣ родителя домашнюю власть, Домострой возлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на главу дома и великую нравственную обязанность строить и охранять нравы дома, а равно и великую нравственную отвѣтственность во всемъ, совершающемся въ домѣ — не только со стороны собственныхъ чадъ, но и со стороны и всѣхъ домочадцевъ. Глава дома несетъ великую отвѣтственность предъ Богомъ за это нравственное тѣло, называемое домомъ: онъ одинъ за всѣхъ долженъ «отвѣтъ дати въ день Страшнаго суда». Эта священная обязанность и великая отвѣтственность сами собою уже давали владыкѣ дома самыя полныя и самыя широкія, безпрекословныя права поступать въ домѣ единственно только по своей собственной волѣ. Предъ лицомъ домовладыки всѣ были дѣтьми, не исключая и ихъ матери, или его жены. Равновѣсія отношеній между мужемъ и женой Домострой и не предчувствуетъ; жена съ одной стороны— первый изъ домочадцевъ, какъ первый и ближайшій слуга мужа, на обязанности котораго лежитъ весь домашній обиходъ, а съ другой—она старшій изъ дѣтей, правая рука мужа. Мужъ, господарь дома, оставался единственнымъ несомнѣнно самостоятельнымъ, полнымъ лицомъ; на немъ одномъ утверждался и союзъ общежитія. Родительская опека, какъ единая нравственная сила, державшая весь строй нашего древняго общества, и помимо писаннаго ученія, должна была водворить въ умахъ непреложное убѣжденіе, что *воля старшаго есть законъ для младшихъ.*

Теперь обратимся къ болѣе подробному ознакомленію съ содержаніемъ Домостроя и начнемъ съ предписаній религіозныхъ.

Указавъ, во что долженъ вѣровать всякій православный хрпстіанинъ (во св. Троицу, въ Пречистую Богородицу, въ воскресеніе мертвыхъ и пр.), Домострой тутъ же, наряду съ этими догматическими основами христіанской вѣры даетъ наставленія о томъ, какъ прикладываться къ образамъ, какъ есть просфору, какъ христосоваться и т. п. «Прикладываться ко кресту или къ образу слѣдуетъ помолившись, перекрестяся, духъ въ себѣ удержавъ, а губами не плюскать... А просфору и все освященное вкушать бережно съ вѣрою и со страхомъ, крохи на земь не уронити, а зубами не откусывать, какъ прочіе хлѣбы, а уламывая кусочками класть въ ротъ, а ѣсть зубами... Если съ кѣмъ о Христѣ цѣлованіе сотворить, также — духъ въ себѣ удержавъ поцѣловаться, а губами не плюскать»...

Домострой совѣтуетъ также обращаться почаще за наставленіями къ духовному отцу. «Подобаетъ чтить и повиноваться ему во всемъ и каяться предъ нимъ со слезами, и исповѣдать ему свои грѣхи, и заповѣди его хранить и епитиміи исправлять. А призывать его къ себѣ въ домъ часто и къ нему приходить и извѣщаться ему всегда по совѣсти, и наставленіе его съ любовію принимать и слушаться его во всемъ и чтить его, бить челомъ ему низко, совѣтоваться съ нимъ часто о житейскихъ дѣлахъ, какъ учить и любить мужу жену свою, и чадъ, и рабъ»...

Кто не живетъ благочестиво, того, по вѣрованію

предковъ нашихъ, постигало Божье наказаніе, между прочимъ, разныя несчастія и болѣзни. Врачеваться отъ болѣзни Домостроѝ совѣтуетъ молитвою и милостынею. «Если Богъ пошлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, то врачеваться Божіею милостью, да слезами и молитвою, и постомъ, и милостынею къ нищимъ, да истинным покаяніемъ... Если кого чѣмъ обидѣлъ,— отдать вдвое и впредь не обидѣть, да отцовъ духовныхъ, священниковъ и монаховъ, просить помолиться, и молебны пѣть, и воду святить честнымъ животворящимъ крестомъ, и масломъ святиться, да по святымъ мѣстамъ обѣщаться»...

Обыкновенно такъ и поступали наши предки, но иногда прибѣгали совсѣмъ къ другимъ средствамъ, которыя сильно порицаются въ Домостроѣ. «Видя Божіе наказаніе на себѣ и болѣзни тяжкія за премногіе грѣхи наши и оставя Бога, создавшаго насъ, и милости, и прощенія грѣховъ не требуя отъ Него, призываемъ къ себѣ чародѣевъ и кудесниковъ, да волхвовъ, да зелейниковъ съ кореньями. Отъ нихъ чаемъ себѣ помощи временныя и готовимъ себя дьяволу во вѣки мучиться. О безумные! Не разсуждаемъ о своихъ грѣхахъ, за что Богъ насъ наказываетъ, не каемся въ нихъ, не оставляемъ всякихъ неподобныхъ дѣлъ, но желаемъ тлѣннаго и временнаго».

Къ числу грѣховъ, за которые постигаетъ людей Божіе наказаніе, относятся въ Домостроѣ, между прочимъ, и слѣдующее: пѣсни бѣсовскія, плясанія, скаканіе, гудскіе (музыка), трубы, бубны, сопѣли. Возстаетъ Домострой и противъ травли звѣрей, противъ псовыхъ

и птичьихъ охотъ, противъ гаданій и волхвованій, которыя были въ тѣ времена въ большомъ ходу. Даже смѣхъ—и тотъ подвергался осужденію суроваго наставника. Въ тѣ времена истинно благочестивою жизнью считалась жизнь иноческая, и все, признававшееся грѣховнымъ въ монастырѣ, считалось дурнымъ и въ мірской жизни. Уподобить свое домашнее житье монастырскому насколько можно болѣе—составляло верхъ желанія благочестивыхъ людей. Въ зажиточныхъ домахъ отдѣльная «храмина», уставленная образами, служила главнымъ мѣстомъ, куда собиралась семья и домочадцы для молитвы; а у богатыхъ бояръ были даже свои домовыя церкви. «Въ дому своемъ,—говорится въ Домостроѣ,—всякому христіанину во всякой храминѣ святые и честные образа ставить на стѣнахъ, устроивъ боголѣпно мѣсто со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильниками, на которыхъ зажигаются свѣчи передъ образами. Послѣ молитвы и пѣнія погашаются и завѣсой закрываются отъ нечистоты и пыли. Всегда чистымъ крылышкомъ или мягкою губкою вытирать ихъ .. На славословіи Божіемъ и на святомъ пѣніи и на молитвѣ свѣчи зажигать и кадить благовоннымъ ладономъ»... Передъ иконами въ «храминѣ» Домострой совѣтуетъ мужу съ женою, съ дѣтьми и съ домочадцами, кто грамотѣ умѣетъ, ежедневно отпѣть вечерню, повечерницу, полунощницу, а утромъ отпѣть заутреню и часы, въ праздничные же дни и молебенъ.

Но нельзя ограничиваться одною домашнею молитвою: Домострой совѣтуетъ какъ можно чаще ходить въ церковь и приносить съ собою по возможности

свѣчи, ладонъ, просфоры и все прочее, необходимое для богослуженія. Подробно говорится и о томъ, какъ надо стоять въ церкви: «Въ церкви стоять со страхомъ и съ молчаніемъ молиться... При богослуженіи ни съ кѣмъ не бесѣдовать, со вниманіемъ слушать божественное пѣніе и чтеніе, не озираться, ни на стѣну не прекланяться, ни къ столпу; ни съ посохомъ не стоять, ни съ ноги на ногу не переступать». Далѣе подробно указывается, о комъ и о чемъ слѣдуетъ молиться, какъ творить крестное знаменіе, какъ складывать при этомъ персты, причемъ молящійся долженъ имѣть «моленіе въ устахъ, въ сердцѣ умиленіе и сокрушеніе о грѣхахъ, изъ очей испускать слезы, а изъ души воздыханіе».

Домострой указываетъ и на важнѣйшія христіанскія обязанности — милосердіе и милостыню. «Больныхъ и заключенныхъ посѣщай, милостыню по мѣрѣ возможности раздавай; всякаго скорбнаго, и нищаго, и нуждающагося не презри, а введи въ домъ свой, напой, накорми, согрѣй, одѣнь. Молитвами ихъ очистишь душу свою отъ грѣховъ и Бога умилостивишь. Родителей своихъ умершихъ поминай».

Къ высшимъ, священнымъ обязанностямъ человѣка относится и уваженіе къ царской власти. «Царя бойся,— говоритъ Домострой,—и служи ему вѣрно, и всегда о немъ Бога моли, отнюдь не криви передъ нимъ душою, но покорно всегда истину отвѣчай ему, какъ самому Богу, во всемъ повинуйся ему, — такъ научишься и Небеснаго Царя бояться... Также и князьямъ покоряйся и должную честь воздавай имъ. Апостолъ Павелъ

говоритъ: всѣ власти отъ Бога; кто власти противится, тотъ Божію повелѣнію противится. А царю и князю, и всякому вельможѣ не тщися служить ложью, клеветою и лукавствомъ. Погубитъ Богъ всѣхъ, говорящихъ ложь. Старѣйшимъ тебя честь воздавай; среднихъ какъ братью почитай; маломощныхъ и скорбныхъ съ любовью привѣтствуй; юнѣйшихъ какъ дѣтей люби и всякому созданію Божію не лихъ буди. Славы земной ни въ чемъ не желай, вѣчныхъ благъ проси у Бога, всякую скорбь и притѣсненіе терпи, за обиды не мсти, зла за зло не воздавай«.

Умѣнье всѣмъ угодить, со всѣми ужиться высоко цѣнится Домостроемъ: со всѣми должно вести себя такъ, чтобы не только не возбудить ни въ комъ вражды къ себѣ, не наложить себѣ непріятностей, но заслужить у всѣхъ расположеніе и доброе мнѣніе о себѣ. Ради этого Домострой позволяетъ даже иногда и покривить душой. «Если людямъ твоимъ случится съ кѣмъ-либо поссориться, то ты брани своихъ, хотя бы они были и правы,—этимъ и ссору прекратишь, и вражды не будетъ». За столомъ въ гостяхъ Домострой предписываетъ хвалить всѣ кушанья, хотя бы они были дурны: «не подобаетъ говорить: гнило или кисло, или прѣсно, или солоно, или горько, но слѣдуетъ всякое кушанье хвалить и съ благодарностію вкушать». Особенно совѣтуется гостепріимство и хлѣбосольство: ласково принять гостя, хорошо угостить его—считалось самою священною обязанностью. Во время пировъ Домострой совѣтуетъ особенно бережно обращаться съ гостями: надобно было не только всячески ублажать ихъ и уго-

щать, но и заботиться, чтобы они, вслѣдствіе обильнаго угощенія, не потерпѣли какого ущерба. Для этого Домострой совѣтуетъ всякому хозяину, устраивающему пиръ, назначать на это время особаго *бережнаго* человѣка (который не долженъ былъ пить): онъ обязанъ былъ оберегать пьянаго гостя, чтобы тотъ не потерялъ чего, не избился, не побранился съ кѣмъ либо изъ другихъ гостей, не подрался и проч. Предостерегая оть пьянства, Домострой говоритъ: «Если упьешься допьяна и тутъ же уснешь, гдѣ пилъ, и не доглядитъ за тобой хозяинъ, у котораго на пиру не одинъ ты, а много гостей, то можешь платье на себѣ изгрязнить, шапку изорвать, и деньги изъ мошны у тебя вынутъ—и хозяину, у котораго ты пилъ, кручина не малая, а тебѣ еще большая, а отъ людей срамота,—и скажутъ тебѣ: видишь ли, каковъ срамъ и ущербъ твоему имѣнію отъ большаго пьянства!—Если же ты поѣдешь съ пира, а на дорогѣ уснешь, то и того хуже: возьмутъ у тебя все, что имѣешь, платье снимутъ съ тебя и рубахи даже не оставятъ на тебѣ».—«Когда званъ будешь на бракъ, то не упивайся допьяна и не засиживайся поздно, потому что въ пьянствѣ и долгомъ сидѣніи бываетъ брань, свара, бой, кровопролитіе. Не говорю не пить вовсе,—нѣтъ! но говорю не упиваться: я дара Божія не хулю, но хулю пьющихъ безъ воздержанія».

Указываетъ Домостроій и на правила приличія: гость не долженъ садиться самъ, безъ приглашенія хозяина, на почетное мѣсто, а напротивъ долженъ скромно сѣсть на послѣднемъ мѣстѣ и только тогда пересѣсть

на лучшее, когда хозяинъ попроситъ: «За обѣдомъ—не кашлять, не плевать, не сморкаться; а если ужъ понадобится, то, отошедъ въ сторону, вычистить носъ или откашляться вѣжливо; а придется плюнуть, то сдѣлать это, отворотясь отъ людей, да ногой потереть».

Въ семьѣ, по Домострою, все должно быть вполнѣ подчинено главѣ дома, хозяину. Жена, дѣти и слуги должны «все творить по его приказанію». Только съ разрѣшенія мужа, жена могла ходить даже въ церковь, а тѣмъ болѣе въ гости; во всемъ она должна была спрашивать его совѣта не только по хозяйству, но даже—о чемъ говорить съ гостьями. Чувство страха считалось главнымъ средствомъ къ водворенію семейнаго благочинія, и потому наказанія были въ большомъ ходу. «Если жена или сынъ или дочь не слушаетъ приказаній и наставленій и не боится, то мужъ или отецъ долженъ учить ихъ уму разуму и плетію постегать, по винѣ смотря и не передъ людьми; а поучивъ примолвить и пожаловать и никакъ не гнѣваться другъ на друга. А про всякую вину по уху и по лицу не бить, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть... Кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, многія притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнетъ, и главоболіе, и зубная болѣзнь... А плетью съ наказаніемъ бить—и разумно, и больно, и страшно, и здорово... А только если великая вина,—за ослушаніе и небреженіе, то плетію вѣжливенько бить, за руки держа, по винѣ смотря, да побивъ и примолвить, а гнѣвъ никакъ бы не былъ».

Въ каждомъ зажиточномъ домѣ въ Москвѣ было множество слугъ, и домашнее хозяйство было большое и сложное: хозяйкѣ было тогда чѣмъ заняться дома. Домострой представляетъ намъ образецъ «порядливой хозяйки», которая для всѣхъ слугъ должна была служить примѣромъ трудолюбія и усердія. Она не должна была допускать того, чтобы ее будили слуги; напротивъ она должна была будить ихъ. Проснувшись съ разсвѣтомъ хозяйка должна дать всѣмъ людямъ работу и указать порядокъ на весь день; причемъ она не только должна смотрѣть за другими, но и сама знать, какъ всякое дѣло дѣлается, чтобы имѣть возможность указать другимъ. Она не должна была и сама сидѣть сложа руки. «Мужъ ли придетъ, гостья ли обычная—всегда бы надъ рукодѣліемъ сидѣла», и съ гостьми бесѣдовать ей слѣдовало «о рукодѣльѣ и домашнемъ строеніи, какъ порядокъ вести и какое рукодѣльице сдѣлать, и кто что укажетъ, на томъ низко челомъ бить».

Бережливость и скопидомство считаются необходимыми свойствами хорошей хозяйки. «Придется дѣлать рубахи или женскія платья, то все самой (хозяйкѣ) кроить или дать при себѣ кроить, и всякіе остатки и обрѣзки—все было бы прибрано: мелкое въ мѣшечкахъ а остатки сверчены и связаны, и все было бы припрятано. Понадобится починить старое платье,—и есть куски, и не надо отыскивать матеріи на рынкѣ; а если придется по рынку искать, то устанешь подбираючи; приберешь, то втрое заплатишь, а то и совсѣмъ не

приберешь». Въ другомъ мѣстѣ говорится: «Всякое платье верхнее и нижнее должно быть вымыто, а ветхое зашито и заплатано,—тогда и людямъ пригоже посмотрѣть, и себѣ мило и прибыльно, и сиротинѣ можно дать во спасеніе души».

Такая же бережливость и предусмотрительность приписывается хозяйкѣ и въ другихъ хозяйственныхъ расходахъ: она должна знать, какъ муку сѣять, какъ квашню поставить, какъ тѣсто мѣсить, какъ печь хлѣбы, пироги, калачи и проч., и сколько выйдетъ чего изъ четверти, изъ осьмины, и сколько высѣвокъ, должна знать «мѣру и счетъ во всемъ и беречь все: когда хлѣбы печь, тогда и платье мыть,—дровамъ неубыточно»...

Весь сложный хозяйственный обиходъ богатаго дома до мельчайшихъ подробностей указанъ Домостроемъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ котораго въ концѣ прибавлена даже очень подробная роспись, какія кушанья въ какіе дни должно подавать. Трудны были тогда обязанности хозяйки дома—жены; за то великая честь и похвала той, которая управится съ ними. «Если Богъ даруетъ кому жену добрую, дороже она камня многоцѣннаго. Жена добрая, трудолюбивая и молчаливая—вѣнецъ мужу своему. Блаженъ мужъ такой жены».

Кромѣ хозяйства на обязанности женъ-матерей лежало и воспитаніе дѣтей. Мать вскармливала своихъ дѣтей. Затѣмъ старались внушить имъ страхъ Божій и духъ благочестія. Дочекъ мать пріучала къ разнымъ рукодѣліямъ и хозяйству. Мальчиковъ въ зажиточныхъ

семьяхъ учили грамотѣ, разнымъ «промысламъ» и «вѣжеству»—умѣнью обходиться съ людьми. Страхъ наказанія служилъ главнымъ средствомъ при воспитаніи. «Казни сына своего отъ юности его, и онъ успокоитъ тебя на старость твою. И не ослабѣй, бія младенца. Если его жезломъ бьешь, то не умретъ, но здравѣе будетъ: бія его по тѣлу ты душу его избавляешь отъ смерти. Если дочь имѣешь, положи и на нее свою грозу»...

Образецъ благовоспитаннаго юноши взятъ въ Домостроѣ изъ поученія св. Василія Великаго. «Юноша долженъ имѣть душевную чистоту, походку скромную, голосъ умильный, рѣчь пристойную; при старѣйшихъ долженъ молчать, мудрѣйшихъ слушать; къ равнымъ себѣ и меньшимъ любовь имѣть нелицемѣрную, мало говорить, но много разумѣть, не избыточествовать бесѣдою, не дерзку быть на смѣхъ, стыдливостью украшаться, долу зрѣніе имѣть, горѣ же душу»...

Какъ только сынъ достигалъ совершеннолѣтія, родители старались женить его. Еще болѣе хлопотали о выдачѣ замужъ дочерей. Въ Домостроѣ мы находимъ такіе совѣты относительно этого предмета:

У кого родится дочь, тому слѣдуетъ съ первыхъ же дней ея жизни думать о приданомъ,—отчислять въ ея пользу часть всякаго прибытка, откладывать на ея долю полотна, разныя матеріи, дорогія украшенія, утварь и проч. Такъ понемногу, незамѣтно, безъ особенныхъ лишеній, «себѣ не въ досаду», и составится приданое. «Ростутъ дочери и страху Божію и вѣже-

ству учатся, и приданое прибываетъ: какъ замужъ сговорятъ, все и готово. А умретъ дочь по волѣ Божіей, приданое пойдетъ на поминъ ея души».

За слугами Домострой совѣтуетъ зорко слѣдить и не довѣрять имъ, чтобы не крали, не обманывали, но вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ заботиться объ нихъ, хорошо кормить и одѣвать ихъ. Чрезъ слугъ нерѣдко возникали ссоры, и потому Домострой особенно настойчиво совѣтуетъ предупреждать сплетни слугъ. «Слугамъ своимъ заповѣдуй о людяхъ не переговаривать, и если слуги были гдѣ и видѣли что недоброе, того не сказывали бы дома, и что дома дѣлается, того у чужихъ людей не разсказывали бы. Если придется, посылать куда сына или слугу—сказать что-либо или сдѣлать, то ты вороти его и выспроси, и только когда онъ повторитъ все передъ тобою, какъ ты ему сказывалъ, тогда пошли».

Слуга пришедъ къ дому, куда посланъ, у воротъ долженъ легонько постучать, а когда пойдетъ по двору и станутъ его спрашивать, съ какимъ дѣломъ идетъ, то слуга не долженъ былъ говорить или могъ отвѣтить любопытному: «Не къ тебѣ посланъ; а къ кому посланъ, съ тѣмъ мнѣ и говорить». У сѣней слуга долженъ ноги отереть, носъ высморкать и молитву Іисусову сотворить. Если аминя не дадутъ, то въ другой разъ сотворить молитву и въ третій. Какъ впустятъ, святымъ иконамъ поклониться дважды, а третій поклонъ хозяину отдать и править то дѣло, съ какимъ посланъ. Умный слуга, если гдѣ и услышитъ что-либо враждебное своему господину, скажетъ обратное; гдѣ

клянутъ и лаютъ, а онъ похвалитъ и благодареніе повѣдаетъ. Отъ такихъ умныхъ и вѣжливыхъ и благоразумныхъ слугъ промежъ добрыхъ людей любовь сводится, и такихъ умныхъ слугъ берегутъ и жалуютъ, какъ дѣтей своихъ, и совѣтуются съ ними обо всемъ.

Мы уже видѣли выше, что Домострой не написанъ и не составленъ, а только записанъ и собранъ Сильвестромъ. Но послѣдняя глава въ Домостроѣ, начинающаяся такъ: «Благословеніе отъ Благовѣщенскаго попа Сильвестра возлюбленному моему единородному сыну Анфину», безспорно принадлежитъ самому Сильвестру. Это поученіе сыну, подкрѣпленное собственнымъ примѣромъ и очень напоминающее поученіе Владиміра Мономаха, составляетъ совершенно отдѣльное сочиненіе отъ собственно такъ-называемаго Домостроя, уже разсмотрѣннаго нами въ общихъ чертахъ. Вотъ это поученіе:

«Сынъ мой! ты имѣешь на себѣ и святительское благословленіе, и жалованіе государя царя, государыни царицы, братьевъ царскихъ и всѣхъ бояръ, и съ добрыми людьми водишься, и со многими иноземцами большая у тебя торговля и дружба. Ты получилъ все доброе: такъ умѣй совершать о Богѣ, какъ начато при нашемъ попеченіи. Имѣй вѣру къ Богу, все упованіе возлагай на Господа, прибѣгай всегда съ вѣрою къ Божіимъ церквамъ: заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не пропивай; павечерницу, полунощницу и часы ты долженъ пѣть каждый день въ своемъ домѣ; если возможно по времени, прибавишь правила, — это отъ тебя зависитъ: большую милость

отъ Бога получишь. Въ церкви и дома на молитвѣ самому, женѣ, дѣтямъ и домочадцамъ стоять со страхомъ, не разговаривать, не озираться; читать единогласно, чисто, не вдвое. Священническій и иноческій чинъ почитай; повинуйся отцу духовному; въ домъ свой призывай священниковъ служить молебны. Въ церковь приходи съ милостынею и съ приношеніемъ. Церковниковъ, нищихъ, малолѣтнихъ, бѣдныхъ, скорбныхъ, странствовавшихъ призывай въ домъ свой, по силѣ накорми, напой, согрѣй, милостыню давай въ дому, въ торгу, на пути. Помни, сынъ, какъ мы жили: никогда никто не вышелъ изъ дому нашего тощь или скорбенъ. Имѣй любовь нелицемѣрную ко всѣмъ, не осуждай никого, не дѣлай другому, чего самъ не любишь, и больше всего храни чистоту тѣлесную да возненавидь хмѣльное питье; Господа ради отвергни отъ себя пьянство: отъ него рождаются всѣ злые обычаи. Если отъ этого сохранитъ тебѣ Господь, то все благое и полезное отъ Бога получишь, отъ людей честенъ будешь и душѣ твоей просвѣтъ сотворишь на всякія добрыя дѣла. Жену люби и въ законѣ съ ней живи; что самъ дѣлаешь, тому же и жену учи: всякому страху Божію, всякому знанію и промыслу, рукодѣлью и домашнему обиходу, всякому порядку (порядне). Умѣла бы сама и печь и варить, всякую домашнюю *порядню* знала бъ и всякое женское рукодѣлье; хмѣльнаго питья отнюдь бы не любила, да и дѣти и слуги у ней также бы его не любили; безъ рукодѣлья жена ни на минуту бъ не была, также и слуги. Съ гостями у себя и въ гостяхъ отнюдь

бы не была пьяна, съ гостями вела бы бесѣду о рукодѣльѣ, о домашнемъ порядкѣ, о законной христіанской жизни, а не пересмѣивала бы, не переговаривала бы ни о комъ; въ гостяхъ и дома пѣсней бѣсовскихъ и всякаго срамословія ни себѣ, ни слугамъ не позволяла бы; волхвовъ, кудесниковъ и никакого чарованія не знала бы. Если жена не слушается, всячески наказывай страхомъ, а не гнѣвайся; наказывай наединѣ, да наказавъ примолви и жалуй и люби ее. Также дѣтей и домочадцевъ учи страху Божію и всякимъ добрымъ дѣламъ. Домочадцевъ своихъ одѣвай и корми достаточно. Ты видѣлъ, какъ я жилъ въ благоговѣніи и страхѣ Божіи, въ простотѣ сердца, въ церковномъ прилежаніи со страхомъ всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ; ты видѣлъ, какъ я былъ отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ; всякому старался я угодить, ни передъ кѣмъ не гордился, никому не прекословилъ, никого не осуждалъ, не просмѣивалъ, ни укорялъ, ни съ кѣмъ не бранился; приходила отъ кого обида—терпѣлъ и на себя вину полагалъ: отъ того враги дѣлались друзьями. Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія; нищаго, страннаго, скорбнаго никогда не презрѣлъ; заключенныхъ въ темницы, плѣнныхъ, должныхъ выкупалъ, голодныхъ кормилъ; рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и чужихъ рабовъ выкупалъ. И всѣ эти рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, и молятъ за насъ Бога, и добра хотятъ намъ всегда. Теперь домочадцы наши всѣ свободные живутъ у насъ по своей волѣ. Видѣлъ ты, сколько я сиротъ, и рабовъ, и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, въ Нов-

городѣ и Москвѣ вскормилъ и воспоилъ до совершеннаго возраста, научилъ, кто къ чему былъ способенъ: многихъ грамотѣ, писать, пѣть; иныхъ иконному писанію, другихъ книжному рукодѣлію; однихъ серебряному мастерству, другихъ другому какому-нибудь рукодѣлію; нѣкоторыхъ выучилъ торговать. Также и мать твоя многихъ дѣвицъ, сиротъ и бѣдныхъ воспитала, выучила и, падѣливъ, замужъ отдавала; а мужчинъ мы пожснили у добрыхъ людей. Многіе изъ нихъ въ священническомъ и дьяконскомъ чину, въ дьякахъ, подъячихъ и во всякихъ чинахъ, кто чего дородился и въ чемъ кому благоволилъ Богъ. Во всѣхъ этихъ нашихъ вскормленникахъ и послужпвцахъ ни сраму, ни убытка, никакой продажи отъ людей, ни людямъ отъ насъ, ни тяжбы ни съ кѣмъ не бывало; а отъ кого изъ нихъ досада и убытки большіе бывали, то все на себѣ понесено, никто того не слыхалъ, а намъ то Богъ исполнилъ. И ты, сынъ, также дѣлай: на себѣ всякую обиду понеси и претерпи: Богъ сугубо исполнитъ. Гостей пріѣзжихъ у себя корми; а на сосѣдствѣ и съ знакомыми любовно живи, о хлѣбѣ, о соли, о доброй сдѣлкѣ, о всякой ссудѣ. Поѣдешь куда въ гости, поминки (подарки) недорогіе вези за любовь. А въ пути отъ стола подавай домохозяевамъ и приходящимъ, сажай ихъ съ собою за столъ и питейца также подавай; а маломочнымъ милостыню давай. Если такъ будешь дѣлать, то вездѣ тебя ждутъ и встрѣчаютъ, въ путь провожаютъ отъ всякаго лиха берегутъ, на стану не подадутъ, на дорогѣ не разобьютъ. Кормятъ вотъ для чего: добраго за добро, а лихаго отъ лиха, чтобъ на

добро обратился. Во всемъ этомъ убытка нѣтъ: въ добрыхъ людяхъ хлѣбъ-соль заемное дѣло, и поминки тоже, а дружба вѣчная и слава добрая. На дорогѣ, въ пиру, въ торговлѣ отнюдь самъ брани не начинай, а кто выбранитъ, терпи Бога ради. Если людямъ твоимъ случится съ кѣмъ-нибудь брань, то ты на своихъ бранись; а будетъ дѣло кручиновато, то и ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ: тѣмъ брань утолишь, также убытка и вражды не будетъ. Недруга напоить и накормить,—то вмѣсто вражды дружба. Вспомни великое Божіе милосердіе къ намъ и заступленіе отъ юности и до сего времени на поруку я не давалъ никого, ни меня никто не давалъ, на судѣ не бывалъ ни съ кѣмъ. Видѣлъ ты самъ: мастеровъ всякихъ было много, деньги давалъ я имъ на рукодѣлье впередъ, много было изъ нихъ смутьяновъ и бражниковъ: но со всѣми съ тѣми въ сорокъ лѣтъ разстался я безъ остуды, безъ пристава, безо всякой кручины. Все то мирено хлѣбомъ да солью, да питьемъ, да подачею, да своимъ терпѣніемъ. А самъ у кого что покупалъ, продавцу отъ меня милая ласка, безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ и соль сверхъ. Отсюда дружба вовѣкъ: мимо меня не продастъ, худаго товара не дастъ. Кому что продавывалъ, все въ любовь — не въ обманъ; не понравится кому мой товаръ, назадъ возьму и деньги отдамъ, о куплѣ и продажѣ ни съ кѣмъ брани и тяжбы не бывало,—оттого добрые люди во всемъ вѣрили, иноземцы и здѣшніе. Никому ни въ чемъ не солгано, ни манено, ни пересрочено; ни кабалы, ни записи на себя ни въ чемъ не давывалъ, ложь никому ни въ чемъ не быва-

ла. Видѣлъ ты самъ, какія большія сплетки со многими людьми бывали; — да все, далъ Богъ, безъ вражды кончалось. А вѣдаешь и самъ, что не богатствомъ жито съ добрыми людьми: правдою да ласкою да любовью, а не гордостію, и безо всякой лжи».

«Въ этомъ наставленіи, въ этомъ указаніи на свой образъ мыслей и жизни Сильвестръ обнаруживается передъ нами вполнѣ. Мы понимаемъ то впечатлѣніе, какое долженъ былъ производить на современниковъ подобный человѣкъ: благочестивый, трезвый, кроткій, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господинъ, любившій устраивать судьбу своихъ домочадцевъ, человѣкъ, съ которымъ каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло — вотъ Сильвестръ! Таковъ именно долженствовалъ быть этотъ человѣкъ: иначе мы не поймемъ его нравственнаго вліянія надъ молодымъ царемъ, не поймемъ того, какъ простой священникъ могъ собрать около себя остатки боярства... Не смотря на то, что наставленіе Сильвестра сыну, носитъ повидимому, религіозный христіанскій характеръ, нельзя не замѣтить, что цѣль его—научить житейской мудрости: кротость, терпѣніе и другія христіанскія добродѣтели предписываются какъ средства для пріобрѣтенія выгодъ житейскихъ, для пріобрѣтенія людской благосклонности. Предписывается доброе дѣло, — и сейчасъ же выставляется на видъ матеріальная польза отъ него; предписывается уступчивость, уклоненіе отъ вражды, и основываясь при этомъ, повидимому, на христіанской заповѣди, Сильвестръ доходитъ до того, что предписываетъ человѣкоугодничество, столь противное хри-

стіанству: «ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ: этимъ брань утолишь, убытка и вражды избудешь». Вотъ слѣдствіе того, что христіанство понято не въ духѣ, а въ плоти! Сильвестръ считаетъ добрымъ дѣломъ освободить рабовъ, хвалится, что у него всѣ домочадцы свободны, живутъ по своей волѣ, — и въ то же время считаетъ позволительнымъ бить домочадца, хотя бы онъ и справедливъ былъ: хочетъ исполнить форму, а духа не понимаетъ; не понимаетъ, что христіанство, ученіе божественное и вѣчное, не имѣетъ дѣла съ формами преходящими, дѣйствуетъ на духъ, на его очищеніе, и посредствомъ этого очищенія дѣйствуетъ уже и на улучшеніе формъ. — Что смѣшеніе чистаго съ нечистымъ, смѣшеніе правилъ мудрости небесной съ правилами мудрости житейской мало приноситъ и житейской пользы человѣку, видно всего лучше изъ примѣра Сильвестра. Онъ говорилъ сыну: «Подражай мнѣ! смотри, какъ я отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ, потому что всѣмъ уноровилъ». Но подъ конецъ вышло, что не всѣмъ уноровилъ, ибо всѣмъ уноровить — дѣло невозможное: истинная мудрость велитъ работать одному господину» [1]).

---

[1]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи. Томъ седьмой. Изд. 3-е. М. 1870. Стр. 214, 215, 216.

XVII.

Славное покореніе Казани 1552 г.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ молодаго царя Іоанна Васильевича былъ походъ подъ Казань.

Мы видѣли, что, вслѣдствіе торжества Крымской партіи въ Казани, Шигъ-Алей, посаженный русскимъ правительствомъ, принужденъ былъ бѣжать изъ Казани. Первымъ дѣломъ возвратившагося въ нее Сафа-Гирея было избіеніе предводителей противной партіи: убиты были князья Чура, Кадышъ и другіе. Братья Чуры и еще человѣкъ 70 доброжелателей Москвы— или, что то же, Шигъ-Алея — успѣли спастись бѣгствомъ въ Москву. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Горная Черемиса прислала бить челомъ царю Іоанну, чтобъ онъ послалъ рать на Казань, а они хотятъ служить государю. Вслѣдствіе этого челобитья отправился въ походъ князь Александръ Борисовичъ Горбатый, воевалъ до устья Свіяги и привелъ въ Москву 100 человѣкъ Черемисы. Въ концѣ 1547 года Іоаннъ рѣшился самъ выступить въ походъ противъ Казани. Въ декабрѣ онъ выѣхалъ во Владиміръ, куда приказалъ везти за собою пушки. Онѣ были отправлены уже въ началѣ января слѣдующаго года съ большимъ трудомъ, потому что зима была теплая, вмѣсто снѣга шелъ все дождь, и обозы и пушки тонули въ грязи. Въ февралѣ самъ Іоаннъ выступилъ изъ Нижняго-Нов-

города и остановился на островѣ Работкѣ (въ 80-ти верстахъ за Нижнимъ). Въ это время наступила сильная оттепель, ледъ на Волгѣ покрылся водою, много пушекъ и пищалей провалилось въ рѣку, много людей потонуло въ продушинахъ, которыхъ не видно было подъ водою. Три дня простоялъ царь на островѣ Работкѣ, тщетно ожидая пути. Тогда, отпустивъ къ Казани князя Димитрія Ѳедоровича Бѣльскаго и приказавъ ему соединиться съ Шигъ-Алеемъ въ устьѣ Цивили, Іоаннъ возвратился въ Москву въ большихъ слезахъ и въ великой печали, что Богъ не сподобилъ его совершить похода. Бѣльскій соединился съ Шигъ-Алеемъ; и они вмѣстѣ подошли къ Казани. На Арскомъ полѣ ихъ встѣтилъ Сафа-Гирей, но былъ втоптанъ въ городъ передовымъ полкомъ, находившимся подъ начальствомъ князя Семена Микулинскаго. Семь дней послѣ того стояли воеводы подлѣ Казани, опустошая окрестности, и возвратились, потерявъ изъ знатныхъ людей убитымъ, Григорія Васильевича, Шереметева. Осенью казанцы напали на Галицкую волость подъ начальствомъ Арака-Богатыря; но костромской намѣстникъ Яковлевъ поразилъ ихъ на голову на берегахъ рѣчки Еговки, на Гусевомъ-полѣ, и убилъ Арака. Въ мартѣ 1549 года въ Москву пришла вѣсть о смерти Сафа-Гирея.

Медлительность московскаго правительства въ войнѣ съ Казанью во время малолѣтства Іоаннова, происходившая главнымъ образомъ отъ страха передъ ханомъ Крымскимъ, дорого стоила пограничнымъ областямъ сильно опустошеннымъ казанцами. Когда Каза нь

находилась въ рукахъ Сафа-Гирея, злѣйшаго врага русскихъ, она, по выраженію современниковъ, «допекала Руси, хуже Батыева разоренія: Батый только одинъ разъ протекъ русскую землю, словно горящая головня; а казанцы безпрестанно нападали на русскія земли, жгли, убивали и таскали людей въ плѣнъ». Набѣги ихъ сопровождались варварскими жестокостями: они выкалывали плѣнникамъ глаза, обрѣзывали имъ уши и носы, обрубали руки и ноги, вѣшали за ребра на желѣзныхъ крючьяхъ. Русскихъ плѣнниковъ у казанцевъ было такое множество, что ихъ продавали огромными толпами, словно скотъ, разнымъ восточнымъ купцамъ, нарочно пріѣзжавшимъ для этой цѣли въ Казань.

Смерть Сафа-Гирея, усилившая внутреннія волненія въ Казани, была весьма выгодна для московскаго царя, не говоря уже о томъ, что въ лицѣ его русскій народъ избавился отъ своего жесточайшаго врага. Царемъ казанскимъ былъ провозглашенъ двухлѣтній сынъ Сафа-Гирея, Утемишъ, подъ опекою матери Сююнъ-Беки [1]). Если Казань долгое время могла поддерживать свою независимость благодаря малолѣтству Іоанна, то теперь наоборотъ, когда Іоаннъ возмужалъ и обнаружилъ намѣреніе рѣшительно дѣйствовать противъ казанцевъ послѣдней, царемъ явился младенецъ. Казанцы, понимая невыгоду своего положенія, послали къ Крымскому хану просить у него помощи. Но московскіе ка-

---

[1]) Въ Казани до сихъ поръ уцѣлѣла башня называемая именемъ Сююнъ-Беки, или Сумбеки.

заки побили пословъ казанскихъ и переслали въ Москву грамоты, которыя послѣдніе везли въ Крымъ. Не видя помощи изъ Крыма казанцы въ іюлѣ 1549 года прислали къ Іоанну грамоту, въ которой отъ имени Утемишъ-Гирея писали о мирѣ. Царь отвѣчалъ, чтобы прислали къ нему для переговоровъ добрыхъ людей. Не дождавшись пословъ изъ Казани Іоаннъ 24-го ноября самъ выступилъ въ походъ съ роднымъ братомъ своимъ Юріемъ, оставивъ оберегать Москву двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича, и пришелъ подъ Казань уже въ февралѣ 1550 года. Однако и второй походъ Іоанна подъ Казань также не имѣлъ успѣха. Приступъ къ городу не удался: съ обѣихъ сторонъ было побито множество народа; а потомъ сдѣлалась распутица — настали вѣтры, дожди, большая слякоть [1]). Простоявъ подъ Казанью 11 дней Іоаннъ принужденъ былъ возвратиться въ Москву. Впрочемъ онъ не хотѣлъ на этотъ разъ возвратиться совершенно ни съ чѣмъ: по примѣру отца, основавшаго Васильсурскъ, онъ заложилъ на устьѣ Свіяги городъ Свіяжскъ. Дьякъ Иванъ Выродковъ отправился на Волгу, въ Углицкій уѣздъ, въ отчину князей Ушатыхъ, рубить лѣсъ для церквей и городскихъ стѣнъ и везти его на судахъ внизъ по Волгѣ; а для поставленія города отправились весною на судахъ царь Шигъ-Алей съ двумя главными воеводами — княземъ Юріемъ Бул-

[1]) «А дожди по вся дни быша, и теплота, и мокрота велика; рѣчки малыя попортило, а иныя и прошли» (Царственная Книга, 158).

гаковымъ и Данилою Романовичемъ Юрьевымъ, братомъ царицы Анастасіи. Туда же поѣхали съ войскомъ и казанскіе выходцы, которыхъ тогда въ Москвѣ было 500 человѣкъ. Князю Петру Серебрянному велѣно было идти изъ Нижняго на Казанскій посадъ. Казаки стали на всѣхъ перевозахъ по Камѣ, Волгѣ и Вяткѣ, чтобы воинскіе люди не ѣздили изъ Казани и въ Казань. Серебрянный въ точности и съ успѣхомъ исполнилъ приказъ: явился внезапно передъ Казанскимъ посадомъ, побилъ много людей и живыхъ побралъ, а также освободилъ многихъ русскихъ плѣнниковъ; 24-го мая Шигъ-Алей пришелъ воеводами на Свіягу. Тотчасъ начали очищать отъ лѣса мѣсто, гдѣ предположено быть городу. Когда очистили гору, то пропѣли молебенъ, освѣтили воду и обошли съ крестами по мѣсту будущихъ стѣнъ; потомъ обложили городъ и заложили церковь въ честь Рождества Богородицы и во имя Чудотворца Сергія. Лѣсу, привезеннаго сверху по Волгѣ, достало только на половину горы; другую половину приготовили тотчасъ же воеводы и дѣти боярскіе своими людьми. Построеніе города окончено было въ четыре недѣли [2]).

Построеніе города Свіяжска подъ-бокомъ у Казани было вторымъ шагомъ къ полному покоренію Казанскаго царства, какъ построеніе Васильсурска было первымъ шагомъ. Въ самомъ дѣлѣ, скоро не замедлили

---

2) *Свіяжскъ*, теперь уѣздный городъ Казанской губерніи, находится въ 32 верстахъ отъ Казани и стоитъ на возвышенномъ и красивомъ мѣстѣ.

оказаться слѣдствія построенія, новаго города. Горные Черемисы (то есть жившіе на правомъ, нагорномъ берегу Волги), увидавъ, что въ ихъ землѣ сталъ русскій городъ, начали пріѣзжать къ Шигъ-Алею и воеводамъ съ челобитьемъ, чтобы государь простилъ ихъ и велѣлъ имъ быть у Свіяжскаго городка, чтобы облегчилъ ихъ въ ясакѣ (оброкѣ) и далъ имъ свою жалованную грамоту о томъ, какъ имъ впредь быть. Государь далъ имъ грамоту съ золотою печатью и сложилъ съ нихъ ясакъ на три года, а Шигъ-Алею и воеводамъ приказалъ привести горную сторону къ присягѣ и послать Черемисъ войною на Казань, чтобы удостовѣриться въ томъ, останутся ли они вѣрными государю. Воеводы привели къ присягѣ Черемисъ, Чувашъ и Мордву и сказали имъ: «Вы присягнули государю, — такъ ступайте, покажите свою правду государю, воюйте его недруга (то есть казанцевъ)». Новые подданные московскаго государя собрались большими толпами, перевезлись на луговую (лѣвую) сторону Волги, пришли къ Казани на Арское поле и крѣпко бились съ крымцами, вышедшими къ нимъ на встрѣчу. Когда же изъ города вывезли пушки и пищали и начали стрѣлять, то Черемисы и Чуваши дрогнули и побѣжали, потерявъ 100 человѣкъ убитыми и 50 человѣкъ взятыми въ плѣнъ. Показавъ вѣрную службу русскому царю горные люди начали ѣздить по 500 — 600 человѣкъ въ Москву, гдѣ встрѣчали ласковый пріемъ у царя.

Построеніе Свіяжска и отпаденіе горной стороны усилило въ Казани московскую партію, противную

крымской: «начали розниться Казанцы съ Крымцами», говоритъ лѣтопись. Крымцы, опасаясь, что Казанцы при первомъ удобномъ случаѣ могутъ выдать ихъ русскимъ, собрались, пограбили все, что было можно, и побѣжали изъ Казани въ числѣ 300 человѣкъ, побросавъ женъ и дѣтей. Они бѣжали вверхъ по Камѣ и вошли въ Вятку. Но Вятскій воевода Зюзинъ поразилъ ихъ на голову и потопилъ; 46 человѣкъ были взяты въ плѣнъ, отосланы въ Москву и тамъ казнены смертію—«за ихъ жестокосердіе», говоритъ лѣтописецъ. Послѣ бѣгства крымцевъ, Казань очутилась въ рукахъ русской партіи. И вотъ къ Іоанну явились казанскіе послы съ челобитьемъ, чтобы онъ не вслѣлъ плѣнить ихъ, далъ бы имъ на царство Шигъ-Алея, а царя Утемишъ-Гирея съ матерью Сююнъ-Бекою взялъ къ себѣ. Іоаннъ отвѣчалъ, что пожалуетъ землю казанскую, если казанцы выдадутъ царя, царицу, остальныхъ крымцевъ и дѣтей, и освободятъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ. Алексѣй Адашевъ отправился въ Свіяжскъ объявить Шигъ-Алею что государь жалуетъ ему казанское царство съ луговою и арскою стороною, но горная сторона отойдетъ къ Свіяжску, какъ «взятая Божіимъ милосердіемъ да саблею» государя еще до челобитья казанцевъ. Шигъ-Алея сильно оскорбило это послѣднее условіе; но бояре прямо объявили ему, что оно не будетъ измѣнено ни подъ какимъ видомъ; то же самое было объявлено и казанскимъ вельможамъ, когда они начали было говорить, что землю раздѣлять не слѣдуетъ. Въ августѣ (1551 года) Шигъ-Алей посаженъ былъ въ

Казани и, согласно условію, освободилъ русскихъ плѣнниковъ—60,000 человѣкъ [1]).

Въ Казани опять начала усиливаться партія, противная русскимъ, вслѣдствіе тяжелыхъ условій, наложенныхъ московскимъ царемъ. Шигъ-Алею и вельможамъ казанскимъ нестерпимо было отдѣленіе горной стороны. Оставленные при Шигъ-Алеѣ, бояринъ Хабаровъ и дьякъ Выродковъ уже въ сентябрѣ дали знать государю, что русскіе плѣнные освобождены не всѣ, что Шигъ-Алей знаетъ это, но не обращаетъ на это вниманія, боясь волненія. Іоаннъ не могъ терпѣть того, чтобы русскіе люди томились въ плѣну въ подчиненномъ государствѣ; однако онъ надѣялся кроткими мѣрами, ласкою заставить Шигъ-Алея и казанцевъ исполнить предъявленныя имъ условія. Въ Казань поѣхали бояринъ князь Димитрій Палецкій и дьякъ Клобуковъ: они повезли царскіе подарки хану, ханшѣ, князьямъ казанскимъ и благодарность царю и землѣ казанской за службу; но вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были требовать освобожденія всѣхъ русскихъ плѣнныхъ въ противномъ случаѣ объявить, что государь терпѣть этого не будетъ. Между тѣмъ какъ Палецкій поѣхалъ въ Казань съ этимъ наказомъ, изъ Казани въ Москву пріѣхали послы съ челобитьемъ отъ Шигъ-Алея, чтобъ государь уступилъ ему горную сторону; если же онъ не хочетъ уступить всей стороны, то пусть дастъ хотя

---

[1]) Бывшій царь казанскій Утемишъ-Гирей крещенъ въ 1553 году подъ именемъ Александра и умеръ въ 1566 году.

нѣсколько оброковъ съ нея, и кромѣ того далъ бы клятву царю и землѣ казанской въ соблюденіи мира. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что не уступитъ съ горной стороны ни одной деньги, а клятву дастъ тогда, когда въ Казани освободятъ русскихъ плѣнниковъ—всѣхъ до одного человѣка. Возвратившись изъ Казани бояринъ Хабаровъ и дьякъ Выродковъ сообщили, что казанцы мало освобождаютъ плѣнныхъ, куютъ ихъ и прячутъ по ямамъ; а Шигъ-Алей не наказываетъ тѣхъ, у кого найдутъ плѣнниковъ, оправдываясь тѣмъ, что боится волненія. Ему доносятъ, что казанскіе князья ссылаются съ ногаями: онъ объ этомъ развѣдываетъ и дастъ знать государю. Дѣйствительно въ ноябрѣ, Шигъ-Алей и князь Палецкій дали знать, что казанскіе князья сносятся съ ногаями и хотятъ убить Шигъ-Алея и Палецкаго. Узнавъ о заговорѣ Шигъ-Алей предупредилъ заговорщиковъ, зазвалъ ихъ къ себѣ на пиръ и велѣлъ ихъ перебить, числомъ 70 человѣкъ; а другіе разбѣжались.

Необходимо было предпринять новыя, болѣе дѣйствительныя мѣры къ прекращенію волненій и безпорядковъ въ безпокойной Казани. Іоаннъ отправилъ въ Казань Алексѣя Адашева сказать Шигъ-Алею: «Самъ ты видишь измѣну казанцевъ,—они изначала лгутъ государямъ московскимъ, брата твоего Еналея убили, тебя самого нѣсколько разъ изгоняли и теперь хотѣли убить: нужно непремѣнно, чтобы ты укрѣпилъ городъ русскими людьми». Шигъ-Алей отвѣчалъ на это: «прожить мнѣ въ Казани нельзя: сильно я раздосадовалъ казанцевъ—обѣщалъ я имъ у царя и великаго князя

горную сторону выпросить. Если меня государь пожалуетъ, горную сторону дастъ, то мнѣ въ Казани жить можно, и пока я живъ, до тѣхъ поръ Казань государю крѣпка (вѣрна) будетъ. Если же у меня горной стороны не будетъ, то мнѣ бѣжать къ государю». Князь Палецкій и Адашевъ говорили ему на это: «если тебѣ къ государю бѣжать, то укрѣпи городъ русскими людьми (то есть русскимъ войскомъ)». Шигъ-Алей не соглашался на это: «я бусурманъ (мусульманинъ), не хочу на свою вѣру стать, и государю измѣнить не хочу же; ѣхать мнѣ некуда, кромѣ государя». Палецкій и Адашевъ отправились въ Москву, оставивъ въ Казани Ивана Черемиспнова съ отрядомъ стрѣльцовъ беречь Шигъ-Алея отъ казанцевъ. Пріѣхавъ на Свіягу Палецкій узналъ здѣсь, что въ народѣ ходятъ слухи: придетъ весна,—и казанцы измѣнятъ государю; а Шигъ-Алея не любятъ. Когда же казанцы измѣнятъ, тогда—увѣряли Палецкаго—и горную сторону нельзя будетъ удержать.

Очевидно, Казань не могла долго оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи. Дѣло приближалось къ развязкѣ. Послѣ кроваваго пира, устроеннаго Шигъ-Алеемъ, ненависть къ нему достигла высшей степени. Было бы очень неблагоразумно силою поддерживать ненавистнаго хана. Какъ же было лучше поступить въ этомъ случаѣ? Двинуть къ Казани большіе полки, не дожидаясь перваго движенія со стороны самихъ казанцевъ, значило ускорить кровавую развязку, подвергнуть явной опасности жизнь Шигъ-Алея и находившихся при немъ русскихъ стрѣльцовъ, а главное—дать ка-

занцамъ полное право къ возстанію; съ другой же стороны захватить городъ внезапно, безъ вѣдома хана, было нельзя,—а ханъ не хотѣлъ измѣнить бусурманству. Къ счастію, сами казанцы вывели Іоанна изъ затруднительнаго положенія. Ненависть къ Шигъ-Алею и въ то же время невозможность избавиться отъ него, невозможность борьбы съ Москвою навели казанцевъ на мысль предложить Іоанну полное подданство, лишь бы только онъ вывелъ отъ нихъ Шигъ-Алея. Смѣны ненавистнаго хана желали въ особенности тѣ враги его, которые спаслись отъ участи, постигшей товарищей ихъ на пиру ханскомъ, и которыхъ онъ обѣщалъ известп. Они снеслись съ казанскими послами, задержанными въ Москвѣ по просьбѣ Шигъ-Алея (такъ какъ были изъ числа главныхъ враговъ его), и рѣшились дѣйствовать чрезъ нихъ. Въ январѣ 1552 года эти послы явились къ Іоанну и объявили, что имъ есть приказъ отъ казанской земли просить государя, чтобы онъ свелъ царя Шигъ-Алея и далъ имъ въ намѣстники своего боярина. Если же государь не согласится на это, то казанцы будутъ добывать себѣ государя изъ другихъ земель. Въ февралѣ въ Казань отправился опять любимецъ государя, Алексѣй Адашевъ, чтобы свести съ царства Шигъ-Алея. Адашевъ объявилъ Шигъ-Алею, чтобы онъ пустилъ московскихъ людей въ городъ, а самъ пусть проситъ у государя, чего хочетъ. Шигъ-Алей отвѣчалъ по прежнему, что «бусурманскаго юрта не нарушитъ», но уѣдетъ въ Свіяжскъ, потому что въ Казани ему жить нельзя,—казанцы уже послали къ ногаямъ просить себѣ другаго царя. Зако-

лотивъ тайно нѣсколько пушекъ и отправивъ въ Свіяжскъ пищали и порохъ, Шигъ-Алей 6-го марта выѣхалъ изъ Казани на озеро ловить рыбу и взялъ съ собою многихъ князей, мурзъ, горожанъ и всѣхъ 500 стрѣльцовъ московскихъ. Выѣхавъ за городъ, онъ сталъ говорить казанцамъ: «хотѣли вы меня убить и били челомъ на меня царю и великому князю, чтобы меня свелъ за то, что я надъ вами лихо дѣлаю, и далъ бы вамъ намѣстника. Царь и великій князь велѣлъ мнѣ изъ Казани выѣхать, и я къ нему ѣду и васъ съ собою къ нему же веду,—тамъ управимся». Этихъ князей и мурзъ, приведенныхъ Шигъ-Алеемъ въ Свіяжскъ, было 84 человѣка. Въ тотъ-же день, боярин князь Семенъ Ивановичъ Микулинскій послалъ въ Казань двухъ казаковъ съ грамотами, въ которыхъ говорилось, что по челобитью казанскихъ князей, государь царь Шигъ-Алея съ царства свелъ и далъ имъ въ намѣстники его, князя Семена, чтобы они ѣхали въ Свіяжскъ присягать, и когда они присягнутъ, тогда онъ поѣдетъ къ нимъ. Казанцы отвѣчали, что хотятъ во всемъ исполнить волю государеву. Черемисиновъ, отправленный въ Казань, далъ знать Микулинскому, что вся земля Казанская охотно присягаетъ государю и лучшіе люди ѣдутъ въ Свіяжскъ. Лучшіе люди дѣйствительно пріѣхали на другой день и присягнули. Послѣ этого Микулинскій отправилъ въ Казань Черемисинова съ толмачомъ приводить къ присягѣ остальныхъ людей и смотрѣть, нѣтъ-ли какого лиха и чтобы все было тихо, когда русскіе полки будутъ вступать въ городъ. Ночью Черемисиновъ увѣдомилъ Микулинскаго, что все спо-

конно, царскій дворъ опоражниваютъ и сельскіе люди, давъ присягу, разъѣзжаются по селамъ. Черемисиновъ писалъ, чтобы намѣстникъ отправлялъ въ Казань свой легкій обозъ съ съѣстнымъ и прислалъ съ сотню казаковъ, потому что послѣдніе на царевомъ дворѣ могутъ пригодиться на всякій случай. Намѣстникъ отпустилъ обозъ съ 70 казаками, у которыхъ было 72 пищали. Скоро затѣмъ двинулись въ Казань и бояре—князь Семенъ Микулинскій, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ и князь Петръ Серебряный. Князь Ромодановскій велъ сторожевой полкъ, въ сопровожденіи всѣхъ тѣхъ казанцевъ, которыхъ вывелъ Шигъ-Алей. По дорогѣ ихъ встрѣчали разные князья и просили ихъ ѣхать въ городъ: «а мы (говорили они)—холопы государя, всѣ въ его волѣ». Въ Казань и изъ Казани ѣздили къ воеводамъ дѣти боярскіе и говорили, что всѣ люди государеву жалованью рады и что Иванъ Черемисиновъ продолжаетъ приводить всѣхъ къ присягѣ.

Все шло какъ нельзя лучше. Безъ особенныхъ усилій и помѣхъ, безъ кровопролитія Іоаннъ пріобрѣталъ знаменитое царство, бралея уже, такъ сказать, рукою за вѣнецъ его. Но вдругъ все перемѣнилось неожиданно.

Дорогою трое казанскихъ вельможъ (двое князей—Исламъ и Кебякъ и мурза Аликей) отпросились у воеводъ въ Казань. Пріѣхавъ въ Казань, они затворили городъ и объявили жителямъ, что русскіе непремѣнно истребятъ ихъ всѣхъ, что объ этомъ говорилъ самъ Шигъ-Алей. Когда бояре подъѣхали къ Казани, они были встрѣчены Иваномъ Черемисиновымъ, который

объявилъ имъ: «До сихъ поръ мы лиха никакого не видали; но теперь, какъ прибѣжали отъ васъ князья и стали говорить лихія слова, то люди замѣшались». Бояре подъѣхали къ *Царевымъ воротамъ*,—ворота затворены, а вооруженные люди бѣгутъ на стѣны. Тутъ пріѣхали къ воеводамъ казанскіе князья и стали бить челомъ, чтобъ не кручинились: «возмутили землю лихіе люди,—подождите, пока не утихнутъ». Бояре отправили въ городъ двоихъ казацкихъ вельможъ сказать жителямъ: «Зачѣмъ вы измѣнили? Вчера и даже сегодня еще присягали—и вдругъ измѣнили! А мы клятву свою держимъ, ничего дурнаго вамъ не дѣлаемъ». Посланные возвратились съ такимъ отвѣтомъ: «Люди боятся побою, а насъ не слушаютъ». Всѣ переговоры не привели ни къ чему, и бояре, видя, что ничего добраго не выйдетъ, велѣли перехватать казанскихъ вельможъ и казаковъ, которыхъ вывелъ Шигъ-Алей; а казанцы задержали у себя дѣтей боярскихъ, прибывшихъ напередъ съ воеводскими обозами. Простоявъ полтора дня подъ Казанью, воеводы пошли назадъ къ Свіяжску, приказавъ не трогать Казанскаго посада, чтобы съ своей стороны не нарушать ни въ чемъ крестнаго цѣлованія. А казанцы,ославъ къ ногаямъ просить царя немедленно начать войну, стали приходить на горную сторону и отводить жителей ея отъ Москвы. Но горные люди побили ихъ отрядъ и взяли въ плѣнъ двоихъ князей, которыхъ привели къ воеводамъ: по приказанію воеводъ, плѣнники были казнены.

Вѣсть объ этихъ неожиданныхъ и прискорбныхъ событіяхъ получена была царемъ Іоанномъ 24-го марта

и онъ немедленно отправилъ на помощь къ воеводамъ въ Свіяжскъ шурина своего, Даниlу Романовича Захарьина-Юрьева. Шигъ-Алею велѣно было отправиться изъ Свіяжска въ свой городокъ Касимовъ. Въ апрѣлѣ царь созвалъ совѣтъ относительно рѣшительнаго похода на Казань. На этомъ совѣтѣ высказано было много разныхъ мнѣній. Принимая во вниманіе, что война предстоитъ не съ одними только казанцами, но также и съ ногаями и съ Крымомъ, предлагали послать подъ Казань воеводъ, а самому царю остаться въ Москвѣ. Но Іоаннъ объявилъ, что хочетъ отправиться въ походъ непремѣнно самъ, разсчитывая въ такомъ случаѣ на болѣе вѣрный успѣхъ. «Богъ видитъ мое сердце», говорилъ онъ: «хочу не земной славы, а покоя христіанъ. Возмогу ли нѣкогда безъ робости сказать Всевышнему: *се я и люди Тобою мнѣ данные*, если не спасу ихъ отъ свирѣпости вѣчныхъ враговъ Россіи, съ которыми не можетъ быть ни мира, ни отдохновенія?» Молодой царь глубоко сознавалъ необходимость *сразить главу Казани* и потому, несмотря на всѣ возраженія бояръ, рѣшительно сказалъ, что *пойдетъ на свое дѣло*—дѣло, которое онъ считалъ нравственно обязательнымъ для себя. И такъ рѣшено было отпустить водою войско, большой нарядъ (артиллерію), запасы для царя и всего войска, а самому государю идти полемъ (сухимъ путемъ) когда приспѣетъ время.

Между тѣмъ изъ Свіяжска пришли дурныя вѣсти, что горные люди волнуются и многіе изъ нихъ ссылаются съ казанцами, да и во всѣхъ мало правды, большое непослушаніе. Къ довершенію несчастія, въ рус-

скомъ войскѣ открылась ужасная болѣзнь—цынга, отъ которой умерло много дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ и которая все еще продолжала свирѣпствовать. Получивъ эти извѣстія Іоаннъ велѣлъ князьямъ Александру Борисовичу Горбатому и Петру Ивановичу Шуйскому, немедленно двинуться въ Свіяжскъ. Вѣсти присланныя ими Іоанну съ мѣста дѣйствія, были еще менѣе утѣшительны. Горбатый и Шуйскій сообщали слѣдующее: Горные люди измѣнили всѣ, пристали къ Казани и сдѣлали нападеніе около Свіяжска на табуны воеводскихъ стадъ. Воеводы посылали на нихъ казаковъ; но казанцы казаковъ разбили, убили 70 человѣкъ и взяли пищали. Болѣзнь (цынга) не ослабѣваетъ: продолжаетъ умирать много людей. Отъ князя Михаила Глинскаго изъ Камы ѣхали казаки въ судахъ на Свіягу за кормомъ. Казанцы всѣхъ ихъ перебили, не давъ пощады и взятымъ въ плѣнъ 31 человѣку, перебили также и всѣхъ дѣтей боярскихъ, пріѣхавшихъ напередъ въ Казань съ воеводскими обозами и захваченныхъ тамъ жителями. Наконецъ—сообщали Горбатый и Шуйскій — казанцы уже получили отъ ногаевъ царя — астраханскаго царевича Едигера-Магмета (Ядигера-Мухаммеда) [1]): его подстерегали, но не могли схватить на пути въ Казань.

Таковы были печальныя извѣстія, полученныя изъ Свіяжска. Однако Іоаннъ не пришелъ отъ нихъ въ

---

[1]) Сынъ астраханскаго царя Касима, Едигеръ или Ядигаръ, кажется, одно лицо съ Едигеромъ, астраханскимъ царевичемъ, служившимъ въ Россіи съ 1542 до 1550 года.

унынiе и не поколебался въ своей рѣшимости. Прежде всего онъ счелъ нужнымъ поднять духъ въ свіяжскомъ войскѣ религіозными средствами, тѣмъ болѣе, что къ болѣзни физической тамъ присоединалась болѣзнь нравственная—сильный развратъ. Изъ благовѣщенскаго собора перенесены были въ успенскій соборъ мощи святыхъ отцовъ, съ нихъ освящена была вода и отправлена въ Свіяжскъ съ архангельскимъ протопопомъ Тимоѳеемъ, «мужемъ изрядным, наученным богодухновенному писанію». Вмѣстѣ съ освященною водою Тимоѳей повезъ также поученіе къ войску отъ митрополита Макарія [2]). Пріѣхавшій въ

---

[2]) Вотъ это поученіе: Милостію Божіею, мудростію нашего царя и вашимъ мужествомъ твердыня христіанская поставлена въ землѣ враждебной. Господь далъ намъ и Казань безъ кровопролитія. Мы благоденствуемъ и славимся. Литва, Германія ищутъ нашего дружества. Чѣмъ же мы можемъ изъявить признательность Всевышнему? —исполненіемъ Его заповѣдей. А вы исполняете ли ихъ? Молва народная тревожитъ сердце государево и мое. Увѣряютъ, что нѣкоторые изъ васъ, забывъ страхъ Божій, утопаютъ въ грѣхахъ Содома и Гоморры; что многія благородныя дѣвы и жены, освобожденныя плѣнницы казанскія, оскверняются развратомъ между вами; что вы, угождая имъ, кладете бритвы на брады свои и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь быть мужами. Вѣрю сему, ибо Господь казнитъ васъ не только болѣзнію но и срамомъ. Гдѣ ваша слава? Бывъ ужасомъ враговъ нынѣ служите для нихъ посмѣшищемъ. Оружіе тупо, когда нѣтъ добродѣтели въ сердцѣ, крѣпкіе слабѣютъ отъ пороковъ. Злодѣйство возстало, измѣна явилась, — и вы уклоняете щитъ предъ ними. Богъ, Іоаннъ и Церковь призываютъ васъ къ раскаянію. Исправтесь — или увидите гнѣвъ царя, услышите клятву церковную».

это время изъ Касимова бывшій царь казанскій Шигъ-Алей и началъ совѣтовать Іоанну не выступать въ походъ до зимы — во первыхъ потому, что лѣтомъ слѣдуетъ ожидать прихода другихъ недруговъ, и во вторыхъ потому, что казанская земля сильно укрѣплена природою — лѣсами, озерами, болотами; зимою ее легче воевать: зима будетъ вамъ мостомъ. Іоаннъ отвѣчалъ ему, что воеводы уже отпущены со многими ратными людьми на судахъ съ большимъ нарядомъ и со всѣми запасами; а что у казанцевъ лѣса и воды представляютъ великія крѣпости, то Богъ и непроходимыя мѣста дѣлаетъ проходимыми и острые пути превращаетъ въ гладкіе.

Приближался послѣдній, роковой часъ для Казани. Іоаннъ непоколебимо рѣшился уничтожить это гнѣздо хищниковъ, причинявшихъ русскимъ такъ много зла. Но если Іоаннъ укрѣплялся въ своемъ рѣшеніи религіознымъ одушевленіемъ и сознаніемъ необходимости избавить свой народъ отъ жесточайшаго его врага, то и казанцы рѣшились защищаться отчаянно: они также сознавали, что начинающаяся война должна имѣть для нихъ роковое значеніе, что вопросъ идетъ теперь для нихъ о томъ, быть имъ или не быть. Христіанскій царь шелъ на мусульманское царство: спасать отъ него Казань—вотъ что сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ всѣхъ мусульманъ, вотъ призывный кличъ, раздавшійся на берегахъ Волги, Салгира и Яика! Отовсюду — изъ Астрахани, изъ Крыма, изъ Сибири, отъ Ногайцевъ стекались въ Казань татарскіе удальцы. Астраханскій царевичъ Едигеръ сдѣлался уже царемъ казанскимъ.

Султанъ турецкій Салимъ, главный представитель мусульманъ, писалъ къ ногаямъ, совѣтовалъ имъ жить въ мирѣ съ Астраханью и Крымомъ и усердно защищать Казань отъ гордаго русскаго царя, сожалѣя въ то же время, что отдаленность мѣшаетъ ему оказать ей помощь войскомъ и оружіемъ. Не даромъ современники говорили, что на защиту Казани устремлены были всѣ силы ада. Помимо всѣхъ другихъ исторически сложившихся условій, характеръ упорнаго ожесточенія сообщался борьбѣ русскихъ съ казанцами тѣмъ, что въ лицѣ ихъ сталкивались между собою двѣ враждебныя силы—христіанство и магометанство.

16-е іюня, было днемъ выступленія Іоанна въ походъ. Онъ простился со своею супругою, которая въ это время была беременна. Анастасія Романовна съ плачемъ упала въ объятія супруга. оставлявшаго ее, быть можетъ, надолго. Стараясь быть твердымъ, Іоаннъ утѣшалъ ее, говоря, что исполняетъ долгъ царя и не боится смерти за отечество, и поручилъ ея материнскому попеченію всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ: «милуй и благотвори безъ меня,—даю тебѣ волю царскую: отворяй темницы, снимай опалу съ самыхъ виновныхъ, по твоему усмотрѣнію, и Всевышній наградитъ меня за мужество, а тебя за благость». Ставъ на колѣни юная царица вслухъ молилась о здравіи и благоденствіи супруга. Затѣмъ Іоаннъ отправился въ Успенскій соборъ и долго молился здѣсь, [1]) просилъ митрополита

---

[1]) «И любезно припадаетъ къ чудотворному образу Богоматери и предаетъ въ руцѣ Ея градъ и люди... Приходитъ же и

и весь священный соборъ быть ревностными ходатаями за Россію предъ Богомъ, утѣшителями Анастасіи и добрыми совѣтниками брата его Юрія, который былъ оставленъ начальникомъ Москвы, вмѣстѣ съ маститымъ старцемъ княземъ Михаиломъ Булгаковымъ (незадолго до этого времени возвратившимися изъ неволи литовской) и митрополитомъ. Вышедши изъ церки царь-воинъ сѣлъ на коня и съ своею царскою дружиною поѣхалъ на Коломну, обѣдалъ въ селѣ Коломенскомъ и намѣревался ночевать въ любимомъ своемъ селѣ Островѣ, но на дорогѣ встрѣтилъ гонца, станичника изъ Путивля, [1]) съ вѣстію, что многіе люди крымскіе идутъ къ Украйнѣ и перешли уже Сѣверскій Донецъ; не было только извѣстно, кто ведетъ ихъ — самъ ли царь (Девлетъ-Гирей, внукъ Менгли-Гирея) или царевичъ. Іоаннъ нисколько не былъ смущенъ и обезпокоенъ этою вѣстію и ободрялъ бывшихъ съ нимъ, говоря: «Мы не трогали хана; но если онъ вздумалъ поглотить христіанство, то станемъ за отечество: у насъ есть Богъ»! 19-го числа Іоаннъ прибылъ въ Коломну, гдѣ его ожи-

---

къ мощамъ Петра Чудотворца и Іоны... Митрополитъ же государя благословляетъ крестомъ животворящимъ». (Царственная Книга).

[1]) „Пригонилъ изъ Путивля станичникъ Ивашко отъ Айдара отъ Волжика". *Станичники* составляли сторожевые отряды, или станицы. Они разъѣзжали по разнымъ направленіямъ въ степи, на нашей южной Украйнѣ, и стояли въ опредѣленныхъ мѣстахъ (станицахъ), наблюдая за татарами, чтобъ «государю про проходъ воинскихъ людей быть не безвѣстну и воинскіе люди на государевы украйны безвѣстно не приходили».

дали новые вѣсти [1]): идутъ многіе люди крымскіе, ждутъ ихъ къ Рязани и къ Коломнѣ. По этимъ извѣстіямъ государь принялъ мѣры предосторожности послалъ полки на берегъ, приказавъ *большому полку* [2]) стать подъ Колычевымъ [3]), *передовому полку*—подъ Ростиславлемъ, *львой руки*—подъ Голутвинымъ монастыремъ [4]). Посовѣтовавшись съ Шигъ-Алеемъ Іоаннъ отправилъ его въ Касимовъ [5]); затѣмъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, осмотрѣлъ свое войско на берегахъ Оки. Какъ нѣкогда при Димитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ, во время похода противъ Мамая,—и теперь, спустя почти два вѣка, на лугахъ Коломенскихъ собралось до 150,000 бодраго русскаго войска шедшаго противъ тѣхъ же татаръ, только на этотъ разъ уже не оборонительно, а наступательно: постыдное иго татарское давно уже бы-

---

[1]) «И тутъ пріѣхалъ Айдаръ Волжинъ... и другіе вѣстницы ускоряютъ».

[2]) Во время большихъ походовъ русское войско обыкновенно дѣлилось на *пять* частей: большой полкъ, правая и лѣвая рука и полки передовой и сторожевой. Кромѣ того для разъѣздовъ отдѣлялся *яртоулъ* или *яртоульный полкъ*—легкій передній отрядъ передоваго полка.

[3]) *Колычево* — село Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда.

[4]) *Голутвинъ монастырь* находится въ 5 верстахъ отъ Коломны, при самомъ впаденіи Москвы рѣки въ Оку.

[5]) По свидѣтельству лѣтописца, Шигъ-Алей былъ разуменъ, но «веліе тѣло имяше и не могій скоро на конехъ ѣздити» и не отличался храбростію. Вотъ почему Іоаннъ часто совѣтовался съ нимъ о дѣлахъ, но не употреблялъ его для ратнаго дѣла.

ло свергнуто; но бывшіе наши поработители не хотѣли покориться исторической силѣ вещей и превратиться изъ нашихъ господъ въ нашихъ рабовъ.

Русское войско, отправлявшееся въ казанскій походъ и находившееся подъ главнымъ начальствомъ самого вѣнценоснаго вождя, имѣло по частямъ слѣдующихъ предводителей: большимъ, или главнымъ полкомъ (центромъ), предводили Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій и князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій (получившій въ это время почетный титулъ *слуги государева*), передовымъ полкомъ (авангардомъ)—князь Пронскій-Турунтай и князь Хилковъ, правою рукою (правымъ крыломъ)—князь Петръ Щенятевъ и юный князь Андрей Курбскій (оставившій описаніе казанскаго похода), впослѣдствіи столь знаменитый, лѣвою рукою (лѣвымъ крыломъ)—князь Микулинскій и Плещеевъ, сторожевымъ полкомъ аррьергардомъ)—князь Василій Серебряный и Семенъ Шереметевъ, царскою дружиною—князь Владиміръ Воротынскій и Иванъ Шереметевъ. Къ этой дружинѣ были причислены князь Владиміръ Андреевичъ, бывшій царь казанскій Шигъ-Алей и двое братьевъ Адашевыхъ. Кромѣ того въ рядахъ воинскихъ находились князья Шемякины, Проскуровы, Палецкіе и множество другихъ воеводъ. Боярин Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ повезъ Волгою тяжелыя огнестрѣльныя орудія и снаряды.

Окончивъ смотръ войска и выбравъ мѣсто для битвы, Іоаннъ возвратился въ Коломну и написалъ въ Москву къ царицѣ и къ митрополиту, что ждетъ хана безъ

страха, надѣясь на милость Божію, на ихъ молитвы и на мужество войска, и просилъ первосвятителя московскаго совершать всенародныя молебствія объ одолѣніи супостатовъ. 21-го іюня явился гонецъ изъ Тулы съ вѣстью, что пришли крымцы къ Тулѣ, предводимые, какъ видно, царевичемъ. Государь послалъ немедленно къ Тулѣ князей: Щенятева, Курбскаго, Пронскаго, Хилкова, Воротынскаго, собираясь и самъ выступить на другой день утромъ,—какъ вдругъ, въ отдачу ночныхъ часовъ, явился другой гонецъ, сообщившій, что къ Тулѣ приходило татаръ немного—тысячъ семь, повоевали окрестности и поворотили назадъ. Іоаннъ, по этимъ вѣстямъ, отпустилъ только воеводъ, а самъ пріостановился. Но 23-го числа, когда онъ сидѣлъ за столомъ, прискакалъ гонецъ отъ тульскаго намѣстника, князя Григорія Темкина, съ вѣстію, что пришелъ самъ царь и приступаетъ къ городу, съ нимъ много пушекъ и турецкіе янычары [1]). Іоаннъ велѣлъ поскорѣе служить вечерню (потому что никогда не нарушалъ церковнаго правила), принялъ благословеніе у епископа Ѳеодосія [2]), приказалъ всѣмъ воеводамъ поскорѣе перевозиться черезъ Оку и самъ поспѣшилъ къ Каширѣ, гдѣ назначено было перевозиться. Но тутъ прискакалъ новый гонецъ и объявилъ, что хана уже нѣтъ у Тулы: 22-го

---

[1]) *Янычары* (jeni-tscherï—новые воины)—отборное турецкое войско, которое было составляемо преимущественно изъ христіанъ, съ малолѣтства воспитываемыхъ въ магометанствѣ. Янычары были уничтожены султаномъ Махмутомъ II, въ 1826 году.

[2]) «А ему приказываетъ не исходити изъ церкви, дондеже что Богъ произведетъ».

іюня крымцы пришли къ Тулѣ и дѣлали приступъ цѣлый день, били по городу изъ пушекъ огненными ядрами, и когда въ городѣ во многихъ мѣстахъ загорѣлись дворы, ханъ велѣлъ янычарамъ идти на приступъ; но воевода князь Григорій Темкинъ, несмотря на то, что съ нимъ было немного людей въ Тулѣ, отбилъ приступъ. На другой день утромъ ханъ хотѣлъ готовиться къ новому приступу, какъ пришла вѣсть, что русскій царь идетъ къ городу. Граждане тульскіе стояли на стѣнахъ всю ночь. Съ наступленіемъ зари они увидѣли бѣгство татаръ, а съ другой стороны, увидавъ столбы пыли, закричали: «Боже милостивый, помоги намъ! Царь православный идетъ!» и бросились на татаръ: изъ города вышли не только ратные люди и всѣ мужчины, но даже женщины и дѣти бросились за ними. Много татаръ было побито въ этой вылазкѣ, и между ними шуринъ ханскій, князь Камбирдей; и весь непріятельскій огнестрѣльный снарядъ достался въ добычу русскимъ. Ханъ побѣжалъ въ степь; а три часа спустя явились подъ городомъ воеводы, отправленные Іоанномъ: они погнались за татарами, разбили ихъ на рѣчкѣ Шиворонѣ [1]), отполонили много своихъ плѣнниковъ, взяли телѣги и верблюдовъ ханскихъ. Татары, взятые въ плѣнъ, разсказывали: царь (то есть ханъ крымскій) потому пошелъ на Русь, что въ Крыму сказали, будто великій князь со всѣми людьми у Казани. У Рязани мы перехватили станичниковъ, которые сказали, что великій князь на Коломнѣ, ждетъ царя и хо-

[1]) Впадаетъ въ Упу, въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губ.

четъ съ нимъ прямое дѣло дѣлать (то есть вступить въ рѣшительное сраженіе). Царь тогда хотѣлъ возвратиться въ Крымъ, но князья начали ему говорить: если хочешь покрыть свой стыдъ, то у великаго князя есть городъ Тула на полѣ (въ степи), далеко отъ Коломны, за великими крѣпостями—за лѣсами. Царь послушалъ ихъ совѣта и пошелъ къ Тулѣ.

Получивъ эти извѣстія Іоаннъ возвратился въ Коломну и послалъ извѣстительныя грамоты въ Москву и въ Свіяжскъ о славномъ изгнаніи врага. Извѣщая царицу, брата и митрополита о побѣдѣ онъ послалъ въ Москву трофеи—непріятельскія пушки, верблюдовъ и плѣнниковъ, чтобы обрадовать столицу этими видимыми знаками побѣды. 1-го іюля пришли въ Коломну съ тульскаго дѣла воеводы и донесли государю, что, по словамъ станичниковъ, ханъ уходитъ очень поспѣшно, дѣлая въ день по 60 и по 70 верстъ и бросая много лошадей. Избавившись такъ счастливо отъ крымцевъ, царь началъ думать съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми воеводами, какъ идти на Казань, на какія мѣста? Рѣшили идти двумя дорогами: самому государю съ царскою дружиною, лѣвою рукою и запаснымъ полкомъ идти на Владиміръ и Муромъ, а главныхъ воеводъ отпустить на Рязань и Мещеру, чтобы они могли заслонить царя отъ внезапнаго нападенія ногаевъ [1]) а сходиться всѣмъ на полѣ

[1]) Курбскій пишетъ: «Идохомъ отъ царя по правой руцѣ аки въ 5-ти дняхъ конемъ ѣзду; понеже мы заслонихомъ его тѣмъ войскомъ отъ заволжскихъ (ногайскихъ) татаръ, да не пріидутъ на него безвѣстно».

за Алатыремъ [2]). Но когда надобно было уже выступать въ походъ, новгородскіе боярскіе дѣти начали бить челомъ, что имъ нельзя больше оставаться при войскѣ: съ весны они были на службѣ въ Коломнѣ, иные за татарами ходили и на бояхъ бывали, — а теперь еще приходится идти въ такой долгій путь и стоять тамъ не малое время! Государю была большая скорбь отъ этого челобитья, останавливавшаго дѣло въ самомъ началѣ. И вотъ онъ придумалъ средство, оказавшееся очень дѣйствительнымъ: онъ велѣлъ переписать служилыхъ людей и повѣстить, что кто хочетъ идти съ государемъ, тѣхъ онъ хочетъ жаловать и будетъ подъ Казанью кормить; а кому нельзя идти, тѣ пусть остаются въ Коломнѣ. Когда объ этомъ было повѣщено въ войскѣ, всѣ отвѣчали въ одинъ голосъ: «Готовы идти съ государемъ: онъ нашъ промышленникъ и здѣсь и тамъ, — промыслитъ нами, какъ ему Богъ извѣститъ».

3-го іюля все войско тронулось изъ Коломны. Іоаннъ съ сердечнымъ умиленіемъ молился передъ иконою Богоматери, бывшею съ Димитріемъ Донскимъ во время мамаева побоища и стоявшею теперь въ коломенскомъ успенскомъ соборѣ. Вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, онъ оставилъ Коломну и 8 іюля прибылъ во Влидиміръ, гдѣ нашелъ архангельскаго протопопа Тимофея, возвра-

---

[2]) *Алатырь*—большая и глубокая рѣка, выходящая изъ лукояновскаго уѣзда Нижегородской губ. и у города Алатыря (Симбирской губ.) впадающая въ суру съ лѣвой стороны.

щавшагося изъ Свіяжска съ доброю вѣстію, что цынга тамъ прекратилась. Помолившись у гроба святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, молитвенника передъ Богомъ за землю русскую, Іоаннъ, 10-го іюля выступилъ изъ Владиміра и 13-го прибылъ въ Муромъ, гдѣ былъ встрѣченъ другою радостною вѣстью, что воеводы князь Микулинскій и бояринъ Данила Романовичъ ходили на горныхъ людей и разбили ихъ, вслѣдствіе чего горные люди по Свіягѣ рѣкѣ внизъ и по Волгѣ снова присягнули государю. Здѣсь же Іоаннъ получилъ извѣстіе изъ Москвы, что супруга его съ твердостію и покорностію Провидѣнію переноситъ разлуку, что духовенство и народъ непрестанно молятъ Бога о здравіи царя и воинства [1]). Въ Муромѣ царь-воинъ молился у мощей святаго благовѣрнаго князя Петра и княгини Февроніи. Отпустивъ впередъ себя Шигъ-Алея (вызваннаго сюда чрезъ стольника Ѳедора Ивановича Умного), на судахъ къ Казани съ княземъ Петромъ Булгаковымъ и стрѣльцами, а также князей Юрія Шемякина и Ѳедора Троекурова съ боярскими дѣтьми и посошными людьми, чтобъ они на рѣчкахъ и «ржавицахъ» (болотахъ) мосты мостили, Іоаннъ 20-го

---

[1]) «Будь чистъ и цѣломудренъ душою», писалъ къ царю митрополитъ Макарій; «смиряйся въ славѣ и бодрствуй въ печали. Добродѣтели царя спасительны для царства». И государь и воеводы съ любовію читали грамоту митрополита. «Благодаримъ тебя—отвѣчалъ Іоаннъ первосвятителю — за пастырское ученіе, вписанное у меня въ сердце. Помогай намъ всегда наставленіемъ и молитвою. Идемъ далѣе. Да сподобитъ насъ Господь возвратиться съ миромъ для христіанъ»!

іюля и самъ оставилъ Муромъ, вслѣдъ за войскомъ переѣхалъ Оку и ночевалъ въ Саканскомъ лѣсу, на рѣкѣ Велетемѣ, въ 30 верстахъ отъ Мурома [2]). Царь шелъ частымъ лѣсомъ и чистымъ полемъ, и вездѣ войско находило обильную пищу: было много всякаго овощу «благовоннаго»; лоси, по словамъ лѣтописца, какъ будто сами приходили на убой («яко самозванни на заколеніе прихождаху»); въ рѣкахъ множество рыбы, въ лѣсу множество птицъ. «Егда же приспѣ постъ (успенскій), и въ ты дни—продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ—не видаху ни птицы, ни лосей». Черемисы и мордва, испуганные многочисленностью русскаго войска, приходили къ царю, отдаваясь въ его волю, и

---

[2]) Перечислимъ всѣ станы (мѣста остановокъ) Іоанна отъ Мурома до Свіяжска: 1-й станъ — въ Саканскомъ лѣсу, 2-й — на Шилекшѣ, 3-й—подъ Саканскимъ городищемъ, 4-й— на полѣ близь Ижри (Иржи), 5-й на рѣчкѣ Автѣ, 6-й—на Кевсѣ, 7-й— на озерѣ Икшѣ 8-й — на озерѣ, не доходя рѣки Пьяны (тутъ къ государю пришелъ изъ Касимова Акъ Сеитъ Черевсѣевъ со всѣми касимовскими князьями и татарами), 9-й — на озерѣ Дубровкѣ, 10-й—на рѣчкѣ Медянкѣ, 11-й—на рѣчкѣ Мянѣ (здѣсь было водосвятіе 1-го августа), 12-й—на рѣкѣ Алатырѣ, 13-й — на рѣкѣ Большомъ Сарѣ (здѣсь сошлись съ Іоанномъ Мстиславскій и Воротынскій и получили приказаніе перевозиться выше черезъ Суру), 14-й—на рѣкѣ Сурѣ подъ Баранчеевымъ городищемъ (здѣсь встрѣтили царя послы свіяжскіе и черемисскіе), 15-й—на рѣчкѣ Киватѣ (праздникъ Преображенія Господня; здѣсь Іоаннъ слушалъ литургію и причастился святыхъ таинъ), 16-й— на Яклѣ, 17-й—на Чивлѣ, 18-й—на Казлѣ, 19-й на Булѣ, 20-й— на Беѣ («по праздницѣ же Преображенія приде изъ Нижняго Новагорода протопопъ съ освященною водою къ царю»), 21-й— на Итяковѣ полѣ. Прибытіе въ Свіяжскъ 13-го августа.

приносили хлѣбъ, медъ, мясо,—что дарили, а что продавали; кромѣ того дѣлали на рѣкахъ мосты для переправы. На рѣкѣ Сурѣ государя встрѣтили послы отъ свіяжскихъ воеводъ и отъ горныхъ людей и объявили, что бояре—князь Петръ Ивановичъ Шуйскій и Данила Романовичъ ходили на остальныхъ горныхъ людей, и теперь уже всѣ безъ исключенія горные люди добили челомъ и приложились къ Свіяжскому городу. Іоаннъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ горныхъ людей, обласкалъ ихъ и объявилъ, что прощаетъ ихъ народу прежнюю измѣну, и приказалъ мостить мосты по рѣкамъ и расчищать тѣсныя мѣста по дорогѣ. За Сурою государь соединился съ воеводами, шедшими черезъ Рязань и Мещеру. Войско русское встрѣчало на пути своемъ прекрасныя картины природы: съ одной стороны глазамъ открывались зеленыя равнины, холмы, рощи, темныя лѣса, съ другой — величественная Волга съ дикими утесами, съ живописными островами, за нею — необозримые луга и дубравы. Изрѣдка въ крутизнахъ и ущельяхъ показывались чувашскія селенія. Жители доставляли хлѣбъ и медъ: питьемъ служила чистая вода. И никто не жаловался: Трезвость и бодрость господствовали въ войскѣ. «Хлѣба сухаго наядохомся со многою сладостью и благодареніемъ... Черемисскій хлѣбъ сладостнѣе калачей обрѣтеся, занеже подвизахомся за отечество» (Курбскій). Наконецъ, 13-го августа войско русское прибыло въ Свіяжскъ. Духовенство съ крестами и иконами, князь Петръ Шуйскій и боярин Заболоцкій встрѣтили Іоанна во вратахъ крѣпости. Онъ пошелъ въ соборную церковь, гдѣ діа-

коны провозгласили ему многолѣтіе, а бояре поздравляли его какъ завоевателя и просвѣтителя земли Свіяжской. Осмотрѣвъ крѣпость, государь изъявилъ благодарность князю Семену Микулинскому и другимъ начальникамъ. Для него изготовили домъ; но онъ не вошелъ въ него, сказавъ: «мы въ походѣ», сѣлъ на коня, выѣхалъ изъ города и сталъ въ шатрахъ на лугу Свіяги.

Воеводы пришли въ Свіяжскъ какъ *въ свой домъ* изъ долгаго и труднаго пути: здѣсь почти каждаго изъ нихъ ожидали домашніе запасы, привезенные на судахъ. Кромѣ того, сюда наѣхало множество купцовъ изъ Москвы, Ярославля, Нижняго съ разными товарами, такъ что можно было все достать.

Ставъ подъ городомъ на лугу въ шатрѣ, царь Іоаннъ Васильевичъ началъ совѣтоваться съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ царемъ Шигъ-Алеемъ, съ боярами и воеводами, какъ ему своимъ дѣломъ промышлять. На совѣтѣ было рѣшено идти къ Казани не мѣшкая, а къ казанцамъ послать грамоты, что если они захотятъ безъ кровопролитія бить челомъ государю, то государь смилуется надъ ними. Шигъ-Алею поручено было написать къ родственнику его, новому казанскому царю Едигеру, чтобы онъ выѣхалъ изъ города къ государю, не опасаясь ничего, и государь его пожалуетъ. Самъ Іоаннъ послалъ грамоты къ главному муллѣ (Кулъ-Шерифмолкѣ—начальному духовному лицу у магометанъ) и ко всей землѣ Казанской «чтобъ не стояли за тѣхъ, кто началъ лихое дѣло и землю возмутилъ, и били ему, государю, челомъ», и онъ ихъ

простить. Эти грамоты были посланы 15-го августа; а на слѣдующій день войско уже начало перевозиться черезъ Волгу и становиться на Казанской сторонѣ. 18-го августа самъ царь переправился за Волгу. Шигъ-Алей отправился на судахъ занять Гостиный островъ, а бояринъ Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ повезъ огнестрѣльный снарядъ, рубленыя башни и тарасы (или тараны)—осадныя машины. Нѣсколько дней шли дожди: рѣки выливались изъ береговъ, низкіе луга обратились въ болота. Казанцы испортили всѣ мосты и гати: приходилось вновь устроивать дорогу. Къ 20-му августа все было готово и Іоаннъ переправился за Казанку. Здѣсь онъ получилъ отвѣтъ отъ Едигера: въ немъ заключалось ругательство на христіанство, на Іоанна, на Шигъ-Алея и вызовъ на брань.

Казанцы не захотѣли мира, приходилось прибѣгнуть къ оружію. Іоаннъ велѣлъ вынимать изъ судовъ пушки и устроивать все, необходимое для начатія осады города. Русское войско стояло въ 6-ти верстахъ отъ Казани на гладкихъ веселыхъ лугахъ, разстилавшихся, подобно зеленому сукну, между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость. Два дня выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тутъ явился изъ Казани перебѣжчикъ Камай-Мурза съ семью казаками и разсказалъ, что ихъ поѣхало 200 человѣкъ служить государю, но казанцы, узнавъ объ этомъ, почти всѣхъ перехватили. Про Казань разсказывалъ, что царь Едигеръ, мурзы и муллы (магометанскіе священники) бить челомъ государю не хотятъ и всю землю на лихо наводятъ, возбуждая во всѣхъ злобу противъ христіанъ; что съѣстныхъ и воен-

ныхъ запасовъ въ городѣ много; что остальное войско, которое не въ городѣ, собрано подъ начальствомъ князя Япанчи и Арской засѣкѣ [1]), чтобы не пропускать русскихъ людей на Арское поле и тревожить ихъ постоянными нападеніями.

Царь созвалъ совѣтъ, передалъ рѣчи Камая и разсуждалъ, какъ идти къ городу? Рѣшено было: самому государю и князю Владиміру Андреевичу стать на Царевомъ лугу, царю Шигъ-Алею—за Булакомъ у кладбища; на Арскомъ полѣ стать большому полку, передовому и удѣльной дружинѣ князя Владиміра Андреевича, правой рукѣ съ казаками—за Казанкою, сторожевому полку—на устьѣ Булака, а лѣвой рукѣ выше его. Приказано было, чтобы во всей рати каждый воинъ приготовилъ по бревну на тынъ и каждый десятокъ воиновъ—по туру [2]). Отданъ былъ также строжайшій приказъ, чтобы безъ царскаго повелѣнія, а въ полкахъ безъ воеводскаго повелѣнія никто не смѣлъ «травиться», то есть бросаться къ городу. 23 августа на разсвѣтѣ, полки заняли назначенныя имъ мѣста. Царь вышелъ на лугъ противъ города и велѣлъ развернуть свое знамя: на знамени былъ Нерукотворенный образъ Спасовъ, а на верху крестъ, бывшій у великаго князя Димитрія на Дону. Когда отслужили молебенъ, царь подозвалъ къ себѣ князя Владиміра Ан-

---

[1]) *Заспка*—на-скоро сооруженная крѣпость.

[2]) *Туры*—большія и высокія корзины, плетенныя изъ прутьевъ; наполненные землею и поставленные рядомъ, туры представляли хорошую защиту отъ стрѣлъ и пуль.

дреевича, бояръ, воеводъ, ратныхъ людей своего полка и обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

«Приспѣло время нашему подвигу: потщитесь единодушно пострадать за благочестіе, за святыя церкви, за православную вѣру христіанскую, за единородную нашу братію — православныхъ христіанъ, терпящихъ долгій плѣнъ, страдающихъ отъ этихъ безбожныхъ казанцевъ; вспомнимъ слово Христово, что нѣтъ ничего больше, какъ полагать души за други своя. Припадемъ чистыми сердцами къ Создателю нашему Христу, попросимъ у Него избавленія бѣднымъ христіанамъ, да не предастъ насъ въ руки врагамъ нашимъ. Не пощадите головъ своихъ за благочестіе: если умремъ, то не смерть это, а жизнь; если не теперь умремъ, то умремъ же послѣ,—а отъ этихъ безбожныхъ какъ впередъ избавимся? Я съ вами самъ пришелъ: лучше мнѣ здѣсь умереть, нежели жить и видѣть за свои грѣхи Христа хулимаго и порученныхъ мнѣ отъ Бога христіанъ, мучимыхъ отъ безбожныхъ казанцевъ! Если милосердый Богъ пошлетъ намъ Свою милость, подастъ помощь, то я радъ васъ жаловать великимъ жалованьемъ. А кому случится до смерти пострадать, радъ я женъ и дѣтей ихъ вѣчно жаловать».

Князь Владиміръ Андреевичъ отвѣчалъ отъ лица всего войска:

«Видимъ тебя, государь, тверда въ истинномъ законѣ, за православіе себя не щадящаго и насъ на то утверждающаго, и потому должны мы всѣ единодушно помереть съ безбожными этими агаряками. Дерзай, царь, на дѣла, за которыми пришелъ! Да сбудется на тебѣ

Христово слово: всякъ просяй пріемлетъ и толкущему отверзется».

Вслѣдъ затѣмъ духовникъ царскій, протопопъ Андрей благословилъ крестомъ Іоанна и все войско. Царь сѣлъ на богато украшеннаго аргамака, взглянулъ на образъ Спасителя, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ громкимъ голосомъ, чтобы всѣ слышали: «Владыко, о Твоемъ имени движемся!»—и съ этими словами двинулся съ войскомъ къ городу.

Достопамятная осада Казани была *первымъ* правильнымъ опытомъ русскихъ въ искусствѣ брать города, и защитники Казани проявили необыкновенное мужество, отчаяніе истинно великодушное, такъ что побѣда была куплена русскими весьма дорогою цѣною. Вотъ почему осада и взятіе Казани, вмѣстѣ съ Мамаевымъ побоищемъ, живетъ и до сихъ поръ въ памяти народа какъ славнѣйшій подвигъ древности, какъ подвигъ вдобавокъ къ тому брагочестиво-христіанскій, которымъ тысячи христіанъ были избавлены отъ злыхъ мучителей — *бусурманъ*.

Для болѣе яснаго пониманія читателями хода осады Казани считаемъ необходимымъ познакомить ихъ съ мѣстоположеніемъ этого города. Казань была сильною крѣпостію, защищенной самою природою. Участникъ осады Казани, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, описываетъ мѣстоположеніе ея слѣдующимъ образомъ: «Градъ Казань въ великой крѣпости лежитъ: съ востоку отъ него идетъ Казань рѣка, а съ западу Булакъ рѣчка, зѣло тиновата и непроходима, подъ самый градъ течетъ и впадаетъ подъ угольную вежу (башню) въ

Казань (Казанку) рѣку; а течетъ изъ озера, Кабана глаголемаго, немалаго, которое озеро кончится аки полверсты отъ града; и лишь только переправиться тую нужную рѣчку, тогда между озеромъ и градомъ лежитъ съ Арскаго поля гора зѣло прикрытая (высокая, крутая) и ко восхожденію нужная (трудная). А отъ тое рѣки около града ровъ копанъ, зѣло глубокій, ажъ до езерка, реченнаго Поганаго, еже лежитъ подлѣ самую Казань рѣку; а отъ Казани рѣки гора такъ высока, яко окомъ воззрити прикро (трудно): на ней же градъ стоитъ и палаты царскія и мечети зѣло высокія, мурованныя (каменныя), идѣже ихъ умершіе царіе клались; числомъ, памятамися (помнится мнѣ), пять ихъ» [1]).

За высокими крѣпкими стѣнами [2]) съ боевыми башнями, окружавшими Казань и окруженными въ свою очередь широкимъ и очень глубокимъ рвомъ, скрывалось 30,000 отборнаго войска и 2,700 ногаевъ. Осаждающее войско простиралось до 150,000 человѣкъ. Главную силу его составляли стрѣльцы—постоянное пѣшее войско, учрежденное впервые царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Стрѣльцы были вооружены ружьями и бердышами, или сѣкирами. При русскомъ войскѣ было 150 пушекъ [3]).

---

[1]) *Сказанія князя Курбскаго.* Изданіе 3-е Н. Устрялова (Спб. 1868 г.): «Исторія Князя Великаго Московскаго», глава II, стр. 16—17.

[2]) Стѣны Казани были не каменныя, а деревянныя: ихъ составляли два ряда огромныхъ дубовыхъ столбовъ, между которыми была насыпана и плотно убита земля со щебнемъ.

[3]) «Тогда привлекоша великія дѣла (пушки)... всѣхъ было аки полтораста и великихъ и среднихъ... а и мнѣйше было по

Все предвѣщало, что оборона будетъ очень упорная. Когда русское войско подступало къ Казани, тамъ все казалось тихо и пусто: не замѣтно было никакого движенія, не видно было людей на стѣнахъ. Многіе изъ нашихъ радовались, думая, что царь казанскій отъ страха бѣжалъ съ войскомъ въ лѣса; но опытные, бывалые воеводы совѣтовали не вдаваться въ обманъ и имѣть тѣмъ большую осторожность. Русскіе обступали Казань. 7,000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ перешли по наведенному мосту тинистый Булакъ и видя передъ собою (не болѣе, какъ въ 200 саженяхъ) царскія палаты и каменныя мечети, лѣзли на высоту, чтобы пройдти мимо крѣпости къ Арскому полю,—какъ вдругъ раздался шумъ и крикъ: отворились со скрипомъ ворота, и 15,000 татаръ конныхъ и пѣшихъ ударили на стрѣльцовъ, разстроили и сломили ихъ. Князья Шемякинъ и Троекуровъ удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. На помощь къ нашимъ послано было воеводами нѣсколько боярскихъ дѣтей. Началась горячая схватка. Русскіе, не имѣя конницы, стояли грудью, изъ оборонительнаго положенія перешли въ наступательное, бросились на непріятеля, смяли его и гнали до самыхъ городскихъ стѣнъ, не смотря на сильную пальбу изъ города; взяли плѣнниковъ и медленно отступили, въ виду всѣхъ нашихъ полковъ, которые, спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ, издали любова-

---

полторы сажени; окромѣ того были польныя (не осадныя пушки, полевыя) многія, около царскихъ шатровъ» (Курбскій—тамъ же). Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ приводятся названія главныхъ пушекъ: *Конца, Ушатая, Змѣй Сверстной, Змія Летучая.*

лись этимъ первымъ славнымъ дѣломъ. При этомъ особеннаго удивленія заслуживалъ небывалый порядокъ: во исполненіе царскаго приказанія, бились (и теперь, и послѣ) только тѣ, кому было приказано,—изъ другихъ полковъ никто не смѣлъ двинуться. Когда всѣ полки заняли назначенныя имъ мѣста, разставлены были шатры и поставлены три полотняныя церкви: во имя Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины и преподобнаго Сергія Радонежскаго. Ночь прошла спокойно. Но на другой день царю и войску русскому пришлось выдержать сильное, неожиданное испытаніе: страшная буря сломила шатры, и въ томъ числѣ царскій шатеръ; на Волгѣ разбило много судовъ, причемъ погибло много запасовъ. Войско упало духомъ: думали, что всему конецъ, что осады не будетъ, что мы, не имѣя хлѣба, должны будемъ удалиться со стыдомъ. Но не унывалъ царь: онъ послалъ въ Свіяжскъ и въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, объявляя твердое намѣреніе зимовать подъ Казанью, если это окажется нужнымъ; ѣздилъ днемъ и ночью кругомъ города, разсматривая мѣста, гдѣ удобнѣе дѣлать укрѣпленія. Осадныя работы шли безостановочно: ставили туры, снабжали ихъ пушками; гдѣ нельзя было ставить туровъ, тамъ ставили тынъ, такъ что Казань со всѣхъ сторонъ была окружена русскими укрѣпленіями,—ни въ городъ, ни изъ города не могла пройдти вѣсть. Казанцы постоянно дѣлали вылазки, бились отчаянно съ защитниками туровъ, бились, схватываясь за руки, но были постоянно втаптываемы въ городъ. И въ этихъ схваткахъ, по за-

мѣчанію лѣтописца, всегда падало больше бусурманъ, нежели русскихъ, въ чемъ послѣдніе видѣли особенный знакъ милости Божіей и получали новое подкрѣпленіе для своего мужества.

25-го августа легкая дружина князей Шемякина и Троекурова двинулась съ Арскаго поля къ рѣкѣ Казанкѣ выше города, чтобы отрѣзать его отъ Луговой Черемисы, соединиться съ правою рукою и стать ближе къ стѣнѣ. Казанцы сдѣлали вылазку. Князь Шемякинъ былъ раненъ; но князь Дмитрій Хилковъ, главный предводитель отрядовъ, помогъ ему съ дѣтьми боярскими втоптать непріятеля въ крѣпость. Ночью сторожевой полкъ и лѣвая рука безъ боя и сопротивленія разставили туры и пушки. Стрѣльцы окопались рвомъ; а казаки, подъ самой городскою стѣною, засѣли въ каменной, такъ называемой Даировой банѣ. Засѣвъ здѣсь стрѣльцы и казаки не давали казанцамъ всходить на стѣны, снимая ихъ оттуда мѣткими выстрѣлами. 26-го августа большой полкъ выступилъ передъ вечеромъ изъ стана: князь Воротынскій шелъ съ пѣхотою и катилъ туры; князь Мстиславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Государь далъ имъ отборныхъ дѣтей боярскихъ изъ собственной дружины. Казанцы ударили на нихъ съ дикимъ воплемъ; а съ башенъ и стѣнъ посыпались ядра и пули. Въ дыму и въ огнѣ русскіе отражали казанцевъ ружейною стрѣльбою, копьями и мечами, хладнокровно шли впередъ, втѣснили татаръ въ городъ и наполнили непріятельскими тѣлами мосты. Казаки стали на валу, стрѣляли

до самой ночи и дали время князю Воротынскому утвердить и насыпать землею туры въ 50-ти саженяхъ отъ рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ имъ отступить къ турамъ и закопаться, скрыться подъ ними. Но темнота не прекратила битвы: казанцы до самаго утра выходили и рѣзались съ нашими. Отдыха никому не было,—ни воины, ни воеводы не смыкали глазъ. Іоаннъ молился въ церкви и ежечасно посылалъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ ободрять сражающихся. Наконецъ непріятель утомился, и восходящее солнце освѣтило рѣшительную побѣду русскихъ. Государь велѣлъ пѣть въ станѣ благодарственные молебны [1]).

27-го августа бояринъ Морозовъ, прикативъ къ турамъ стѣнобитный снарядъ, открылъ сильную пальбу со всѣхъ нашихъ бойницъ (батарей); а пищальники стрѣляли въ городъ изъ окоповъ. Казанцы скрывались за стѣнами; но, желая провѣдать о положеніи дѣлъ въ нашемъ войскѣ (добыть языка), напали на русскихъ воиновъ, разсѣянныхъ въ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ князь Мстиславскій съ частью большаго полка. Мстиславскій подоспѣлъ на выручку къ своимъ, обратилъ въ бѣгство непріятеля и взялъ въ плѣнъ знатнаго улана Карамыша, который былъ представленъ государю. Плѣнникъ сообщилъ, что казанцы

---

[1]) Казанцы лишились въ этомъ дѣлѣ многихъ добрыхъ людей, между прочимъ—князя Ислама Нарыкова, богатыря Сончелея и другихъ. Въ числѣ убитыхъ со стороны русскихъ находился добрый витязь Леонтій Шушеринъ.

готовы умереть и не хотятъ слышать о мирныхъ переговорахъ.

Но скоро вниманіе осаждающихъ было развлечено: 28-го августа, изъ лѣса на Арское поле высыпалъ непріятель многочисленными толпами, напалъ на русскіе полки и хотя былъ отраженъ съ урономъ, однако не меньшій уронъ былъ и на сторонѣ осаждающихъ. Отъ плѣнниковъ узнали, что это приходилъ князь Япанча изъ своей засѣки (о которой говорилъ прежде Камай-Мурза). Послѣ этого Япанча не давалъ покоя русскимъ своими частыми и неожиданными нападеніями, *наѣздами:* появится на самой высокой городской башнѣ большое магометанское знамя, и вотъ Япанча, по этому условному знаку, нападаетъ на русскихъ изъ лѣсу, а казанцы изо всѣхъ воротъ бросаются на ихъ укрѣпленія, и начиналась лютая сѣча. Войско наше истомилось отъ безпрестанныхъ вылазокъ, отъ наѣздовъ изъ лѣсу и отъ скудости въ пищѣ: съѣстные припасы вздорожали; но и сухаго хлѣба ратникамъ было некогда поѣсть досыта. Кромѣ того, почти всѣ ночи приходилось проводить безъ сна, охраняя пушки, жизнь и честь свою. Наконецъ царь на совѣтѣ съ воеводами порѣшилъ отрядить большую силу, чтобы покончить съ Япанчею. Воеводою надъ этимъ отрядомъ былъ назначенъ князь Горбатый-Шуйскій («мужъ зѣло разумный и почтенный и въ военныхъ вещахъ свидѣтельствованный»). Онъ искусно повелъ дѣло и привелъ его къ желанному концу. Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ князъ Горбатый-Шуйскій расположился за горами, чтобы скрыть свои

движенія отъ непріятеля, и послалъ отряды къ Арскому лѣсу — завязать борьбу съ непріятелемъ. Япанча съ своими наѣздниками бросился на русскихъ. Послѣдніе начали отступать къ своимъ укрѣпленіямъ. Татары подумали, что русскіе бѣгутъ, погнались за ними, втиснули въ обозъ и пускали стрѣлы дождемъ; а другія толпы, конныя и пѣшія шли медленно, въ боевомъ порядкѣ, прямо на станъ главнаго русскаго войска. Тогда князь Юрій Шемякинъ съ полкомъ своимъ, готовымъ къ бою, бросился на татаръ изъ засады. Татары были поражены такою неожиданностью, однако, находясь уже далеко отъ лѣса, должны были принять битву. Скоро явился и самъ Горбатый-Шуйскій съ многочисленнымъ конным отрядомъ; а пѣхота наша заходила въ тылъ непріятелю съ правой и съ лѣвой стороны. Татары обратились въ дикое бѣгство: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ 15-ти верстъ, до рѣки Килары, гдѣ главный виновникъ побѣды, князь Горбатый-Шуйскій остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути русскіе очистили лѣсъ, въ которомъ скрывались бѣглецы, и взяли нѣсколько сотъ плѣнниковъ. Однимъ словомъ, грозный Япанча былъ совершенно истребленъ. Государь обнялъ вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ по́томъ и кровью, хвалилъ ихъ умъ и доблесть, благодарилъ и всѣхъ воиновъ. Затѣмъ онъ велѣлъ всѣхъ плѣнныхъ татаръ (числомъ 340 человѣкъ) привязать къ кольямъ передъ нашими укрѣпленіями, чтобы они уговаривали казанцевъ сдаться. Въ то же время русскіе ѣздили около города и обѣщали отъ имени царя

жизнь и свободу и всѣмъ этимъ узникамъ, и самимъ осажденнымъ, если они добровольно сдадутся. Выслушавъ молча это предложеніе, казанцы пустили градъ стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ согражданъ, закричавъ имъ: «Лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!» Упорство казанцевъ привело царя въ ярость: онъ велѣлъ всѣхъ плѣнниковъ перебить передъ городомъ.

Хотя царь видимо и разсчитывалъ на долгую осаду, но все-таки изыскивалъ всякіе способы ускорить взятіе города. И вотъ 31-го августа онъ призвалъ «нѣмчина *размысла* навычнаго градскому разоренію» (то-есть инженера, искуснаго въ разореніи городовъ) и велѣлъ ему сдѣлать подкопъ подъ Казань отъ рѣки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Потомъ призвалъ Камая-Мурзу и русскихъ плѣнныхъ, выбѣжавшихъ изъ Казани, и спросилъ у нихъ, откуда казанцы берутъ воду. Ему сказали, что есть у казанцевъ *тайникъ* (подземный ключъ) въ берегу рѣки Казанки, у Муралеевыхъ воротъ (теперь «Тайныя» ворота), а ходятъ къ нему подземнымъ путемъ. Царь сперва приказалъ воеводамъ сторожеваго полка, князю Василію Серебряному и Семену Шереметеву, уничтожить тайникъ; но воеводы отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя, а можно подкопаться подъ тайникъ отъ каменной Даировой бани, занятой уже русскими казаками. Царь послалъ для этого Алексѣя Адашева и размысла; но послѣднему велѣлъ для подкапыванія тайника отрядить учениковъ, а самому надзирать за большимъ подкопомъ подъ городъ. День и ночь работали надъ подкопомъ подъ тайникъ

цѣлые пять дней; наконецъ подкопались подъ мостъ, куда ходили казанцы за водою; самъ князь Серебряный съ товарищами вошелъ въ подкопъ и, услыхавъ надъ собою голоса людей, ѣдущихъ съ водою, далъ знать государю. Царь велѣлъ поставить подъ тайникъ 11 бочекъ пороху (зелія), и 4-го сентября тайникъ взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ казанцами, шедшими за водой; поднялась на воздухъ часть стѣны, и множество казанцевъ въ городѣ было побито камнями и бревнами, падавшими съ огромной высоты. Казанцы обмерли отъ ужаса. Русскіе отряды стремительно кинулись въ проломъ. Многіе особенно рьяные удальцы ворвались въ городъ съ громкимъ крикомъ, «какъ львы рыкали (по словамъ лѣтописи), свирѣпо безбожныхъ татаръ убивали и множество ихъ положили». Но казанцы очнулись отъ страха и отразили русскихъ. Царь на этотъ разъ удержалъ войско отъ новаго приступа. Въ городѣ распространилось уныніе. Многіе думали, что дольше защищаться нельзя. Но болѣе упорные взяли верхъ, стали копать землю въ разныхъ мѣстахъ и дорылись до новаго ключа. Вода въ немъ была смрадная и вредная: иные болѣли отъ нея, пухли; другіе воздерживались, насколько могли, отъ питья, терпѣли нужду, но молчали и сражались [1]).

---

[1]) Вода въ Казани и теперь вообще дурнаго качества, такъ что, несмотря на кажущееся обиліе ея, для жителей города до сихъ поръ единственнымъ резервуаромъ служитъ озеро *Нижній-Кабанъ*; да и въ немъ вода такъ дурна, что даже простымъ глазомъ можно видѣть плавающихъ насѣкомыхъ: она бываетъ чиста только зимою.

6-го сентября былъ взятъ съ большимъ кровопролитіемъ острогъ (укрѣпленіе), построенный казанцами въ 15-ти верстахъ отъ города на Арскомъ полѣ, на горѣ, между болотами, гдѣ соединились остатки разгромленнаго войска наѣздника Япанчи. Во главѣ отряда шелъ князь Семенъ Микулинскій; съ нимъ были бояре Данила Романовичъ и Захарій Яковлевъ, князья Булгаковъ и Палецкій, головы царской дружины, дѣти боярскіе; стѣльцы, атаманы съ казаками, Темниковская мордва и Горные черемисы, служившіе проводниками. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней и вслѣдъ за неустрашимыми вождями, черезъ болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ. Тѣла непріятелей лежали кучами. Взявъ острогъ воеводы пошли къ Арскому городищу, воюя и пожигая села. Отъ Арскаго городища они возвратились къ Казани другою дорогою, повоевали всю Арскую сторону [1]), многихъ людей побили, женъ и дѣтей въ плѣнъ взяли, а христіанъ многихъ изъ плѣна освободили. Воевали они на 150 верстъ по-

---

[1]) Арская сторона лежала на сѣверъ отъ Казани, на границѣ нынѣшней Вятской губерніи. Въ ней жили *Ари* или *Арины*, принадлежавшіе къ общему племени Вотяковъ, переселившихся сюда съ береговъ Енисея вмѣстѣ съ Монголами около половины XIII вѣка. Главнымъ городомъ Арской стороны былъ *Арскъ*, существующій и до сихъ поръ, въ 63 верстахъ отъ своего губернскаго города Казани.

перекъ, а въ длину до самой Камы; выжгли села и пригнали къ Казани въ полки множество скота, такъ что корову можно было теперь купить за 10, а вола за 20 денегъ. Царь и войско были въ большой радости.

Однако опасности въ окрестностяхъ Казани еще не прекратились для русскихъ. Если Арскій лѣсъ не бросалъ уже въ нихъ стрѣлъ, за то луговые черемисы отгоняли наши табуны и тревожили нашъ лагерь со стороны Галицкой дороги. Стоявшіе тутъ воеводы правой руки ходили на нихъ и побили ихъ наголову; но опасность новыхъ нападеній, заставляя этотъ полкъ быть постоянно на сторожѣ, утомляла его; сверхъ того, занимая низкія равнины вдоль Казанки, онъ болѣе всѣхъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости, отъ ненастья и отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ это время года, между тѣмъ какъ суевѣріе приписывало ихъ чародѣйству. Въ тѣ времена даже и болѣе образованные люди вѣрили въ силу волшебства, или чародѣйства. Князь Курбскій говоритъ, что на городскія стѣны, при восходѣ солнца, выходили какіе-то старцы и бабы и въ виду русскаго войска творили разныя чары: «вопили сатанинскія слова, махали своими одеждами на русское войско и неблагочинно вертѣлись», — и тогда вдругъ поднимался сильный вѣтеръ, собирались тучи (хотя раньше небо было совершенно ясно), лилъ дождь ливмя, и земля на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли русскіе обращалась въ болото. Царю посовѣтовали привезти изъ Москвы крестъ съ частицею Животворящаго Древа. Когда былъ привезенъ этотъ крестъ и стали совершать съ нимъ молебствія и крестные ходы, то сила «пога-

ныхъ чаръ», по словамъ Курбскаго, прекратилась.— По словамъ лѣтописца, были и для русскихъ добрыя предзнаменованія, предвѣщавшія успѣхъ. Набожные люди видѣли вѣщіе сны: одинъ видѣлъ, какъ святые Апостолы благословляли Казань, гдѣ должно было водвориться православіе; другому св. Николай Чудотворецъ повелѣлъ возвѣстить царю, что Казань будетъ взята. Замѣченъ былъ нѣкоторыми какой-то чудный свѣтъ надъ городомъ, поднимавшійся столбами [1]).

Между тѣмъ осадныя работы продолжались. Дьякъ Иванъ Выродковъ поставилъ противъ Царевыхъ воротъ башню въ 6 саженей вышиною, построенную тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ; внесли на нее много наряду, пищали полуторныя и затинныя (небольшихъ размѣровъ пушки). Стрѣльцы начали стрѣлять съ башни въ городъ и побивали много народу. Осажденные укрывались въ ямахъ копали рвы подъ городскими воротами, подъ стѣнами, и рыли норы подъ тарасами: у всякихъ воротъ за рвами были у нихъ большіе тарасы, насыпанные землею. Выползая изъ норъ, какъ змѣи, они бились безпрестанно, день и ночь, съ осаждающими. Особенно жестоко бились они, не давая придвигать туровъ ко рву. Тѣмъ не менѣе однако князь Михаилъ Воротынскій успѣлъ придвинуть туры къ самому рву, противъ Арской башни и Царевыхъ воротъ, такъ что между городскими стѣнами и русскими турами оставался одинъ ровъ въ 3 сажени шириною и въ 7 глубиною. Придвинувъ туры ко рву осаждающіе разош-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ слѣдующей главѣ.

лись обѣдать, оставивъ подлѣ укрѣпленій немногихъ людей. Замѣтили казанцы эту оплошность, вылѣзли изо всѣхъ норъ и изъ-за тарасовъ и неожиданно напали на туры. Защитники послѣднихъ дрогнули и побѣжали. Но воеводы успѣли выстроить полки и ударили на казанцевъ, которые были сбиты во рвы. Русскіе били ихъ и тутъ, но они порами убѣгали въ городъ. Это дѣло было однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ; и хотя туры были спасены, однако это спасеніе дорого стоило осаждающимъ, которые потеряли много убитыми и ранеными. Самъ князь Воротынскій получилъ нѣсколько ранъ и спасся отъ смерти, благодаря крѣпости своего доспѣха. Въ то время какъ ожесточенный бой кипѣлъ противъ Арской башни, ногаи и казанцы сдѣлали вылазку изъ Збойлевыхъ воротъ на туры передоваго полка и ядтоула. Здѣсь воеводы были готовы, подпустили непріятеля къ турамъ, ударили на него со всѣхъ сторонъ и поразили безъ всякаго для себя урона.

Уже около пяти недѣль стояли русскіе подъ Казанью, истребивъ во время вылазокъ и въ городѣ не менѣе 10,000 непріятелей,—а осада грозила кончиться еще не скоро. Наступающая осень пугала всѣхъ болѣе, нежели трудности осады: всѣ желали скорѣйшаго конца. Видя, что русскій огонь не причиняетъ большаго вреда осажденнымъ, скрывающимся за тарасами, царь велѣлъ сдѣлать подкопъ подъ эти тарасы, и какъ только ихъ взорвутъ, придвинуть туры къ самымъ воротамъ Арскимъ и Царевымъ. 30-го сентября тарасы взлетѣли на воздухъ вмѣстѣ съ людьми; бревнами побило множество народа въ городѣ, остальные обезпамятѣли отъ

ужаса и долго оставались въ бездѣйствіи: стрѣлы перестали летать изъ Казани. Пользуясь этимъ временемъ воеводы утвердили туры подлѣ Царевыхъ, Арскихъ и Аталыковыхъ воротъ. Наконецъ казанцы опомнились, выскочили изо всѣхъ воротъ и съ ожесточеніемъ напали на русскихъ. Въ это время Іоаннъ самъ показался у города. Увидавъ его русскіе съ новымъ, удвоеннымъ рвеніемъ ударили на непріятеля, схватились съ нимъ въ воротахъ на мостахъ, у стѣнъ, бились копьями и саблями, схватывались за руки. Дымъ отъ пушечной и пищальной пальбы покрылъ городъ и сражающихся. Наконецъ осаждающіе одолѣли, взобрались на стѣны, заняли Арскую башню, втѣснили въ самый городъ. Князь Михаилъ Воротынскій послалъ сказать Іоанну, что надобно пользоваться удачею и вести общій приступъ. Но остальные полки не были приготовлены къ этому дню,—и, по царскому приказанію, воиновъ вывели насильно изъ города. Стѣны, ворота и мосты были зажжены, а въ Арской башнѣ утвердились русскіе люди. Мосты и стѣны горѣли цѣлую ночь, изъ стѣнъ сыпалась земля. Русскіе воеводы велѣли своимъ ратникамъ на занятыхъ мѣстахъ заставиться крѣпкими щитами, а туры засыпать землею. Татары также работали: ставили противъ пробитыхъ мѣстъ срубы и насыпали ихъ землею.

На другой день, 1-го октября, царь велѣлъ наполнить рвы лѣсомъ и землею, устроить мосты и бить изъ пушекъ безпрестанно: били весь день и сбили до основанія городскую стѣну. Общій приступъ назначенъ былъ на слѣдующій день, въ воскресенье, 2-го октября. Во

всѣхъ полкахъ ратнымъ людямъ велѣно было очистить душу (исповѣдаться и причаститься) наканунѣ роковаго дня. Но прежде рѣшительнаго приступа царь хотѣлъ въ послѣдній разъ испытать дѣйствіе мирныхъ переговоровъ: къ городу былъ отправленъ Мурза-Камай съ предложеніемъ, чтобы казанцы били челомъ государю; если они отдадутся въ его волю и выдадутъ измѣнниковъ, то государь проститъ ихъ. Предложеніе было отвергнуто. Осажденные въ одинъ голосъ отвѣчали: «Не бьемъ челомъ! На стѣнахъ Русь, на башнѣ Русь—ничего: мы другую стѣну поставимъ—и всѣ помремъ или отсидимся!» И такъ казанцы сами рѣшили свою участь. Услышавъ ихъ ожесточенно-отчаянный отвѣтъ Іоаннъ произнесъ: «Премилосердый Боже! Ты видишь мое сердце, что я посылалъ къ нимъ съ предложеніемъ мира; они отвергли его и предпочли кровопролитіе. А потому да будетъ эта кровь на нихъ и на дѣтяхъ ихъ»! Рѣшено было взорвать подкопы и всѣми силами ударить на городъ въ 3 часа слѣдующаго утра. По дорогамъ царь велѣлъ также разставить полки, чтобы не пропускать казанцевъ, если они вздумаютъ бѣжать изъ города.

Въ ночь съ субботы на воскресенье шли приготовленія. Изъ города видѣли необычайное движеніе въ русскомъ станѣ, поняли, въ чемъ дѣло, и тоже готовились къ послѣднему смертному бою.

Занялась заря. Небо было ясное, чистое. Казанцы готовые къ бою, стояли на стѣнахъ, русскіе—въ своихъ укрѣпленіяхъ. Ни съ той, ни съ другой стороны не стрѣляли. Время отъ времени только звучали то тамъ,

то сямъ трубы и бубны,—и снова наступала полная тишина. То была тишина томительная, зловѣщая, словно затишье предъ грозой... Царь предъ разсвѣтомъ бесѣдовалъ наединѣ со своимъ духовникомъ, затѣмъ сталъ вооружаться, надѣвать свой юшмакъ (доспѣхъ), какъ вдругъ ему почудился колокольный звонъ изъ Казани. «Слышу—сказалъ царь своимъ приближеннымъ—звонъ какъ будто Симонова монастыря»! Это было принято за доброе предзнаменованіе. Царь пошелъ къ заутренѣ въ свою походную церковь. Князь Воротынскій увѣдомилъ его, что размыслъ все уже приготовилъ, 48 бочекъ пороху подъ городъ подведено, и мѣшкать болѣе нельзя ни минуты, потому что изъ города замѣтили приготовленія. Царь послалъ возвѣстить по всѣмъ полкамъ, чтобы всѣ изготовились къ бою, отпустилъ отъ себя всѣхъ воеводъ по ихъ мѣстамъ, велѣлъ своему полку ждать себя въ урочномъ мѣстѣ, а самъ началъ молиться со слезами: «Владыко Христе! помилуй рабовъ Твоихъ. Се пришло время Твоей милости; се время—подай крѣпость на сопротивныхъ, рабамъ Твоимъ, освободи сирыхъ и плѣнныхъ! Пошли Свою древнюю милость свыше, да разумѣютъ поганые, что Ты—Богъ нашъ, что на Тебя уповая побѣждаемъ! И Ты, о пречистая Владычице и Богородице, буди помощница мнѣ и моему воинству! Надѣющееся на Тя да не посрамимся въ брани Твоими молитвами»!

Царь слушалъ обѣдню. Дьяконъ оканчивалъ чтеніе Евангелія и лишь только возгласилъ послѣднія слова: *И будетъ едино стадо и единъ Пастырь*, какъ грянулъ взрывъ, словно громъ: земля дрогнула... Царь высту-

лилъ немного изъ церковныхъ дверей и увидѣлъ страшное зрѣлище: дымъ и земля, взорванная порохомъ, затмили воздухъ; бревна, камни и множество людей летѣли въ вышину. Онъ вернулся въ церковь, чтобы дослушать службу, и продолжалъ молиться еще усерднѣе. Дьяконъ произносилъ ектенію: *О благовѣрномъ Царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и о супругѣ благовѣрной Царицѣ и великой княгинѣ Анастасіи Романовнѣ,—о пособити и покорити подъ ногъ его всякаго врага и сопостата,*—при послѣднихъ словахъ разразился второй взрывъ, сильнѣе перваго. Ужасно было видѣть множество истерзанныхъ труповъ и искалѣченныхъ людей, летящихъ въ воздухѣ на страшной высотѣ! Съ крикомъ: «Съ нами Богъ»! Русское войско со всѣхъ сторонъ кинулось на городъ. Татары призывали на помощь Магомета и съ яростью схватывались съ русскими. Жестокая сѣча кипѣла въ городскихъ воротахъ, въ проломахъ и на стѣнахъ. Одинъ изъ царскихъ приближенныхъ вошелъ въ церковь и сказалъ государю: «Государь! время тебѣ ѣхать,—ужъ полки ждутъ тебя».—«Если до конца пѣнія дождемся,—отвѣчалъ ему царь,—то получимъ отъ Христа совершенную милость».—Явился второй вѣстникъ. «Великое время (непремѣнно нужно)—сказалъ онъ—царю ѣхать, чтобы укрѣпились воины въ бою, увидѣвъ его». Царь глубоко вздохнулъ, и слезы полились изъ глазъ его. «Не остави мене, Господи Боже мой,—молился онъ,—и не отступи отъ мене, вонми въ помощь мою»! Обѣдня уже оканчивалась. Іоаннъ приложился къ образу чудотворца Сергія, выпилъ святой воды, вкусилъ просфоры, принялъ благо-

словеніе у духовника и сказалъ духовенству: «Простите меня и благословите пострадать за вѣру Христову, молите Бога непрестанно, помогайте намъ молитвою»! Сказавъ это царь сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку.

Русскія знамена уже развѣвались на городскихъ стѣнахъ, когда Іоаннъ подъѣхалъ къ городу. Присутствіе царя придало ратникамъ новыя сйлы. Русскіе ворвались въ городъ съ разныхъ сторонъ. Особенно лютый бой пришлось выдержать отряду князя Курбскаго, который приступилъ къ городу со стороны рѣчки Казанки. Здѣсь войску приходилось взбираться на гору, гдѣ стояла высокая городская башня. Татары подпустили русскихъ близко къ стѣнѣ и затѣмъ дали страшный залпъ изъ ружей; посыпались на русскихъ и стрѣлы, подобно частому дождю; полетѣли тучами и камни, побивая рать, словно градъ ниву. Когда же русскіе, съ неимовѣрнымъ трудомъ, подбились къ самой стѣнѣ, казанцы окачивали ихъ сверху кипящимъ варомъ, валили на нихъ съ большой высоты огромные камни и грузныя бревна. Много погибло тутъ русскихъ удальцовъ. Не смотря на отчаянное упорство татаръ, русскіе приставили все-таки лѣстницы и взбирались на стѣну [1]); иные лѣзли въ окна башни, въ проломы. Выбитые изъ башни, сбитые со стѣны, татары обратили тылъ.

Лишь только русскіе ворвались въ городъ (гово-

---

[1]) Первымъ взошелъ на стѣну юный братъ князя Андрея Михайловича Курбскаго, Романъ; за нимъ прочіе.

ритъ Курбскій), какъ многіе изъ нихъ, падкіе до корысти, бросились грабить дома. Да и было на что позариться: многіе дома и лавки были полны золота, серебра, дорогихъ мѣховъ и самоцвѣтныхъ камней. Иные воины, которые лежали на полѣ, притворившись тяжело ранеными или убитыми, вскакивали, бѣжали въ городъ и принимались усердно за грабежъ. Набѣжали въ городъ даже кашевары и обозные люди и принялись за легкую работу. Казанцы замѣтили это и видя, что противъ нихъ стоитъ не особенно много русскихъ воиновъ, поналегли на нихъ всею силою и стали ихъ тѣснить; тѣ начали отступать. Тогда страхъ обуялъ русскихъ грабителей: они ударились въ бѣгство. Иные изъ нихъ не попадали въ ворота и бросались съ захваченнымъ добромъ чрезъ стѣны; а другіе кидали и добычу, бѣжали и кричали въ попыхахъ: «Сѣкутъ, сѣкутъ!» Самъ царь, увидѣвъ бѣгущія толпы своихъ людей, сначала было упалъ духомъ; но узнавъ, въ чемъ дѣло, ободрился и послалъ половину своего полка (10 тысячъ человѣкъ) на помощь бившимся въ городѣ, а тѣхъ, что кидались на грабежъ, велѣлъ безпощадно убивать. Свѣжее войско, вступившее въ городъ, помогло сломить отчаянную оборону. Въ самомъ городѣ долго еще кипѣла яростная свалка. Въ страшной тѣснотѣ трудно было управляться копьями и саблями—враги схватывались руками и рѣзались ножами, попирая ногами мертвыхъ и раненыхъ. Иные воины лѣзли на кровли домовъ и оттуда разили враговъ. Князь Воротынскій просилъ помощи. Царь послалъ пѣшихъ воиновъ,—конныхъ невозможно было-бы и пробраться въ

тѣснотѣ. Самая жаркая битва кипѣла около мечети, въ которой затворилось значительное количество татаръ, вмѣстѣ съ своимъ главнымъ муллою. Татары отчаянно защищали свою святыню. Когда-же въ жаркой схваткѣ палъ ихъ мулла, то оставшіеся въ живыхъ кинулись на царевъ дворъ. Царь Едигеръ заперся въ своемъ дворцѣ и сильно отбивался отъ русскихъ. Наконецъ, видя, что тутъ ему не спастись, ринулся съ своимъ отрядомъ къ воротамъ, думая прорваться сквозь ряды русскихъ изъ города. Но путь ему загородилъ отрядъ Курбскаго, а сзади напирало главное русское войско. Татары, по трупамъ своихъ взобрались на башню и закричали русскимъ, что хотятъ вступить съ ними въ переговоры. Русскіе перестали биться, и татары начали говорить: «Пока стоялъ юртъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ, до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и за юртъ. Теперь мы отдаемъ вамъ царя живаго и здороваго: ведите его къ своему царю! А мы выйдемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». Выдавъ царя вмѣстѣ съ тремя приближенными къ нему вельможами [1]), татары бросились прямо со стѣны на берегъ Казанки и хотѣли пробиться прямо къ рѣкѣ, но, встрѣченные залпомъ изъ русскихъ пушекъ, поворотили налѣво внизъ, бросили доспѣхи, ра-

[1]) Вмѣстѣ съ Едигеромъ казанцы выдали Палецкому главнаго, престарѣлаго вельможу, или *карачу*, именемъ Заніеша, и двухъ *мамичей*, или совоспитанниковъ царя.—По сказанію *исторіи казанскаго царства*, русскіе хотѣли убить Едигера, не зная его; но татары закричали имъ: „не убивайте—это царь!“

зулись и перебрели рѣчку, въ числѣ 6,000 человѣкъ.

Двое братьевъ, князья Курбскіе, Андрей и Романъ, сѣли на коней, съ многочисленною дружиною обскакали непріятеля, отрѣзали ему дорогу и вступили въ бой, въ виду всего русскаго войска, смотрѣвшаго со стѣнъ города на битву. Князь Андрей прежде всѣхъ врѣзался въ толпу татаръ: три раза конь его опирался о враговъ, въ четвертый палъ среди нихъ вмѣстѣ съ княземъ. Оглушенный ударами, истекая кровью, князь Андрей потерялъ память и долго не могъ очнуться. Тутъ прискакалъ на помощь братъ его, рипулся на враговъ, два раза проѣхалъ среди нихъ, поражая бусурманъ направо и налѣво. Когда же конь его палъ, онъ, забывъ тяжкія раны, вскочилъ на другаго, догналъ снова татаръ и началъ рубить ихъ. Оба князя-героя были учащены ранами: старшаго спасла отъ смерти броня прародительская; младшій умеръ на другое лѣто. Задержанные братьями Курбскими татары, не успѣли достигнуть большаго болота, за которымъ начинался густой лѣсъ, и были настигнуты тремя воеводами—князьями Микулинскимъ, Глинскимъ и Шереметевымъ, нанесшими имъ окончательное пораженіе: только немногіе изъ нихъ успѣли убѣжать въ лѣсъ, и то раненые. Въ Казани не осталось въ живыхъ ни одного изъ ея защитниковъ, потому что Іоаннъ велѣлъ побивать всѣхъ вооруженныхъ, а брать въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей.

Узнавъ, что Казань находится въ рукахъ его войска, царь велѣлъ служить благодарственный молебенъ подъ своимъ знаменемъ, собственноручно, вмѣстѣ съ

духовенствомъ, водрузилъ крестъ и велѣлъ поставить церковь во имя Нерукотвореннаго образа Спаса на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя [1]) во время взятія города. Послѣ молебна князь Владиміръ Андреевичъ, всѣ бояре и воеводы поздравляли государя съ славною побѣдою. Князь Владиміръ говорилъ: «Радуйся, царь православный, Божіею благодатію побѣдившій супостатовъ! будь здоровъ на многія лѣта на Богомъ дарованномъ тебѣ царствѣ казанскомъ! Ты по Богѣ нашъ заступникъ отъ безбожныхъ агарянъ; тобою теперь бѣдные христіане освобождаются на вѣки, и нечестивое мѣсто освящается благодатію. И впередъ у Бога милости просимъ, чтобъ умножилъ лѣтъ живота твоего и покорилъ всѣхъ супостатовъ подъ ноги твои и далъ бы тебѣ сыновей, наслѣдниковъ царству твоему, чтобъ намъ пожить въ тишинѣ и покоѣ». Царь отвѣчалъ: «Богъ это совершилъ, твоимъ, князь Владиміръ Андреевичъ, попеченіемъ, всего нашего воинства трудами и всенародною молитвою. Буди воля Господня!» — Пріѣхалъ и Шигъ-Алей съ поздравленіемъ. Бывшему татарскому царю, поздравляющему съ разрушеніемъ татарскаго царства, царь-побѣдитель счелъ приличнымъ отвѣчать оправданіемъ этого разрушенія, вызваннаго печальною необходимостью: «Царь-господинъ! тебѣ, брату нашему, вѣдомо: много я къ нимъ посылалъ, чтобъ захотѣли покою. Тебѣ вѣдомо

---

[1]) Знамя это теперь хранится въ Москвѣ, въ оружейной палатѣ въ Кремлѣ.

упорство ихъ, какимъ злымъ ухищреніемъ много лѣтъ лгали. Теперь милосердый Богъ праведный судъ свой показалъ, отомстилъ имъ за кровь христіанскую!»

По приказанію царя очищена была отъ труповъ одна улица въ Казани, ведшая отъ Муралеевыхъ воротъ къ царскому дворцу. Это стоило не малаго труда: груды тѣлъ лежали на улицахъ, горы ихъ были у стѣнъ, рвы были наполнены ими, поле усѣяно. Все свидѣтельствовало о страшной лютости боя. Царь въѣхалъ въ столицу побѣжденнаго царства, впереди ѣхали воеводы и дворяне, сзади князь Владиміръ Андреевичъ и Шигъ-Алей. Нѣсколько тысячъ христіанъ, томившихся въ казанской неволѣ и теперь освобожденныхъ, увидѣвъ царя, кланялись ему въ землю и со слезами кричали: «Избавитель ты нашъ! Ты спасъ насъ изъ ада! Ты ради насъ несчастныхъ не щадилъ своей головы!» Царь велѣлъ отвести ихъ въ свой станъ и кормить, потомъ распорядиться отсылкою ихъ по домамъ. Въѣхавъ въ городъ онъ велѣлъ воеводамъ тушить пожаръ, пылавшій еще въ нѣкоторыхъ частяхъ города, и очистить послѣдній отъ труповъ.

Всѣ русскіе люди были въ большой радости. Да и какъ было не радоваться? «На томъ мѣстѣ (говоритъ лѣтописецъ), гдѣ прежде водворялись нечестивые цари и много лѣтъ проливалась кровь бѣдствующихъ христіанъ, теперь возсіяло праведное солнце, Животворящій Крестъ, образъ Владыки нашего Христа и Пречистой Его Матери и великихъ чудотворцевъ!»

Всѣ сокровища взятыя въ Казани и плѣнниковъ—женщинъ и дѣтей Іоаннъ отдалъ войску, а себѣ взялъ

царя Едигера, царскія знамена и городскія пушки. Побывъ нѣсколько времени въ царскомъ дворцѣ онъ возвратился назадъ въ станъ, гдѣ прежде всего пошелъ въ церковь св. Сергія чудотворца принести благодарную молитву этому молитвеннику и ходатаю передъ Богомъ за землю русскую; потомъ вышелъ къ полкамъ съ радостнымъ и свѣтлымъ лицомъ. Его вѣрные сподвижники еще дымились кровію невѣрныхъ и своею; многіе витязи, по словамъ лѣтописца, *сіяли ранами драгоцѣннѣйшими алмазовъ*. «Государь же исшедъ къ нимъ веселымъ образомъ, любовь и милость воистину проявляя, и свѣтлымъ гласомъ рече во услышаніе всѣмъ могущимъ слышати:»

«Воины мужественные, бояре, воеводы и всѣ прочіе добрые страдальцы за вѣру, отечество и насъ въ настоящій знаменитый день! Вы пріобрѣли неслыханную въ наше время славу. Никто не оказывалъ такой храбрости, никто не одерживалъ такой побѣды, какъ вы, любезные мои! Вы— новые македоняне и наслѣдники храбрости вашихъ предковъ, одержавшихъ съ великимъ княземъ Димитріемъ славную побѣду надъ Мамаемъ за Дономъ. За ваше достохвальное мужество вы достойны не только благодарности отъ меня, но и воздаянія отъ десницы Божіей. Испившіе смертную чашу будутъ причтены къ лику святыхъ мучениковъ; и мы должны вѣчно поминать ихъ и, записавъ имена ихъ, передать въ церковь для вѣчнаго поминовенія. Пролившихъ же свою кровь у васъ всѣхъ, оставшихся въ живыхъ, обѣщаемъ пожаловать по достоинству сторицею».

Войско отвѣтствовало на эту рѣчь радостными кликами. Затѣмъ царь устроилъ въ станѣ радостный пиръ своимъ сподвижникамъ-героямъ. Въ этотъ же день онъ отправилъ своего шурина, князя Данилу Романовича, въ Москву съ радостною вѣстью къ супругѣ, митрополиту и брату Юрію.

Казань была взята, но необходимо было распорядиться относительно дикаго, воинственнаго народонаселенія, жившаго въ ея области и находившагося въ зависимости отъ нея. Іоаннъ разослалъ по всѣмъ улусамъ черным ясачным (податным) людямъ жалованныя грамоты, въ которыхъ писалъ, чтобы они шли къ нему безъ страха: онъ ихъ пожалуетъ, а они бы платили ему ясакъ, какой платили прежнимъ казанскимъ царямъ. Арскіе люди и луговая черемиса прислали къ царю съ челобитьемъ, изъявляя покорность. Успокоенные царскими грамотами, они возвратились въ свои дома изъ лѣсовъ, куда попрятались послѣ разгрома Казани.

4-го октября, вся Казань была очищена отъ труповъ. Царь поѣхалъ въ нее въ другой разъ, выбралъ среди города мѣсто, водрузилъ на немъ своими руками крестъ и заложилъ церковь въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Отслужили молебенъ, освятили воду и совершили крестный ходъ по городскимъ стѣнамъ. На третій день, 6-го октября, заложенная церковь Благовѣщенія была уже готова и освящена [1]).

---

[1]) «Октября 6-го свящалъ государь церковь Благовѣщеніе, и свящалъ Андрей протопопъ, да съ Свіяги рожественскій протопопъ Аѳанасій со игумены и священники».

Въ тотъ же день царь назначилъ намѣстникомъ въ Казань большаго боярина, князя Александра Борисовича Горбатаго и боярина князя Василія Семеновича Серебрянаго, оставилъ съ ними дворянъ своихъ большихъ, много дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ.

11-го октября, отслушавъ напутственный молебенъ въ новоосвященной церкви Благовѣщенія, покоритель казанскаго царства выступилъ въ обратный путь. Самъ государь поѣхалъ Волгою на судахъ, а конная рать пошла берегомъ на Васильсурскъ съ княземъ Воротынскимъ. Переночевавъ на берегу Волги, противъ Гостинаго острова, Іоаннъ 12-го октября съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ боярами и съ пѣхотными дружинами отплылъ на судахъ къ Свіяжску. Въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ былъ встрѣченъ на берегу Волги всѣми гражданами со крестами; здѣсь же онъ встрѣтилъ посланныхъ изъ Москвы съ поздравленіемъ отъ царицы, отъ князя Юрія Васильевича и отъ митрополита. Вышедши здѣсь изъ судовъ Іоаннъ поѣхалъ сухимъ путемъ на Балахну во Владиміръ. Здѣсь ждала его новая радость: прискакалъ бояринъ Василій Юрьевичъ Траханіотъ съ вѣстію о рожденіи перваго сына, Димитрія. Государь въ радости спрыгнулъ съ коня, обнялъ, цѣловалъ Траханіота, плакалъ и не зная, чѣмъ наградить вѣстника счастья, отдалъ ему съ плеча царскую одежду и коня изъ-подъ себя [1]). Изъ Владиміра

---

[1]) «И отъ великія радости образъ лица его вельми цвѣтяше тому же Василью Юрьевичу жалуетъ изъ-подъ себя иноходца коня и все платье съ себе, и до послѣднія срачицы» (Морозовская Лѣтопись)

чрезъ Суздаль и Юрьевъ царь поѣхалъ въ Троицкій монастырь, гдѣ прежній митрополитъ Іоасафъ, игуменъ и братія встрѣчали его съ крестами. 28-го октября онъ ночевалъ въ селѣ Тайнинскомъ, гдѣ встрѣченъ былъ братомъ Юріемъ и нѣкоторыми боярами. Наконецъ 29-го октября, приближаясь рано утромъ къ своей столицѣ, Іоаннъ Васильевичъ увидѣлъ на берегу Яузы безчисленное множество народа, такъ что на пространствѣ 6-ти верстъ, отъ рѣки до города, оставался только самый тѣсный путь для государя и его дружины. Тысячи народа встрѣтили и сопровождали своего царя радостными кликами: «Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю христіанъ»! У Срѣтенскаго монастыря онъ былъ встрѣченъ митрополитомъ съ крестами. Благословившись у первосвятителя Іоаннъ говорилъ ему рѣчь, въ которой излагалъ исторію казанскаго похода и которая оканчивалась такъ: «А тебѣ отцу своему и богомольцу и всему освященному собору, вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣмъ войскомъ, за ваши труды и молитвы, — потому что вашими молитвами Богъ содѣлалъ такія великія чудеса, — много челомъ бьемъ». Тутъ царь, князь Владиміръ и все войско поклонились въ землю, послѣ чего Іоаннъ продолжалъ: «И теперь вамъ челомъ бью, чтобъ пожаловали, потщились молитвою къ Богу о нашемъ согрѣшеніи и о строеніи земскомъ, чтобъ вашими святыми молитвами милосердый Богъ милость намъ свою послалъ и порученную намъ паству, православныхъ христіанъ, сохранилъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ; наставилъ бы насъ на

путь спасенія, отъ враговъ невидимыхъ соблюлъ, новопросвѣщенный градъ казанскій; по волѣ Его святой намъ данный, сохранилъ во имя святое Свое и утвердилъ бы въ немъ благовѣріе, истинный законъ христіанскій, и невѣрныхъ бы обратилъ къ нему, чтобъ и они вмѣстѣ съ нами славили великое имя Святыя-Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь». — Митрополитъ отвѣчалъ также рѣчью, въ которой прославлялъ милость Божію и подвиги царя, сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ, Владиміромъ Святымъ, Димитріемъ Донскимъ, Александромъ Невскимъ. Эту рѣчь онъ закончилъ слѣдующими словами: «Мы же, твои богомольцы, что къ Богу возглаголемъ за Его великія милости и дарованія тебѣ, царю благочестивому, вѣрному Его рабу? Скажемъ только: Велій еси, Господи, и чудны дѣла Твои,—нѣтъ словъ къ сосхваленію чудесъ Твоихъ! А тебѣ, царь, какъ возможемъ бить челомъ и какія тебѣ похвалы принесемъ? Ты съ Божіею помощію избавилъ насъ отъ нападеній варварскихъ, жилища ихъ до основанія разорилъ и бѣдную братію нашу освободилъ изъ плѣна. Скажемъ тебѣ вмѣстѣ съ избавленною братіею: Радуйся, благочестивый царь, и веселися, приводя ихъ ко Христу! Здравствуй, государь нашъ, съ царицею Анастасіею, съ Богомъ дарованнымъ тебѣ сыномъ, царевичемъ Димитріемъ, съ братьями—Юріемъ Васильевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ, съ своими боярами и всѣмъ войскомъ, — здравствуй въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, на всѣхъ твоихъ царствахъ и на дарованномъ тебѣ, царствѣ казанскомъ, въ сей

годъ и на будущія многія, многія лѣта! А за твои труды, царь благочестивый, со освященнымъ соборомъ и со всѣми православными христіанами бьемъ челомъ». И митрополитъ въ свою очередь со всѣмъ духовенствомъ и народомъ, пали ницъ предъ царемъ и его воинствомъ со слезами радости.

Здѣсь же, у Срѣтенскаго монастыря, Іоаннъ переодѣлся: снялъ воинскіе доспѣхи и надѣлъ одежду царскую—на голову надѣлъ шапку Мономахову, на плеча бармы, на грудь крестъ, и пошелъ пѣшкомъ за крестами въ Успенскій соборъ, а оттуда во дворецъ.

8-го, 9-го и 10-го ноября у царя были столы (торжественные обѣды) для знатнаго духовенства и вельможъ, и три дня раздавались дары митрополиту и владыкамъ и награды воеводамъ и воинамъ, начиная съ князя Владиміра Андреевича до послѣдняго сына боярскаго: кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, роздано было деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами, конями на 48,000 рублей (сумма по тому времени огромная).

Торжество покоренія Казани, достойнымъ образомъ завершилось торжествомъ вѣры Христовой надъ двумя казанскими царями—Утемишъ-Гиреемъ и Едигеромъ. Перваго, еще младенца, митрополитъ крестилъ въ Чудовѣ монастырѣ и назвалъ *Александромъ*. Государь взялъ его къ себѣ во дворецъ. Едигеръ самъ изъявилъ желаніе, сдѣлаться христіаниномъ. Таинство св. крещенія было совершено надъ нимъ на берегу Москвы рѣки, въ присутствіи государя, бояръ и множества народа. Воспріемникомъ новопросвѣщеннаго *Симеона* отъ купели былъ митрополитъ. Симеонъ-Едигеръ удержалъ

титулъ царя, жилъ въ Кремлѣ въ особомъ большомъ домѣ, имѣлъ боярина, чиновниковъ, множество прислуги, женился на дочери знатнаго сановника, Андрея Кутузова, Маріи, и пользовался всегда расположеніемъ государя. Тогда же крестилось много казанскихъ князей, увеличившихъ собою число татарскихъ родовъ въ русскомъ дворянствѣ. «Тогда же (говоритъ современный лѣтописецъ), и прежде того, и потомъ мнози отъ невѣрныхъ крестишася—мужіе и жены, старіи и юноши и дѣвицы и всякаго возраста, и отъ рода царска и княжеска, и прочихъ вельможъ и всякаго чина, и отъ крымскихъ, и казанскихъ, и астраханскихъ, и черемисы и иныхъ ордъ [1]).

Съ завоеваніемъ Казани расширились предѣлы не только Русской державы, но и русской церкви.

По важности мѣста, какимъ была Казань, и по важности для церкви и государства слѣдствій, какія могло имѣть обращеніе окружнаго народонаселенія въ христіанство, положено было учредить здѣсь особую епархію. Въ 1555 году составился въ Москвѣ соборъ пастырей русской церкви, на которомъ было положено: быть въ Казани архіепископу и при немъ архимандриту и игуменамъ, а въ Свіяжскѣ только архимандриту и игуменамъ; въ составъ же новой епархіи должны входить—городъ Казань съ окрестными улусами, городъ Свіяжскъ съ горною стороною, городъ Васильсурскъ и вся Вятская земля. Занять открывшуюся въ

---

[1]) Никон. Лѣт. VII, 198—199. Степ. Кн. II 264—267.

Казани каѳедру первому судилъ Господь Гурію, происходившему изъ незнатной боярской фамиліи Руготиныхъ (онъ родился въ Радонежѣ). Рукоположеніе Гурія въ санъ архипастыря изъ игуменовъ Селижарова Троицкаго монастыря (Тверской епархіи) совершилось съ великою торжественностью: въ священнодѣйствіи участвовали 10 святителей и вообще до 76 освященныхъ лицъ, кромѣ иподіаконовъ и низшихъ клириковъ. 26-го мая первый архіепископъ казанскій и свіяжскій отправился изъ Москвы въ свою епархію. Это отправленіе было необычное, первое въ русской исторіи: архіепископъ ѣхалъ въ завоеванное невѣрное царство распространять тамъ христіанство, утверждать нравственный порядокъ; везъ съ собою духовенство, нужныя для церкви вещи, иконы и проч. Этотъ духовный походъ Гурія въ Казань соотвѣтствовалъ отправленію греческаго духовенства изъ Византіи и Корсуня, для просвѣщенія Руси христіанствомъ при Владимірѣ; онъ былъ завершеніемъ покоренія Казани—великаго подвига совершеннаго для торжества христіанства надъ мусульманствомъ. Вотъ почему отправленіе Гурія въ Казань совершилось съ большимъ торжествомъ. Въ седьмое воскресенье послѣ Свѣтлаго Воскресенія въ Успенскомъ соборѣ былъ молебенъ, который служили: митрополитъ Макарій и новый архіепископъ Гурій; Крутицкій владыка Нпфонтъ съ архимандритомъ и игуменами святилъ воду надъ мощами. Послѣ молебна духовенство съ крестомъ, евангеліемъ и иконами пошло на Фроловскій мостъ (къ Фроловскимъ или Спасскимъ воротамъ); за нимъ шелъ царь съ братьями,

князьями, боярами и множествомъ народа. Передъ Кремлемъ былъ другой молебенъ, послѣ котораго царь и митрополитъ простились съ Гуріемъ. Такъ какъ въ это время за Фроловскими воротами уже было положено основаніе знаменитому Покровскому собору въ память взятія Казани, то Гурій говорилъ здѣсь эктенію, осѣнялъ крестомъ и кропилъ святою водою. Вышедши на Живой мостъ изъ Новаго города, онъ читалъ Евангеліе, эктенію, осѣнялъ крестомъ и говорилъ молитву—сочиненіе митрополита Иларіона русскаго—за царя и за все православіе. Здѣсь былъ отпускъ: Гурій осѣнилъ крестомъ и благословилъ слѣдовавшій за нимъ народъ, окропилъ его и городъ святою водою и вошелъ въ судно, гдѣ продолжалось пѣніе и чтеніе Евангелія. Подъ Симоновымъ казанское духовенство вышло изъ судна и было встрѣчено симоновскимъ архимандритомъ съ крестами. Здѣсь Гурій служилъ литургію, обѣдалъ и ночевалъ, а на другой день рано отправился въ дальнѣйшій путь—по Москвѣ рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ. На дорогѣ, по прибрежнымъ погостамъ и большимъ селамъ, посылалъ кропить святою водою храмы, мѣста и народъ. Коломенскій владыка долженъ былъ въ своемъ городѣ велѣть объявить на торгу, чтобы весь народъ шелъ къ молебнамъ и на встрѣчу казанскому архіепископу. Встрѣченный владыкою съ крестнымъ ходомъ и всѣмъ народомъ, Гурій служилъ въ Коломнѣ литургію и обѣдалъ у владыки. Во всѣхъ другихъ городахъ былъ ему такой же пріемъ. По пріѣздѣ въ Казань, новый архіепископъ обязанъ былъ поучать народъ каждое воскресенье, новокрещенныхъ

всегда поучать страху Божію, къ себѣ пріучать, кормить, поить, жаловать и беречь во всемъ, дабы и прочіе невѣрные, видя такое береженіе и жалованіе, поревновали христіанскому праведному закону и просвѣтились святымъ крещеніемъ. Въ «Наказѣ», данномъ Гурію, говорится:

«Которые татары захотятъ креститься волею, а не отъ неволи, тѣхъ велѣть крестить, и лучшихъ держать у себя въ епископіи, поучать христіанскому закону и покоить какъ можно; а другихъ раздавать крестить по монастырямъ. Когда новокрещенные изъ подъ наученія выйдутъ, архіепископу звать ихъ къ себѣ обѣдать почаще, поить ихъ у себя за столомъ квасомъ, а послѣ стола посылать ихъ поить медомъ на загородный дворъ. Которые татары станутъ приходить къ нему съ челобитьемъ, тѣхъ кормить и поить у себя на дворѣ квасомъ же, а медомъ поить на загородномъ дворѣ; приводить ихъ къ христіанскому закону, при чемъ разговаривать съ ними кротко, тихо, съ умиленіемъ, а жестоко съ ними не говорить. Если татаринъ дойдетъ до вины и убѣжитъ къ архіепископу отъ опалы и захочетъ креститься, то назадъ его воеводамъ никакъ не отдавать, а крестить, покоить у себя, и посовѣтоваться съ намѣстниками и воеводами: если приговорятъ держать его въ Казани, на старой его пашнѣ и на ясаку, то держать его на старой пашнѣ и на ясаку; а нельзя его будетъ держать въ Казани, изъ опасенія новой измѣны, то, крестивъ, отослать къ государю. Котораго татарина за какую нибудь вину воеводы велятъ казнить, а другіе татары придутъ къ архіепис-

кону бить челомъ о печалованіи, то архіепископу посылать отпрашивать виновнаго и, по совѣту намѣстника и всѣхъ воеводъ, взять его у намѣстника и воеводъ за себя и, если можно, держать его въ Казани, а если нельзя, отослать къ государю. Держать архіепископу совѣтъ съ намѣстникомъ и воеводами: на которыхъ татаръ будетъ у нихъ опала невеликая, и захотятъ ихъ острастить казнію, а до казни не дойдутъ, о такихъ пусть они сказываютъ архіепископу; и архіепископу отъ казни ихъ отпрашивать, хотя ему отъ нихъ и челобитья не будетъ. Всѣми способами, какъ только можно, архіепископу татаръ къ себѣ пріучать и приводить ихъ любовію на крещеніе, а страхомъ ко крещенію никакъ не приводить [1]). Услышитъ архіепископъ безчиніе въ казанскихъ и свіяжскихъ воеводахъ, въ дѣтяхъ боярскихъ и во всякихъ людяхъ, или въ самихъ намѣстникахъ, относительно закона христіанскаго, то поучать ихъ съ умиленіемъ; не станутъ слушаться—говорить съ запрещеніемъ; не подѣйствуетъ и запрещеніе—писать о ихъ безчинствахъ къ царю. Архіепископу держать намѣстниковъ казанскихъ и свіяжскихъ честно. Если случится намѣстнику казанскому и воеводамъ обѣдать у архіепископа, то намѣстника сажать по конецъ стола, воеводъ сажать у себя по другую

[1]) Къ сожалѣнію, не вездѣ держались такихъ благоразумныхъ истинно христіанскихъ мѣръ,—нетерпимость вѣка брала свое: «давали дьяки (въ Новгородѣ) по монастырямъ татаръ (въ 1555 году), которые сидѣли въ тюрьмахъ и захотѣли креститись; которые не захотѣли креститись, ино ихъ метали въ воду» (П. С. Р. Л. III, 152).

сторону въ большомъ столѣ, пропустя отъ себя мѣста съ два; архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ сажать въ кривомъ столѣ; послѣ стола подать чашу царскую архіепископу, архіепископскую чашу намѣстнику, намѣстничью архимандриту или игумену большому, а не случится такого, то архіепископскому боярину. О какихъ царскихъ думныхъ дѣлахъ намѣстникъ и воевода станутъ совѣтоваться съ архіепископомъ, то ему съ ними совѣтоваться и мысль свою во всякихъ дѣлахъ имъ давать, кромѣ однихъ убійственныхъ дѣлъ; а мыслей намѣстника и воеводъ никакъ не разсказывать никому. Держать архіепископу у себя во дворѣ береженіе великое отъ огня,—поварни и хлѣбни подѣлать въ землѣ; меду и пива въ городѣ у себя на погребѣ не держать, держать на погребѣ у себя квасъ, а вино, медъ и пиво держать за городомъ на погребѣ. Намѣстнику и воеводамъ говорить почаще, чтобъ береженье держали отъ огня и отъ корчемъ великое, чтобъ дѣти боярскіе и всякіе люди ночью съ огнемъ не сидѣли и съѣздовъ у нихъ, ночнаго питья не было; да и днемъ бы не бражничали, по городу и въ воротахъ держали сторожей и береженье великое. Если архіепископъ узнаетъ, что у намѣстника и воеводъ въ городѣ небережно или людямъ насиліе, то говорить объ этомъ намѣстнику и воеводамъ дважды и трижды, чтобъ такъ не дѣлали; если же не послушаютъ, то писать къ государю».

Новому архіепископу назначено было, по тому времени, большое жалованье—деньгами 865 рублей да изъ казанской, свіяжской и чебоксарской таможенной пош-

лины десятой деньги 155 рублей 11 алтынъ; кромѣ того столовые припасы шли патурою отъ ржи до прямыхъ кореньевъ.

Наказъ относительно обращенія татаръ въ христіанство былъ выполненъ какъ нельзя лучше Гуріемъ и двумя главными сотрудниками его, архимандритами Германомъ и Варсонофіемъ, изъ коихъ первый былъ преемникомъ Гурія на архіепископіи казанской: нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обращены были въ христіанство. Мощи всѣхъ этихъ троихъ просвѣтителей земли казанской почиваютъ въ соборномъ Благовѣщенскомъ храмѣ—теперь каменномъ, основанномъ въ 1562 году св. Гуріемъ на мѣстѣ первой деревянной церкви, построенной сейчасъ-же послѣ взятія Казани.

Въ память покоренія Казани царь Іоаннъ Васильевичъ воздвигъ въ Москвѣ, по обѣту, храмъ въ честь Покрова Богоматери о девяти верхахъ, или главахъ. Этотъ храмъ, извѣстный теперь подъ именемъ Покровскаго собора на Рву [1]) или церкви Василія Блаженнаго [2]), находится на Красной площади, противъ Спасскихъ воротъ, и представляетъ очень любопытный памятникъ своеобразнаго и затѣйливаго зодчества: это—замѣчательнѣйшая въ Россіи церковь по красотѣ и

---

[1]) На этомъ мѣстѣ была прежде деревянная церковь во имя Святой Троицы надъ кремлевскимъ *рвомъ*.

[2]) Въ немъ почиваютъ мощи св. Василія юродиваго Христа ради, или Блаженнаго.

силѣ самобытнаго творчества, представляющая удивительное сочетаніе въ одной громадѣ хаотическаго и затѣйливо-пестраго вкуса индійскихъ сооруженій съ величіемъ и благородствомъ итальянской архитектуры, смѣлости и легкости мавританскаго зодчества съ тяжестью и излишествомъ въ украшеніяхъ готическаго вкуса. Здѣсь не одна церковь, но сгруппировано нѣсколько церквей. Не смотря однако на все пестрое и вычурное разнообразіе, храмъ выражаетъ собою единство мысли. Строитель его несомнѣнно былъ человѣкъ весьма талантливый; имя его, къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ. Въ народѣ сложилось даже баснословное преданіе, будто царь, восхищенный красотою зданія, приказалъ выколоть глаза зодчему, чтобы онъ не могъ нигдѣ въ чужомъ краю выстроить ничего подобнаго.

На мѣдной доскѣ, прибитой къ стѣнѣ храма, вырѣзана слѣдующая надпись:

«Божіимъ благоволеніемъ и Пречистыя Богородицы милостію и всѣхъ Святыхъ молитвами, повелѣніемъ благочестиваго царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи, лѣта 7062 (1554) начата созиданіемъ сія церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, да на томъ же основаніи восемь церквей: входъ въ Іерусалимъ; живочачальныя троицы; иже во Святыхъ отецъ нашихъ трехъ патріарховъ—Александра, Іоанна и Павла Новаго; Святаго священномученика Григорія Великія Арменіи; Святыхъ мучениковъ Кипріана и Устины; преподобныхъ: Александра Свирскаго, Варлаама Хутынскаго и великаго чудотворца Николая. И поставлена бысть сія святая церковь, егда самъ христолюбивый

царь Іоаннъ Васильевичъ всея Россіи со всѣми своими воинствы ходи на Казань и многихъ тамо поби и разори и градъ взя и царя казанскаго съ мурзами привезе въ Москву».

Другимъ памятникомъ покоренія Казани служитъ *памятникъ надъ могилою воиновъ, убитыхъ подъ Казанью.* Онъ находится въ полуторыхъ верстахъ отъ Казани, неподалеку отъ Московскаго тракта, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ Успенскій монастырь; потомъ тутъ была часовня, а въ 1812 году начатъ постройкою настоящій памятникъ, оконченный въ 1823 году. Онъ построенъ по чертежу архитектора Алферова, имѣетъ видъ усѣченной пирамиды, 10 квадратныхъ сажень въ основаніи и 10 сажень вышины, съ франтонами со всѣхъ сторонъ. Площадь вокругъ памятника, крыльца и фронтоны выложены камнемъ; вершина увѣнчана вызолоченнымъ крестомъ, а весь памятникъ снаружи обложенъ листовымъ желѣзомъ. Внутри въ углахъ устроены четыре келліи, а въ срединѣ—церковь во имя *Нерукотвореннаго образа* Всемилостиваго Спаса. Подъ спудомъ, въ подземельной пещерѣ, устроенъ гробъ, въ которомъ собраны кости воиновъ. Въ церкви каждую субботу и каждое воскресенье совершается богослуженіе архимандритомъ или однимъ изъ іеромонаховъ Зилантова монастыря, основаннаго самимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ и устроеннаго св. Гуріемъ.

Этотъ памятникъ сооруженъ на суммы, собранныя жителями Казани и отчасти пожертвованныя императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

Покореніе Казани было, безъ сомнѣнія, блистательнѣйшимъ событіемъ царствованія Іоанна Грознаго, имѣвшимъ великое историческое значеніе.

Мы видѣли, съ какимъ восторгомъ встрѣчалъ всюду русскій народъ царя Іоанна при возвращеніи его изъ казанскаго похода: онъ привѣтствовалъ въ немъ *перваго* завоевателя ненавистнаго татарскаго, басурманскаго царства.

«Надобно перенестись въ XVI вѣкъ, чтобъ понять всю силу впечатлѣнія, какое производили на современниковъ эти слова: завоевано татарское царство! Только нѣсколько лѣтъ назадъ молодой великій князь рѣшился принять этотъ страшный титулъ царя, означавшій до сихъ поръ преимущество татарскихъ хановъ, верховныхъ повелителей, предъ которыми преклонялись наши князья. Вспомнимъ, что Іоаннъ III, требовавшій равенства съ императоромъ германскимъ и султаномъ, не думалъ о равенствѣ съ царемъ крымскимъ и билъ ему челомъ. И вотъ царство татарское завоевано—и завоевано съ необыкновенными усиліями, которыя соотвѣтствовали усиліямъ сѣверо-восточной Руси для отраженія Мамая въ 1380 году. Но слѣдствія усилій были совершенно различны: слѣдствіемъ усилій Донскаго было только отраженіе страшнаго царя,—слѣдствіемъ усилій Іоанна IV было завоеваніе царства.

«Въ туманѣ самой отдаленной древности представлялись первые князья русскіе, эти герои, завоевывавшіе чуждыя страны; давно миновались эти счастливыя времена и замѣнились временами усобицъ и нападеній поганыхъ, несшихъ розно русскую землю. Недавно рус-

ская земля начала опять собираться, но о пріобрѣтеніяхъ чуждыхъ земель не думали. Завоеваніе казанскаго царства было слѣдовательно первымъ завоеваніемъ и, что всего важнѣе—завоеваніемъ татарскаго царства. Послѣ многихъ вѣковъ страданія и униженія явился наконецъ царь на Руси, который возвратилъ ей счастливое время первыхъ князей-завоевателей. Понятно отсюда, почему Іоаннъ IV сталъ такъ высоко надъ своими предшественниками, почему для русскихъ людей XVII вѣка это былъ самый величественный образъ въ русской исторіи, загораживающій собою всѣ другіе образы, именно такой, какимъ для русскихъ людей двухъ послѣднихъ вѣковъ былъ образъ Петра Великаго. Но имѣемъ право сказать, что относительно всей массы русскаго народонаселенія, впечатлѣніе, произведенное подвигами Іоанна IV, было сильнѣе впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ подвигами Петра, ибо дѣятельность преобразовательная, касавшаяся преимущественно высшихъ слоевъ общества, подвиги сѣверной войны, полтавская побѣда не могли возбуждать въ цѣлой массѣ народонаселенія такого сильнаго сочувствія, какое въ русскихъ людяхъ XVI вѣка возбуждено было завоеваніемъ татарскаго царства. Притомъ завоеваніе это не было вовсе слѣдствіемъ личнаго славолюбія молодаго государя и не было слѣдствіемъ стремленій великихъ, но не для всѣхъ понятныхъ, каково, напримѣръ, было стремленіе къ завоеванію прибалтійскихъ областей: завоеваніе казанскаго царства было подвигомъ необходимымъ и священнымъ въ глазахъ каждаго русскаго человѣка; подвигъ этотъ

совершался для защиты христіанства отъ бусурманства, для охраненія русскихъ областей, опустошаемыхъ варварами, для освобожденія плѣнниковъ христіанскихъ. Наконецъ впечатлѣніе усиливалось еще разсказами о необыкновенныхъ трудностяхъ подвига, ибо всѣ прежніе походы не могли идти въ сравненіе съ походомъ казанскимъ.

«Въ исторіи восточной Европы взятіе Казани, водруженіе креста на берегахъ ея рѣкъ имѣетъ важное значеніе. Преобладаніе азіатскихъ ордъ здѣсь было поколеблено въ XIV вѣкѣ и начало никнуть предъ новымъ европейскимъ, христіанскимъ государствомъ, образовавшимся въ области верхней Волги. Во второй половинѣ XV вѣка Золотая орда рушилась; но расторгнутые члены чудовища не переставали двигаться: явились три царства татарскихъ. Изъ нихъ астраханское, образовавшееся въ устьяхъ Волги, было самое безопасное для христіанскихъ государствъ восточной Европы. Крымское скоро обнаружило свой разбойничій характеръ въ отношеніи къ Руси и Польшѣ; но широкая степь отдаляла московское государство отъ Крыма. Ничто не отдаляло его отъ третьяго царства—казанскаго, основаннаго на средней Волгѣ и нижней Камѣ, въ томъ важномъ мѣстѣ, гдѣ новая сѣверо-восточная Русь необходимо должна была сталкиваться съ Азіею въ своемъ естественномъ стремленіи—внизъ по Волгѣ. Издавна Азія, и Азія магометанская, устроила здѣсь притонъ, притонъ не для кочевыхъ ордъ, но для цивилизаціи своей; издавна утвердился здѣсь торговый и промышленный народъ—болгары; издавна, когда еще

русскій славянинъ не начиналъ строить на Окѣ церквей христіанскихъ, не занималъ еще этихъ мѣстъ во имя европейской гражданственности, болгаринъ слушалъ уже коранъ на берегахъ Волги и Камы. Здѣсь впервые въ сѣверо-восточной Европѣ христіанство столкнулось съ бусурманствомъ. Это столкновеніе было необходимо, какъ скоро новая Русь основалась въ области верхней Волги, какъ скоро славянская колонизація нашла себѣ путь внизъ по этой рѣкѣ. Первыя князья новой, сѣверо-восточной Руси—Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III, Юрій II ведутъ войны съ болгарами и доводятъ границы своихъ владѣній до устья Оки въ Волгу, гдѣ закрѣпляютъ ихъ Нижнимъ-Новгородомъ. Болгарамъ трудно было бы защищать Азію и магомстанство съ этой стороны отъ напора Руси; но вотъ Азія высылаетъ татаръ, и движеніе Руси на востокъ по теченію Волги остановлено надолго. Съ ослабленіемъ татарскаго владычества это движеніе снова начинается; но тутъ Азія, татары собираютъ послѣднія силы и утверждаются въ опасномъ мѣстѣ,—основывается Казань. До тѣхъ поръ, пока существовала Казань, до тѣхъ поръ дальнѣйшее движеніе русской колонизаціи на востокъ по Волгѣ, наступательное движеніе Европы на Азію было невозможно. Страшное ожесточеніе, съ какимъ татары, эти жители степей и кибитокъ, способные къ нападенію, но неспособные къ защитѣ, защищали однако Казань, это страшное ожесточеніе заслуживаетъ вниманіе историка: здѣсь средняя Азія, подъ знаменемъ Магомета, билась за свой послѣдній оплотъ противъ Европы, шедшей подъ

христіанскимъ знаменемъ государя московскаго. Пала Казань, и вся Волга стала рѣкою московскаго государства. Завоеваніе Астрахани было скорымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ завоеванія Казани. Со взятіемъ всей Волги во владѣніе московскимъ государствомъ, русскія поселенія получили возможность распространяться и на юго-востокъ, въ богатыя страны, орошаемыя западными притоками Волги и восточными Дона» [1]).

XVIII.

Видѣнія и предсказанія о паденіи Казани [2]).

Въ *Царственной Книгѣ*, излагающей, между прочимъ, казанскую войну, подробно описаны разныя видѣнія на яву и во снѣ, бывшія многимъ людямъ, какъ русскимъ, такъ и татарамъ, и предвѣщавшіе паденіе Казани. Заимствуемъ изъ нея вкратцѣ эти повѣствованія и приводимъ сначала видѣнія, бывшія русскимъ, и затѣмъ—бывшія татарамъ.

---

[1]) *С. Соловьевъ*, исторія Россіи. Томъ шестой, изд. 4-е. М. 1877 Стр. 98—101.

[2]) Считаемъ небезъинтереснымъ замѣтить, что разными видѣніями и предзнаменованіями сопровождалось паденіе и другихъ важныхъ городовъ, напр. Іерусалима, Константинополя, Новгорода-Великаго и друг.

1. Видѣніе въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Когда русское войско, отправлявшееся подъ Казань, приближалось къ Свіяжску, къ царю прибылъ изъ Нижняго Новгорода протопопъ со святою водою и разсказалъ, что на-дняхъ у нихъ въ городѣ было чудесное видѣніе. Пономарь церкви Зачатія Святыя Анны, вышедъ предъ заутренею изъ дому, увидалъ въ церкви свѣтъ. Въ испугѣ, не зная, что подумать, онъ поспѣшно вошелъ въ церковь—и видитъ сіяющаго сѣдинами мужа, который, увидѣвъ пономаря, приказалъ ему немедленно звонить къ заутренѣ. «Не смѣю—говоритъ изумленный и испуганный пономарь,—потому что не получилъ еще благословенія на это отъ священника». —Не бойся, отвѣчаетъ дивный старецъ,—иди и звони скорѣе: мнѣ нѣкогда дожидаться здѣсь,—я спѣшу къ Казани на помощь царю и великому князю Іоанну.— Пономарь не осмѣлился больше возражать, пошелъ и сталъ звонить; возвратившись же въ церковь никого уже въ ней не нашелъ.

---

2. Видѣніе Апостоловъ и Святыхъ.

Нѣкто Тихонъ, человѣкъ богобоязненный, бывшій слугою у боярина Головина, лежалъ раненый (это было во время осады Казани), въ своей палаткѣ. Вдругъ, какъ будто во снѣ, онъ видитъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла съ Чудотворцемъ Николаемъ и другими Святыми въ неизреченномъ свѣтѣ грядущихъ по воз-

духу; а на землѣ въ это время скачетъ татарское ское войско и молитъ Святителя Николая, чтобъ помогъ имъ одолѣть русскихъ. Но великій Чудотворецъ обратился къ Апостоламъ и прочимъ Святымъ и сказалъ: «Преблагій Богъ, хотящій всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити, благоволилъ и здѣсь быть православнымъ. И такъ не медлите—благословите и освятите мѣсто сіе, какъ повелѣлъ вамъ Господь». Апостолы и Святые благословили при этомъ городъ Казань,—и видѣніе исчезло.

---

3. Видѣніе Святителя Николая Чудотворца.

Одинъ изъ воиновъ, нижегородецъ, отстоявъ свои часы на стражѣ, усталый вошелъ въ свою палатку и легъ отдохнуть послѣ долгаго труда и бодрствованія; не успѣлъ онъ сомкнуть глазъ, какъ слышитъ, что кто-то будитъ его. «Не мѣшай,—говоритъ воинъ,—я сильно усталъ и хочу отдохнуть»—и, открывъ при этомъ глаза, видитъ Святителя Николая, который говоритъ ему: «Иди, скажи царю и великому князю Іоанну, чтобъ онъ повелѣлъ осѣнить свое войско честнымъ крестомъ и окропить святою водою: се бо предаетъ Богъ градъ сей Казань въ руки его». Воинъ поспѣшно всталъ и доложилъ объ этомъ государю, который немедленно распорядился исполненіемъ приказанія Чудотворца.

---

4. Видѣніе Даніила Переяславскаго и свѣта надъ Казанью.

Одинъ священникъ, находившійся при войскѣ, ложась спать, обратился съ молитвою къ преподобному Даніилу, прося его о помощи благочестивому царю. «Знаю,—такъ молился священникъ,—что ты, преподобный, имѣешь дерзновеніе къ Богу: еще находясь въ сей жизни ты помогалъ многимъ въ скорбяхъ и меня нѣкогда молитвами своими исторгнулъ изъ рукъ разбойниковъ, избавивъ внезапно отъ обнаженнаго оружія и горькой смерти. Такъ и нынѣ стань своими молитвами въ помощь христолюбивому царю, котораго ты самъ своими священными руками принялъ отъ купели святаго крещенія. Какъ чадолюбивый отецъ, не оставь его и теперь, но ходатайствую къ Богу твоими молитвами, да смиритъ Богъ сопротивныхъ ему и да просвѣтитъ благочестіемъ мѣсто сіе, да разрушитъ всѣхъ воюющихъ противъ него, да посрамятся всѣ, показывающіе къ намъ вражду, и да сокрушится крѣпость ихъ». Помолившись такъ священникъ слегка уснулъ и вдругъ видитъ: преподобный Даніилъ сидитъ въ своемъ монастырѣ на какомъ-то возвышенномъ мѣстѣ, окруженный свѣтолѣпными мужами, а онъ (священникъ) сидитъ прямо у ногъ преподобнаго въ мантіи и недоумѣваетъ, когда же возложена на него мантія, но спросить объ этомъ никого не смѣетъ. Видя его недоумѣніе окружающіе прп. Даніила спрашиваютъ послѣдняго: «Неужели и этотъ причтенъ къ братіи»? Преподобный от-

вѣчастъ: «Нѣтъ еще, но будетъ причтенъ послѣ; а теперь пусть будетъ отпущенъ». При этомъ священникъ проснулся, трепеща отъ видѣнія, которое было такъ живо, что и на яву онъ сталъ ощупывать себя, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли на немъ мантіи. Была еще глубокая ночь. Открывъ окно, чтобы освѣжиться, священникъ видитъ вдругъ надъ Казанью необыкновенный свѣтъ, какъ будто отъ сильнаго пожара, и потомъ явственно различаетъ блестящіе столбы на небѣ. Онъ поспѣшилъ разбудить одного раненаго совѣтника царскаго и нѣсколькихъ другихъ, которые всѣ видѣли это необыкновенное явленіе и приняли его за счастливое предзнаменованіе.

---

5. Видѣніе на Свіягѣ.

Еще до похода Іоанна на Казань великій заступникъ земли русской, преподобный Сергій Радонежскій назначеновалъ благословеніемъ своимъ мѣсто для новаго христіанскаго города—Свіяжска. Когда былъ основанъ Свіяжскъ и въ немъ монастырь съ храмомъ во имя чудотворца Сергія, тогда отъ храмовой иконы его совершились многія исцѣленія. Старшины горныхъ черемисъ, пришедши въ Свіяжскъ, сказывали: «лѣтъ за пять до основанія сего города, когда мѣсто сіе было еще пусто, когда Казань была спокойна, мы часто слышали здѣсь русскій церковный звонъ. Удивляясь и приходя въ страхъ мы посылали легкихъ молодыхъ людей къ сему мѣсту посмотрѣть, что такое происходитъ; и

они слышали голоса прекрасно поющихъ, какъ будто въ церкви, а никого не видали, кромѣ одного вашего стараго инока, который ходилъ съ крестомъ, благословлялъ на всѣ стороны, какъ будто размѣрялъ мѣсто, гдѣ теперь городъ; и все то мѣсто наполнялось благоуханіемъ. Когда посланные нами покушались ловить его, онъ становился невидимъ; когда пускали въ него стрѣлы,—стрѣляли не ранили его, а летѣли вверхъ, падали на землю и ломались. Мы сказали о семъ нашимъ князьямъ, а они—царицѣ и вельможамъ въ Казани».

---

6. Юродивый татаринъ.

Въ самой Казани ходилъ юродивый татаринъ, который только и твердилъ: «жить здѣсь не татарамъ, но русскимъ». Это надоѣло казанцамъ, и они хотѣли его убить; но царь Едигеръ запретилъ убивать его, а приказалъ запереть его въ пустой домъ. Юродивый какъ то вырвался изъ своего заключенія и продолжалъ проклинать татаръ и пророчить имъ неминуемую гибель.

---

7. Царевна Кавгадша.

Царевна Кавгадша, родная сестра Магметъ-Амина (бывшаго царя казанскаго), знала татарскую грамоту и была посвящена въ тайны волхованія. Однажды, гадая о судьбѣ роднаго города, она сказала посламъ

московскаго великаго князя: «помяните мое слово, что чрезъ 16 лѣтъ казанскіе татары не въ состоянія будутъ противиться великому князю Ивану, который овладѣетъ не только казанскимъ царствомъ, но и многими другими странами».

8. Старикъ въ ямѣ.

Во время осады Казани татары прятались (какъ говорено было выше) отъ русскихъ пуль или ядеръ въ выкопанныя для этого ямы. Однажды входятъ казанцы въ одну изъ такихъ ямъ и—къ величайшему своему удивленію—видятъ въ ней печь, полную пшеничныхъ хлѣбовъ; въ одномъ углу стоитъ богатая кровать, на которой лежитъ старикъ; въ ямѣ было распространено благоуханіе. Старикъ сталъ говорить вошедшимъ къ нему согражданамъ: «не сопротивляйтесь московскому государю, но принесите ему покорность: онъ очень милостивъ и не сдѣлаетъ вамъ вреда. Если же не покоритесь ему, то не многіе изъ васъ избѣгнутъ гибели». Думая, что это—мечтаніе, наведенное русскими, татары хотѣли убить старика; но въ эту минуту все исчезло—и постель, и старикъ, и хлѣбы въ печи: яма наполнилась смрадомъ.

9. Видѣнія монаховъ и священниковъ.

Нѣсколько разъ казанцы видали на царскомъ дворѣ и въ царскихъ чертогахъ монаха, который то ходилъ, то сидѣлъ. Неоднократно они собирались подстрѣлить

сго; но монахъ проходилъ невредимо среди нихъ, шелъ чрезъ весь городъ и потомъ скрывался за городомъ.

Видѣли также нѣсколько разъ на городскихъ стѣнахъ двухъ бѣгающихъ монаховъ; но никто не могъ ни поймать, ни догнать ихъ. Или видѣли, что православные священники ходятъ по стѣнамъ съ пѣніемъ и кадилами. Все это приводило въ удивленіе татаръ, и они говорили другъ другу: «Видно по всему, что быть на этомъ мѣстѣ Руси и церквамъ христіанскимъ».

XIX.

Память въ народѣ о покоренiи Казани.

Если народъ живо помнитъ и съ сердечною болью воспоминаетъ мрачное и печальное время татарской неволи со всѣми его ужасами, то въ памяти его не могли не сохраниться и тѣ свѣтло-радостныя историческія событія, въ которыхъ его злѣйшіе враги—татары являются не грозными побѣдителями и злыми мучителями, а побѣжденными, униженными, безсильными. Такими свѣтлыми событіями въ древней исторіи русской земли были въ особенности, Мамаево побоище и взятіе Казани.

Вотъ какъ поется въ народной пѣснѣ о послѣднемъ событіи.

Вы послушайте, ребята,
Что мы станемъ говорить,
А мы, старыя старушки,
Будемъ сказывати
Про грозна царя Ивана
Про Васильевича:
Какъ царь-государь

Подъ Казань подступалъ,
Онъ подъ рѣчку подъ Казанку
Подкопъ подкопалъ—
Сорокъ бочекъ закопалъ,
Что съ тѣмъ ли ярымъ зельемъ—
Чернымъ порохомъ;
А на бочки становили
Воску яраго свѣчи.
Злы татарове по городу
Похаживаютъ,
Похваляются
Да выхваляются,
Что не быть, дескать, Казанюшкѣ
Подъ бѣлымъ подъ царемъ.
А онъ, нашъ царь-государь,
Распаляется,
Распаляется, прогнѣвляется;
А на завтра пушкарей
Онъ велитъ всѣхъ казнить,
Всѣхъ пушкарчиковъ,
Зажигальщиковъ.
Какъ одинъ пушкарь
Посмѣлѣй всѣхъ былъ:
А за первое, царь, слово
Мнѣ нѣтъ казни;
За другое, царь, слово
Головы не сними.
А въ тиши-то свѣчи
Онѣ тише горятъ,
На вѣтру-то свѣчи
Онѣ шибче горятъ.
Не успѣлъ пушкарь
Слово вымолвить,
Какъ и вырвало стѣну
Бѣлокаменную,
Поломало всѣ башни
Узорчатыя.
Вдругъ нашъ царь-государь
Очень веселъ сталъ,
А на утро пушкарей
Велитъ жаловати:
И всѣмъ пушкарямъ
По пятидесяти рублей,
Одному же пушкарю
Сто пятьдесятъ рублей.

Приведемъ еще другую пѣсню о взятіи Казани:

Какъ отъ сильнаго московскаго царства
Какъ-бы сизый орлище встрепенулся,
Какъ-бы грозная туча подымалась,
На Казанское царство наплывала.
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь московскій,
А Иванъ сударь Васильевичъ прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Какъ онъ, грозенъ царь, подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчку подъ Казанку подкопъ подводилъ,
Подъ другую сторону—подъ Сулай-рѣку
Сорокъ бочекъ закатилъ со лютымъ зельемъ,
Со лютымъ зельемъ—со порохомъ.
Зажигали мы на бочкахъ свѣчу воску яраго,
Зажжемши свѣчи сами прочь отошли.
А злые татарченки по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего царя бѣлаго Ивана Васильевича подражниваютъ,
«Ты не городъ пришелъ брать,—пришелъ тылъ казать!»
На то грозный Царь Иванъ Васильевичъ осердился:
«Подавай мнѣ пушкаревъ казнить-вѣшати!»
Какъ и выбрался изъ нихъ молодой пушкарь:
«Не изволь, государь, насъ вѣшать-казнить,
Дай ты намъ, государь, рѣчи говорить:
Наружу-то свѣчи онѣ скоро горятъ,
Въ подземельи не скоро теплятся».
Не успѣлъ слова сказать—стало бочки рвать,
Стало бочки рвать, землю на-розно метать,
Какъ стѣны бросало за Сулай-рѣку
И побило всѣхъ татаръ каменничкомъ.

Вотъ картинно-живописное изображеніе въ пѣснѣ послѣдствій жестокаго кровопролитія:

Казань-то городъ во крови стоитъ,
Казанка-то рѣчка кровью протекла,
Мелкіе ручьи—горючими слезами:
По лугамъ-лугамъ да все волосы,
По горамъ-горамъ да все головы,
Да все головы разноличныя.

XX.

Покореніе Астраханскаго царства 1557 г. [1]).

Въ области Казанскаго царства, по обѣимъ сторонамъ Волги, западной (горной) и восточной (луговой), жили разные дикіе народы: Черемисы, Мордва, Чуваши, Вотяки, Башкиры, подчинявшіеся царямъ казанскимъ. Послѣ паденія Казани, эти народы долго не хотѣли подчиниться московскому владычеству: нужно было еще пять лѣтъ опустошительной войны, чтобы усмирить ихъ. Въ борьбѣ своей съ русскими они находили себѣ помощь у погаевъ и разъ даже поставили себѣ царемъ погайскаго царевича; но скоро увидали, что отъ него мало пользы, и убили его. Воткнувъ его голову на колъ они (какъ сказываетъ Курбскій) говорили: «Мы было взяли тебя того ради на царство, съ дворомъ твоимъ, да обороняеши насъ; а ты и сущіе съ тобою не сотворилъ намъ помощи столько, сколько коровъ и воловъ нашихъ поѣлъ; и нынѣ глава твоя

---

[1]) Астраханское царство появилось послѣ паденія Золотой Орды. Сначала владычествовали здѣсь родственники послѣдняго золотоордынскаго хана Ахмата. Когда въ 1502 году Менгли-Гирей завоевалъ Астрахань, *Шейхъ-Ауліяръ*, отецъ *Шахъ-Али*, бѣжалъ въ Россію и получилъ Касимовъ. Въ 1533 году сидѣлъ въ Астрахани *Касимъ* убитый черкесами: сынъ его *Едигеръ* былъ послѣднимъ царемъ казанскимъ. Послѣ него недолго царствовалъ *Акубекъ*; мѣсто его занялъ *Абдур-Рахманъ*, свергнутый въ 1537 году ногаями; посаженъ *Дербышъ*, прогнанный въ 1547 году *Сапи-Гиреемъ*. Мѣсто его занялъ *Ямгурчей*.

да царствуетъ на высокомъ колѣ». Наконецъ въ 1557 году, благодаря дѣятельности князя Петра Шуйскаго, казанская земля успокоилась и вся присягнула царю Московскому.

Въ войнѣ противъ Москвы народовъ, входившихъ въ составъ казанскаго царства, какъ мы сказали, принимали участіе ногаи, подущаемые турецкимъ султаномъ, который никакъ не могъ равнодушно сносить того, что магометанскія владѣнія достаются христіанамъ и потому хотѣлъ, чтобы всѣ ближайшіе къ Москвѣ магометанскіе народы дружно и постоянно враждовали противъ пея. Но, къ счастію, для Московскаго государства, эти народы не были способны къ такому дружному и постоянному дѣйствію. Ногайскіе князья ссорились между собою, и стоило одному изъ нихъ вооружиться противъ Москвы, какъ другой, враждебный ему князь начиналъ заискивать расположенія Московскаго государя. Одинъ ногайскій князь, Юсуфъ (отецъ Сююнбеки), былъ врагомъ Москвы, другой, Измаилъ—ея союзникомъ. Этотъ послѣдній еще до взятія Казани предлагалъ Іоанну овладѣть Астраханью, выгнать оттуда Ямгурчея и на его мѣсто посадить Дербыша, еще прежде выгнаннаго изъ Астрахани и жившаго теперь въ Россіи; послѣ взятія Казани это предложеніе возобновилось. Въ октябрѣ 1553 года пришли къ Іоанну послы отъ ногаевъ, отъ мурзы Измаила и отъ другихъ мурзъ съ челобитьемъ, чтобы царь и великій [князь оборонилъ ихъ отъ астраханскаго царя Ямгурчея, послалъ на него свою рать и

посадилъ въ Астрахани на его мѣсто Дербыша, а Измаилъ и другіе мурзы будутъ исполнять государеву волю. Царь велѣлъ Адашеву разспросить хорошенько ногайскихъ пословъ, чего они хотятъ, и уговориться, какъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними противъ Астрахани. Уговорились, что царь пошлетъ къ Астрахани воеводъ Волгою на судахъ съ пушками, а Измаилъ будетъ помогать имъ сухимъ путемъ. Рѣшившись овладѣть Астраханью царь, по словамъ лѣтописи, имѣлъ въ виду не болѣе, какъ возвращеніе себѣ древняго достоянія своихъ предковъ, своего древняго *отечества*. Когда Владиміръ Святой дѣлилъ волости дѣтямъ своимъ, то эту Астрахань, называвшуюся тогда Тмутараканомъ, отдалъ сыну своему Мстиславу. Здѣсь былъ построенъ храмъ Пречистыя; здѣсь владѣли многіе государи христіанскіе, потомки св. Владиміра, сродники царя Іоанна Васильевича; а потомъ, вслѣдствіе междоусобныхъ браней русскихъ государей, Астрахань перешла въ руки царей нечестивыхъ ордынскихъ.

Весною 1554 года, какъ прошелъ ледъ, 70,000 русскаго войска, подъ начальствомъ князя Юрія Ивановича Пронскаго-Шемякина: поплыли Волгою подъ Астрахань; туда же отправились вятскіе служилые люди, подъ начальствомъ князя Александра Вяземскаго. 29-го августа, когда царь, по обычаю, праздновалъ въ селѣ Коломенскомъ день своего ангела съ духовенствомъ и боярами, отъ князя Пронскаго прискакалъ гонецъ съ вѣстію о взятіи Астрахани. Русскіе заняли Астрахань безъ малѣйшаго сопротивленія, потому, что защитники ея побѣжали при первомъ видѣ

врага. Ямгурчей ускакалъ къ Азову, отпустивъ женъ и дѣтей на судахъ къ морю. Царицы съ царевичами и царевнами были перехвачены, но царя тщетно искали по всѣмъ угламъ и дорогамъ. 7-го іюля, настигнуты были толпы Астраханцевъ, спасавшихся бѣгствомъ: часть ихъ была побита, другіе взяты въ плѣнъ, причемъ освобождено было много русскихъ невольниковъ. Посадивъ на престолъ Астраханскій Дербышъ-Алея, Пропскій обязалъ его клятвою давать московскому государю каждый годъ по 40,000 алтынъ да по 3,000 рыбъ; рыболовамъ русскимъ царскимъ ловить рыбу въ Волгѣ отъ Казани до Астрахани и до самаго моря бездапно и безъявочно. Если умретъ царь Дербышъ-Алей, то астраханцы не должны тогда искать себѣ другаго царя, а должны бить челомъ государю: кого имъ государь на Астрахань пожалуетъ, тотъ и будетъ имъ любъ.

Осенью 1555 года Измаилъ прислалъ въ Москву пословъ съ жалобою на царя Дербыша, что онъ измѣняетъ царю и великому князю и надѣлалъ много дурнаго ногаямъ: чтобъ государь ихъ отъ Дербыша оборопилъ и взялъ Астрахань въ свое полное владѣніе, какъ Казань. Въ мартѣ слѣдующаго года Измаилъ опять далъ знать въ Москву, что Дербышъ измѣнилъ окончательно, соединившись съ крымскимъ ханомъ и съ враждебными Россіи ногаями. Черезъ нѣсколько дней пришла вѣсть объ измѣнѣ Дербыша и отъ Мансурова отправленнаго посломъ въ Астрахань. Немедленно отправлены были къ Астрахани сухопутьемъ 500 казаковъ съ атаманомъ Лявукомъ Филимоновымъ, и

Волгою стрѣльцы съ своими головами Черемисиновымъ и Тетеринымъ, казаки съ атаманомъ Колупаевымъ и вятчане съ головою Писемскимъ. Атаманъ Ляпунъ Филимоновъ предупредилъ ихъ, напалъ на Дербыша, побилъ у него много людей и много взялъ въ плѣнъ. Въ концѣ сентября, когда царь, по обыкновенію, былъ у Троицы для празднованія дня св. Сергія (25 числа) пришло донесеніе отъ Черемисинова, что пріѣхавъ въ Астрахань, онъ нашелъ городъ пустымъ: царь и люди выбѣжали, разогнанные атаманомъ Ляпуномъ. Дербышъ побѣжалъ къ Азову и не возвращался болѣе. Астрахань была окончательно присоединена къ Москвѣ. Такимъ образомъ устья Волги окончательно закрѣпились за Московскимъ государствомъ. Изъ астраханскаго кремля, московскій стрѣлецкій голова легко наблюдалъ за ногаями, которые просили только позволенія кочевать безопасно подъ Астраханью, ловить рыбу на Волгѣ и торговать безпрепятственно. Усобицы, не прекращавшіяся между кочевниками, ручались и за будущую безопасность этихъ застенныхъ русскихъ владѣній.

Грозенъ былъ воинъ царь нашъ батюшка
Первый царь Иванъ Васильевичъ:
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ-силою
Онъ прошелъ страну татарскую,
Сіе царство взялъ Казанское
Государство Астраханское.

Съ завоеваніемъ Астрахани царь московскій, недавно сдѣлавшійся царемъ казанскимъ, принялъ еще титулъ «царя астраханскаго».

XXI.

Отношенія къ народамъ прикавказскимъ и къ Крыму.

Съ утвержденіемъ московскаго государства въ устьяхъ Волги, предъ нимъ открылось множество мелкихъ владѣній въ Прикавказьѣ. Князья этихъ владѣній ссорились между собою и терпѣли отъ крымцевъ. Теперь, увидавъ у себя въ сосѣдствѣ могущественное государство, они бросились къ нему кто съ просьбами о союзѣ и свободной торговлѣ въ Астрахани, а кто и съ предложеніемъ подданства. Незамѣтно, волею-неволею московское государство затягивалось все далѣе и далѣе на востокъ, къ Кавказу и за Кавказъ.

Въ ноябрѣ 1552 года (слѣдовательно тотчасъ же послѣ взятія Казани) въ Москву пріѣхали двое черкасскихъ князей съ просьбою къ государю—вступиться за нихъ и взять ихъ въ холопи. Въ августѣ 1555 года прибыли въ Москву другіе черкасскіе князья—Сибокъ съ братомъ Ацымгукомъ и Тутарыкъ, съ просьбою отъ всей земли черкасской, чтобы государь защитилъ ихъ отъ царей турецкаго и крымскаго. Князь Сибокъ просилъ окрестить сына его, а Тутарыкъ просилъ окрестить его самого. Лѣтомъ 1557 года, пріѣзжали въ Москву еще другіе черкасскіе князья. Двое изъ князей черкасскихъ кабардинскихъ, Темрюкъ и Тизрютъ, прислали бить челомъ о помощи противъ шамхала тарковскаго. Съ другой стороны, изъ владѣній шамхала и

князя тюменскаго (съ береговъ Терека), пришли послы съ челобитьемъ, чтобы государь приказалъ астраханскимъ воеводамъ беречь ихъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ ханы хивинскій и бухарскій присылали съ великимъ челобитьемъ, чтобы государь дозволилъ ихъ купцамъ вести торговлю въ Астрахани.

Въ Крыму смотрѣли, разумѣется, весьма неблагосклонно на усиленіе Москвы на счетъ татарскихъ царствъ и всѣми средствами старались мѣшать ему. Лѣтомъ 1555 года, поднявъ Дербышъ-Алея въ Астрахани противъ русскихъ, Девлетъ-Гирей крымскій вздумалъ попытаться напасть врасплохъ на московскія украйны. По обычаю—*въ одну сторону лукъ натянутъ, а въ другую стрѣлятъ*—ханъ распустилъ слухъ, что идетъ на черкасовъ. Іоаннъ рѣшился предпринять наступательное движеніе на Крымъ и отправилъ боярина Ивана Васильевича Шереметева съ 13,000 войска къ Перекопи—отвлечь хана отъ черкасъ. Шереметевъ двинулся, но на дорогѣ узналъ, что ханъ, вмѣсто черкасъ, идетъ съ 60,000 войска къ нашимъ украйнамъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, царь отправилъ тотчасъ же въ походъ воеводъ и на третій день выступилъ вслѣдъ за ними и самъ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ въ Коломну. Когда ханъ узналъ, что царь идетъ къ нему на встрѣчу, то повернулъ назадъ. Между тѣмъ Шереметевъ шелъ за ханомъ, съ которымъ встрѣтился на Судбищахъ (въ 150 верстахъ отъ Тулы). Хотя ханъ и одержалъ побѣду надъ Шереметевымъ, который былъ тяжело раненъ, однако войско его утомилось, потеряло много убитыми и ранеными, и онъ съ большою поспѣшностью ушелъ

въ Крымъ, такъ что догнать его не было возможности.

Въ мартѣ 1556 года въ Москву дали знать, что ханъ опять собирается на московскую украйну. Царь послалъ дьяка Ржевскаго съ казаками изъ Путивля на Днѣпръ, а между тѣмъ сталъ готовиться—дать отпоръ хану. Получивъ вѣсть, что царь готовъ его встрѣтить, ханъ поспѣшилъ возвратиться. А Ржевскій подошелъ подъ Исламъ-Кермень, однимъ своимъ появленіемъ разогналъ жителей; потомъ поплылъ дальше къ Очакову, побилъ турокъ и татаръ и поплылъ назадъ. Переправившись отъ преслѣдовавшихъ его крымцевъ на западную (литовскую) сторону Днѣпра, Ржевскій прислалъ сказать государю, что ханъ уже больше не пойдетъ къ московскимъ украйнамъ—и потому, что боится царскаго войска, и потому, что въ Крыму моровое повѣтріе.

Походъ Ржевскаго произвелъ сильное движеніе въ литовской украйнѣ, между малороссійскими казаками. Въ сентябрѣ 1556 года въ Москву явился одинъ изъ казацкихъ атамановъ съ челобитьемъ отъ начальника малороссійскихъ казаковъ, князя Дмитрія Вишневецкаго, истаго казака по природѣ, чтобы государь принялъ его къ себѣ на службу. Царь съ радостью согласился на его предложеніе, и Вишневецкій далъ клятву пріѣхать въ Москву, но прежде обѣщалъ идти воевать съ крымцами, чтобы показать свою службу царю. Слѣдствіемъ похода Вишневецкаго было то, что ханъ отпустилъ всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ имъ на бою съ Шереметевымъ, и прислалъ къ царю съ просьбою о мирѣ.

Въ концѣ 1558 года, зимою крымскому хану дали знать какіе-то татары изъ Москвы, что здѣсь нѣтъ никого, что царь со всѣми своими силами отправился въ Ливонію къ Ригѣ. Девлетъ-Гирей рѣшился даже на зимній походъ, лишь бы воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и напасть врасплохъ на Московскія украйны. Собравъ до 100,000 войска, ханъ отпустилъ его съ тремя отрядами на Рязань, Тулу и Каширу. Но царевичъ Магметъ-Гирей предводительствовавшій главнымъ отрядомъ, на дорогѣ узналъ, что самъ Іоаннъ въ Москвѣ; спросивъ затѣмъ, гдѣ князь. Вишневецкій и бояринъ Иванъ Шереметевъ (два человѣка, болѣе другихъ страшные крымцамъ) и узнавъ, что первый въ Бѣлевѣ, а другой въ Рязани, поворотилъ назадъ, переморивъ людей и лошадей.

Въ началѣ 1559 года Іоаннъ отправилъ князя Вишневецкаго съ 5000 войсками на Донъ и окольничаго Данилу Адашева съ 8000 на Пселъ, чтобы оттуда выплыть на Днѣпръ и воевать крымцевъ. Вишневецкій близь Азова разбилъ 250 крымцевъ, пробиравшихся въ Казанскую область. Дѣйствія Адашева были гораздо успѣшнѣе. Выплывъ на лодкахъ въ устье Днѣпра онъ взялъ два турецкихъ корабля, высадился въ Крыму, опустошилъ улусы и освободилъ московскихъ и литовскихъ плѣнниковъ. На татаръ, застигнутыхъ врасплохъ, напалъ ужасъ. Ханъ прислалъ съ мирными предложеніями, и царь погрозивъ ему, рѣшился на-время прекратить войну съ Крымомъ, несмотря на совѣты близкихъ людей покончить и съ Крымомъ точно также, какъ онъ покончилъ съ Казанью и Астраханью. Іоаннъ

былъ вполнѣ правъ, отказавшись послѣдовать совѣту— покорить Крымъ. Во-первыхъ, Крымъ отъ московскихъ украйнъ былъ отдѣленъ обширною степью, затруднявшею движеніе огромнаго ополченія, необходимаго для его завоеванія. Во вторыхъ, еслибы даже завоеваніе Крыма и было возможно въ то время, то возможно ли было его сохраненіе? Наступательная война съ крымскимъ ханомъ, магометанскимъ владѣльцемъ и подручникомъ султановымъ, влекла необходимо къ войнѣ съ Турціею, которая была тогда на самой высокой степени могущества, предъ которою трепетала Европа. Іоаннъ видѣлъ невозможность борьбы при тогдашнихъ средствахъ московскаго государства. При томъ же ему предстояло другое важное дѣло: уже началась война Ливонская.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

B. H. KAISERL.
ÖFFENTLICHE
BIBLIOTHEK